

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры»

Научно-практический журнал Издаётся с ноября 2007 года (до сентября 2016 года выходил под названием «История и культура Приамурья») Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

 N_{2} 1 (32) / 2022

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович

сопредседатель

(Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, Хабаровск)

Минакир Павел Александрович

сопредседатель

(Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск)

Березницкий Сергей Васильевич

(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,

г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович

(Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил РФ,

г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич

(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич

(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,

г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна (Комсомольский-на-Амуре государственный университет)

Шейкин Юрий Ильич

(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора

Бляхер Леонид Ефимович Савелова Евгения Валерьевна Филаткина Ирина Викторовна Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений

Байков Николай Михайлович

Готнога Александр Васильевич

Ярулин Илдус Файзрахманович

(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович

Качанова Елена Юрьевна

(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович

Дубинина Нина Ивановна

(Историописание. Наследие)

Крюков Иван Владимирович Салеева Лариса Владимировна

Шхалиев Рафик Шхалиевич

(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич

(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна Никитин Алексей Алексевич

Никитин Алексей Алексеевич Шавгарова Анна Владимировна

(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна

Наумова Раиса Вячеславовна

(Библиография)

Журнал зарегистрирован

в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-80737 от 21.04.2021.

ISSN 2542-1328 (Print)

ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Адрес издателя:

680000, г. Хабаровск,

ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72

Тел. (4212) 32-72-20

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

▶К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ВЕНЮКОВА

Экспедиция по следам М. И. Венюкова «Амурское дело. Уссури-2021»......4

Малахов Михаил Георгиевич

Книжное собрание Михаила Ивановича Венюкова. Обзор коллекции в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки20

Радишаускайте Наталья Витаутовна

▶К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ГРАЧЁВА

«...С любовью и глубочайшей преданностью...» (М. А. Шолохов и А. М. Грачёв)26

Говорухина Галина Васильевна, Клейменова Елена Анатольевна

Филонов Александр Михайлович

Вообще, состав книг в личной библиотеке М. И. Венюкова поражает разносторонностью тем: сочинения по философии, зоологии, ботанике, метеорологии, геологии, истории, физике, медицине, психологии, астрономии, правоведению, политологии, химии, — чем только не интересовался знаменитый исслелователь!

Книга «Его судьба была завидна...» была подготовлена родственниками замечательного дальневосточного писателя Александра Матвеевича Грачёва (1902—1973 гг.) к 100-летию со дня его рождения. Небольшой тираж (всего 500 экз.) превратил эту книгу в библиографическую редкость.

С первых лет советской власти была принята принципиально новая позиция государства по отношению к просвещению населения с помощью пропаганды чтения и распространения доступных книг, все издательства, типографии, бумажные фабрики и другие полиграфические предприятия были переданы государству. Советские издательства выпускали массовыми тиражами и по доступным ценам издания, отражающие потребности строительства нового общества, были заложены основы книгопроизводства, которые просуществовали до конца XX века.

История распространения книги на Дальнем Востоке России в 20-е – 30-е годы XX века.... 59 Ходжер Елена Григорьевна

Первый документально зафиксированный контакт между русскими и корейцами— сражение на Сунгари 6 (16) июня 1654 года...70

Где встречаются «гербы сибирский и бенгальский…» (фауна позвоночных животных окрестностей Хабаровска по исследованиям Р. К. Маака)79

▶СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

▶ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Опыт самоидентификации......90 Флиер Андрей Яковлевич

▶ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Творческие ипостаси А. Е. Тихомирова95
Токмаков Валерий Сергеевич

Именно локдауны с запретом прогулок спровоцировали повальное увлечение «городскими джунглями». Быстро растущие, исключительно декоративные монстеры стали главными героями интерьерных фотосессий 2020 года. Западная мода распространилась в России, и за пару лет жильё «новых горожан» заполнили тропические лианы, пестролистные растения, пальмы, папоротники и плюци.

Александр Иванович часто вспоминает свою жизнь на Сахалине как пору становления, пору обретения опыта, время первых творческих шагов. Так сложилось, что среди писателей-орловцев есть целый ряд земляков со схожей судьбой — Дальний Восток оставил глубокий след в жизни и творчестве Р. К. Агишева, В. В. Горбачёва, В. И. Переверзева, Е. А. Машуковой...

Книга Алексея Пастухова — это полное погружение в тему, причём ведёт он свой рассказ с того момента, когда Россия начала своё движение на Восток. Ибо истоки конфликта лежат в давних временах, и без понимания подлинной истории процессов, которые привели к этой войне, знание будет однобоким. По сути, перед нами подлинная энциклопедия истории русской колонизации Дальнего Востока, каждая страница которой может быть развёрнута в отдельную книгу.

Путь издателя (Дальний Восток в судьбе заслуженного работника культуры Российской Федерации, члена Союза писателей России Александра Лысенко)... 101 Кондратенко Алексей Иванович

«Мастер дирижёрского искусства» — русский дирижёр, композитор Николай Семёнович Голованов......108

Тринеева Инна Михайловна

▶научное сообщение

Обзор и перспективы развития китайскороссийского приграничного экономического и торгового сотрудничества113 Ван Шифа (王世发)

Осмысление Комсомольска117
Гонтарская Анастасия Александровна. Иванова Алина Павловна

►AРТЕФАКТ

Рукопись А. В. Потаниной о странствиях по Урянхайской земле......125 Воропаева Александра Валерьевна

Культура Японии в визуальных образах (по фотоальбомам Дальневосточной государственной научной библиотеки) ... 131

Струк Кристина Андреевна

▶БИБЛИОГРАФИЯ

Художественные особенности сборника рассказов «Река души моей»......141 чэнь Шусянь (陈淑贤)

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СЛЕДАМ М. И. ВЕНЮКОВА «АМУРСКОЕ ДЕЛО. УССУРИ-2021»

Статья рассказывает об экспедиции, осуществлённой в августе 2021 года Рязанским областным отделением Русского географического общества. Её маршрут пролегал по дальневосточным следам крупнейшего русского географа, путешественника и этнографа XIX века, первопроходца Уссури и Сихотэ-Алиня генерал-майора Михаила Ивановича Венюкова.

Ключевые слова: Михаил Венюков, село Никитино, село Венюково, Дальний Восток, географ, исследователь, Русское географическое общество.

Keywords: Mikhail Venyukov, Nikitino village, Venyukovo village, Far East, geographer, explorer, Russian Geographical Society.

Никитино Рязанской губернии (ныне Кораблинский район Рязанской области). С детства он мечтал о путешествиях в дальние края. особенно будущего исследователя манил Дальний Восток. Получив хорошее образование, как военное (кадетский корпус, академия Генерального штаба), так и гражданское (Санкт-Петербургский университет), Венюков с 1857 года находился на государственной службе. Его детская мечта сбылась — после академии он был направлен в штаб войск Восточной Сибири. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв, видя образованного и хорошо подготовленного старшего адъютанта, доверил ему важную работу — составление топографических карт и анализ военной статистики для дальнейшего заселения Дальнего Востока. С этой задачей молодой офицер справился блестяще, так что на будущий год ему было поручено продолжение исследований реки Уссури, Сихотэ-Алиня, побережья Японского моря. В 1858 году Венюков совершил настоящий научный подвиг, впервые пройдя дорогу от только что заложенного поста Хабаровка до побережья Тихого океана и назад. Тем самым была реально начата научно обоснованная работа по заселению Россией этого края. Весной 1859 года отряд под командованием старшего адъютанта штаба Сибирского корпуса штабс-капитана М. И. Венюкова направляется на рекогносцировку «правого берега реки Чу, против Пишпека и местности на 100-200 вёрст далее вниз по реке» [2]. В начале 60-х годов неутомимый исследователь объехал Иссык-Куль, Тянь-Шань, Алтай и Кавказ. В 1868–1869 годы он предпринимает попытку осуществить кругосветное путешествие. Пристальное внимание уделяет работе в Китае и Японии, помогая российскому правительству правильно оценить военно-экономический потенциал этих стран. 1874 год Венюков посвятил изучению азиатской Турции, в 1880-х годах посетил Алжир, Тунис, Сенегал, Гамбию, побережья Бразилии и Уругвая, а также острова Антильского архипелага. Результатом этих путешествий стали многочисленные печатные труды географического и военно-географического характера. Столь активная и продуктивная работа поставила российского учёного в один ряд с выдающимися географами того времени.

ихаил Иванович Венюков родился в селе

Михаил Иванович являлся действительным членом Императорского Русского географического общества по отделению статистики с 1868 года, научным секретарём общества, членом его совета с 1873 года. Также Венюков был избран членом географических обществ ряда европейских стран и сотрудничал с ведущими исследователями мира. Но сам Михаил Иванович прежде всего отмечал свой вклад в изучение Амура, Уссури, Сихотэ-Алиня. Он участвовал в закладке Хабаровска, Благовещенска, способствовал ста-

новлению библиотек Хабаровска и Владивостока, подарив туда сотни своих книг и трудов. Ряд географических объектов названы его именем: село Венюково в Вяземском районе, река Венюковка в Тернейском районе Хабаровского края. перевал через хребет Сихотэ-Алинь, где установлен обелиск, в Приморском крае, мыс на Курильских островах. На средства Венюкова по его завещанию построены школа на родине, в деревне Никитино Рязанской области, и школа в селе Венюково Хабаровского края, где благодарные жители ещё в 1903 году по собственной инициативе поставили бюст исследователю. На набережной Хабаровска на памятнике генерал-губернатору графу Николаю Николаевичу Муравьёву-Амурскому среди его соратников выбито имя и Михаила Ивановича Венюкова, что лишний раз подчёркивает его выдающийся вклад в изучение Дальневосточного региона. Не случайно Императорское Русское географическое общество, получившее по завещанию Михаила Ивановича его личные денежные средства, утвердило премию имени Венюкова, вручавшуюся за выдающиеся экспедиции. Тем не менее широкой общественности имя Венюкова в силу ряда причин пока, к сожалению, известно мало.

Рязанское областное отделение Русского географического общества с 2009 года активно занимается темой «Географическое наследие России как предмет национальной гордости и подражания». В частности, нами организовано 14 научно-исследовательских экспедиций в бывшую Русскую Америку. За это время пройдено более 22 тысяч километров в различных частях прежних русских колоний: на материковой Аляске, Алеутских и Гавайских островах, Калифорнии, тихоокеанском побережье штатов Вашингтон и Орегон, Сахалине и Курилах. Выявлен уникальный культурологический феномен сохранения с 1867 года, года продажи Русской Америки, элементов русской культуры на территории ныне чужого государства без первичных носителей этой культуры. Также мы провели полевые работы на Шпицбергене, в Центральной Азии, на Дальнем Востоке, следуя маршрутами выдающихся отечественных исследователей прошлого. Результатами этих работ явились написанные книги, фотоальбомы, статьи, цикл документальных фильмов, художественный фильм «Архипелаг», созданный и активно функционирующий Рязанский музей путешественников, постоянно пополняющаяся Аллея путешественников с бюстами видных исследователей, многочисленные выставки и выступления в различных городах России, организованный в Рязанском государственном университете «Центр по изучению и сохранению российского историко-культурного и географического наследия».

Географическое наследие России — эффективный базис для воспитания подлинного патриотизма. Поэтому в проекте «Амурское дело. Уссури-2021» мы постарались раскрыть роль

российских первопроходцев в исследовании и закреплении за Россией новых территорий на примере недооценённой, на наш взгляд, фигуры выдающегося путешественника и географа М. И. Венюкова. Целями проекта были актуализация и популяризация географического наследия России на примере исследования М. И. Венюковым реки Уссури и Сихотэ-Алиня. Для этого мы отправились в экспедицию в Хабаровский и Приморский края. Основными задачами проекта стали посещение мест, связанных с именем М. И. Венюкова, и обследование маршрута его экспедиции 1858 года, проходившей от нынешнего Хабаровска по реке Уссури, через перевал Сихотэ-Алиня с выходом на побережье Японского моря. Участниками проекта стали опытные путешественники и учёные из семи регионов страны.

Перед началом экспедиции мы посетили село Никитино Кораблинского района Рязанской области, где родился и жил до 12 лет будущий первопроходец. На встрече с местными жителями было рассказано о целях и задачах предстоящего проекта. Символично, что эта встреча проходила у здания школы, построенной на средства М. И. Венюкова в начале 20-го столетия. До сих пор здание используется прямо по

Школа в селе Никитино, построенная на средства М. И. Венюкова.

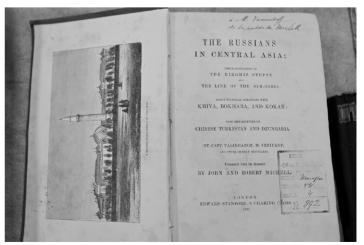

Архангельский храм в селе Никитино.

назначению, как и завещал учёный, для целей культурных и образовательных — там расположены библиотека и местный культурный центр. Существует в селе и ещё один важный исторический объект — православная церковь, в которой крестили маленького Мишу Венюкова. Церковь в руинированном состоянии, но местные жители её посещают индивидуально — там оставлено много иконок. Очень волнующий момент произошёл во время своеобразного сельского схода во время нашего посещения Никитино — нам было передано письмо жителям села Венюково в Хабаровском крае с предложениями установить дружеские отношения и приглашением в гости. А школьники просили передать в далёкое Венюково ценный подарок — вышитое ими большое панно с изображением здания «венюковской школы». И апофеозом очень тёплой встречи явилось решение о направлении с нами в экспедицию на Дальний Восток жителя Никитино, педагога местной школы Валерия Васильева. Тем самым к задачам экспедиции добавился существенный момент — установление прямых контактов между жителями населённых пунктов, связанных жизнью и деятельностью выдающегося россиянина. Это придало всей экспедиции более глубокий и гуманитарный смысл.

В библиотеке Общества изучения Амурского края.

Один из экземпляров из коллекции книг М. И. Венюкова.

План нашей экспедиции предусматривал посещение мест, связанных с исследованиями М. И. Венюкова в 1858 году: города Хабаровска, реки Уссури и её притока — реки Павловки, перевала через хребет Сихотэ-Алинь, реки Зеркальной, побережья Японского моря, села Венюково, города Владивостока, и изучение наследия учёного на этих территориях. Как известно, Михаил Иванович после экспедиции 1858 года никогда больше не бывал в этих местах и тем более не посещал города Владивостока, основанного в 1860 году. Но притягательную силу российского Дальнего Востока он пронёс через всю свою насыщенную жизнь и по мере возможностей способствовал его освоению и развитию. Так, с появлением во Владивостоке в 1884 году Общества изучения Амурского края он одним из первых видных людей того времени подарил организации более четырёхсот книг из своей личной библиотеки. Это были не только труды самого Венюкова, но и работы выдающихся мировых географов с дарственными надписями Михаилу Ивановичу. В связи с этим нам представилось правильным посетить богатую библиотеку Приморского краевого отделения РГО, преемника Общества изучения Амурского края. Благодаря нашим коллегам из краевого отделения РГО, мы смогли увидеть книги из коллекции Венюкова. Многие издания содержат пометки самого Михаила Ивановича, что говорит о том, что он скрупулёзно работал с научной литературой. Без сомнения, эти же книги держал в своих руках активный продолжатель изучения Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. Кстати, немногие знают, что в 1917 году Арсеньев был отмечен премией РГО имени М. И. Венюкова, которую он из-за революционных событий так и не смог получить. Без преувеличения можно считать, что наследие Венюкова реально существует и во Владивостоке.

Следующий важный пункт экспедиции — устье реки Зеркальной, место впадения её в Японское море. Сюда вышла команда Венюкова после трудного подъёма вверх по реке Уссури, её притокам и пересечения хребта Сихотэ-

Устье реки Зеркальной.

Алинь. Отсюда исследователь планировал пешком дойти до залива Владимира и оценить его как место потенциального укреплённого порта на побережье Японского моря. Однако ряд обстоятельств не позволил ему реализовать задуманное. Во-первых, странное отравление самого Венюкова, отчего он сильно страдал и ослабел. И, во-вторых, реальная угроза нападения со стороны проживавших здесь китайцев, которые могли убить проводника экспедиции из орочей. С учётом всех обстоятельств Михаил Иванович принял решение возвращаться назад в Хабаровку уже пройденной дорогой. Он лично считал это неудачей путешествия, но его начальник генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв-Амурский имел прямо противоположное мнение.

Для понимания характера местности к югу, по направлению к заливу Владимира, мы совершили небольшую прогулку по морю вдоль берега. Берег очень живописный, в большинстве своём обрывистый, с небольшими песчаными косами. Очень впечатляющи скалистые выступы, так называемые кекуры, которые привлекают туристов. По краю берега мы заметили как пешеходов, так и автомобилистов. По всей видимости, для команды Венюкова этот путь к заливу Владимира был бы вполне посилен. Сейчас на спутниковых снимках видны тропы и дороги вдоль берега.

Интересно, что в устье, на левом берегу реки Зеркальной, на небольшой возвышенности у побережья Венюков поставил крест. Мы идентифицировали это место, но креста по вполне понятным причинам уже давно там нет. Между тем, без сомнения, это место историческое. Именно сюда вышел первый европейский учёный, русский географ Венюков, тем самым положив начало цивилизованному освоению Россией этих богатых в природном плане мест. Историческая справедливость подсказывает, что здесь было бы замечательно иметь памятный знак. Тем более что залив Зеркальный — популярное место отдыха жителей Приморского и Хабаровского краёв, здесь расположено несколько баз отдыха, на одной из которых мы и остановились на ночь.

Кекуры на побережье Японского моря.

Скала Дерсу Узала.

От устья реки Зеркальной до перевала через Сихотэ-Алинь Венюков поднимался пешком. Мы преодолели этот путь на машине, посетив ещё одно знаковое место на окраине районного центра Кавалерово — скалу Дерсу Узала. Трудно сказать, проходила ли тропа к Японскому морю именно через это место и смог ли Михаил Иванович полюбоваться своеобразным творением природы, но мы себе в этом не отказали. На самой вершине раз-

Участники экспедиции у монумента на перевале Венюкова.

Табличка, установленная на перевале Венюкова.

вевается красный флаг, который периодически кто-то устанавливает, а кто-то снимает. Оказывается, на скалу можно подняться, не имея альпинистских навыков. Неясно, действительно ли Владимир Арсеньев встретился здесь со своим проводником и другом, но то, что место запоминающееся, — это точно.

Перевал Венюкова был важен для нашего проекта ведь его посещают много людей, так как через него проходит оживлённая автомобильная трасса Арсеньев — Дальнегорск. Само название перевала — хорошая память о первопроходце, правда, таблички «Перевал Венюкова» мы не обнаружили. Зато в нескольких метрах от полотна дороги, на южной стороне, стоит пятиметровая железобетонная стела, появившаяся здесь в 1959 году по инициативе местных краеведов. В нижней её части расположена надпись: «Этот перевал прошли Венюков М. И. 1858 г., Пржевальский Н. М. 1887 г., Арсеньев В. К. 1906 г.». Стела огорожена невысоким забором. К сожалению, территория памятника заброшена, заросла бурьяном. Сам монумент уже стал разрушаться. А в то же время уже с радостью мы отметили, что расположенные рядом с оградой два дерева сплошь увешаны цветными ленточками. Оказывается, свадебные процессии приезжают сюда как в примечательное место. Значит, для местных жителей эта территория, даже неухоженная, важна, если молодожёны в свой самый радостный день решают здесь побывать. Мы привели территорию в порядок насколько это было возможно и прикрепили к монументу памятную табличку, привезённую из Рязани: «Русскому географу, путешественнику и этнографу, первопроходцу реки Уссури и Сихотэ-Алиня, уроженцу Рязанской губернии Михаилу Ивановичу Венюкову (1832–1901)». И для себя отметили, что надо попытаться найти постоянного хозяина монумента, так как в этих местах бывают люди из разных регионов России. Во время наших работ у стелы останавливались автомобили с разнообразными номерами, в том числе мы заметили и московский номер.

Характерный вид реки Павловки.

Экспедиционный перенос сквозь уссурийскую тайгу.

Следующим этапом проекта был сплав на байдарках сначала по реке Павловке, а потом по Уссури. Венюков лишь частично в начале пути использовал лодку на Павловке, но нам важно было почувствовать характер речки, стекающей с отрогов Сихотэ-Алиня. На свободных участках Павловки скорость сплава по течению достигала 10 км/ч. Но передвижение осложнялось тем, что в определённые моменты речка делилась на рукава и оказывалась на сотни метров труднопроходимой из-за заторов из коряг и упавших деревьев. Приходилось обносить завалы, не разгружая байдарки, а это оказался весьма тяжкий и не быстрый труд. По этой причине через два дня было принято решение совершить автомобильный переезд к месту впадения Павловки в Уссури. Нам стало очевидно, что местные жители во времена Венюкова не использовали небольшую горную реку как метод транспортировки — больно быстрая, меняющая своё русло и с многочисленными заторами. Интересно, что современные туристы эту реку практически не посещают, хотя места вокруг красивые. Лишь однажды мы встретили описание сплава по Павловке, совершённое в одиночку на легко переносимом надувном каяке.

Недалеко от слияния рек, вверх по течению Павловки, Венюков вынужден был оставить некоторых своих спутников. Для них, как отмечает сам исследователь, ходьба по таёжной тропе через горы с 30-килограммовым рюкзаком была непосильной. Оставить своих товарищей в дикой таёжной местности, в нескольких сотнях километров от ближайшего русского селения — это был рискованный шаг. Для Венюкова, как руководителя экспедиции, такое решение было непростым. По всей видимости, беспокойство за оставленных среди недружественных китайцев участников экспедиции было ещё одной причиной, почему Михаил Иванович не стал рисковать при возникновении опасной ситуации в устье реки Зеркальной. Осматривая местность в низовьях реки Павловки, мы убедились, что даже сейчас тайга здесь глухая, труднопроходимая и для новичков далеко не безопасная.

Сплав по Уссури.

Реку Уссури до впадения в неё Павловки Венюков прошёл дважды, причём против течения в лодке шли его спутники, а сам он передвигался по берегу пешком, проводя исследования. При этом, как писал сам Михаил Иванович, он вынужден был считать шаги, чтобы не ошибиться в расстояниях и составить более точные карты местности, которых до него не существовало. В процессе своего сплава вниз по течению Уссури мы неоднократно выходили на берег, пытаясь представить, как смог Венюков проходить здесь по 20-25 километров в день. На собственном опыте убедились, что это была титаническая работа, которая по силам только людям сильным и хорошо мотивированным. Сам сплав вниз по течению Уссури не представляет сложности, хотя в одном месте река разделилась на рукава, забитые брёвнами, и возникла опасность переворота лодок. Сам Венюков даже не описывает своей дороги вниз по течению Уссури.

За четыре дня наша экспедиция прошла более 200 километров. Конечной точкой байдарочного маршрута являлось селение Венюково. Оно расположено на правом берегу реки, и попасть туда можно только с разрешения пограничников, так как противоположный берег принадле-

Вручение подарков жителям села Венюково.

жит Китаю. Пришлось воспользоваться машиной в связи с невозможностью сплава на байдарках на этом участке.

Посещение села Венюково стало одним из впечатляющих моментов экспедиции. Жители были информированы о нашем визите и хорошо подготовились. У здания местного клуба нас встретило большое количество людей, причём приехал глава администрации Вяземского района, куда относится Венюково, артисты, журналисты. В фойе клуба была специально развёрнута выставка с историческими фотографиями, которую мы с интересом осмотрели и послушали объяснения сотрудников управления культуры. В самом зале клуба состоялась очень тёплая встреча с жителями. Мы показали видеосюжет с родины Венюкова — села Никитино, передали приветственное письмо от жителей и подарки — вышитое панно с изображением «венюковской школы», собранный в Никитино мёд, камень из фундамента церкви, где крестили Михаила Ивановича, как основу дружбы между сёлами Никитино и Венюково. А Валерий Васильев, как односельчанин Венюкова, спел несколько песен на рязанские мотивы. Венюковцы в свою очередь показали несколько номеров художественной самодеятельности, кстати, очень профессионально поставленных. Всё это было очень тепло и душевно, даже трогательно до слёз. Ну а потчевали нас весьма обильно уже на берегу реки Уссури, где были накрыты богатые столы. По пути к реке мы осмотрели место, где когда-то стояла школа, возведённая на средства Венюкова. Показали нам, и где стоял бюст Михаила Ивановича. Оказывается, он был установлен здесь ещё в 1903 году на средства жителей села. Но после Октябрьской революции учитель местной школы со своими учениками убрали память о царском генерале. Возмущённые жители добились увольнения слишком политизированного учителя, не доверив ему воспитание детей, и вновь поставили бюст. В 1990-е годы бюст был украден для переплавки на медь. Поэтому в центре села мы увидели только постамент, побелённый местными активистами к

Постамент, на котором когда-то стоял бюст Венюкова.

Участники экспедиции с жителями села Венюково на берегу реки Уссури.

нашему приезду. За столом состоялся серьёзный разговор с руководством района и села о возможности возведения нового бюста человеку, который никогда не забывал о селе, носящем его имя.

Завершающие два дня экспедиция провела в Хабаровске. С большим интересом мы посетили памятник Муравьёву-Амурскому, где осмотрели табличку с именами людей, осваивавших Амурский край. С радостью там обнаружили имя Венюкова. Но в силу каких-то причин его отчество указано неверно — вместо «М. И. Венюков» значится «М. П. Венюков». Руководство краевого отделения РГО пообещало исправить досадную оплошность. В Дальневосточной государственной научной библиотеке мы с волнением держали в руках книги, подаренные ей Венюковым. Это способствовало становлению библиотеки, которая обладает сейчас большим книжным фондом. Сотрудники подтвердили нам, что часть венюковского книжного наследия была передана в своё время в Москву.

Предварительные итоги экспедиции мы подвели в Тихоокеанском государственном университете, где прошла встреча с общественностью, учёными, краеведами,

Монумент Н. Н. Муравьёву-Амурскому в Хабаровске.

Табличка с упоминанием Венюкова в основании монумента Н. Н. Муравьёву-Амурскому.

музейными работниками, сотрудниками Дальневосточной государственной научной библиотеки, журналистами. В рамках мероприятия произошёл обмен мнениями о дальнейших совместных шагах продолжения проекта, что актуально, так как в 2022 году будет отмечаться 190-летие со дня рождения Михаила Ивановича Венюкова. Были высказаны мнения, что было бы целесообразно восстановить бюст в селе Венюково, сделать аналогичный на Рязанщине, создать документальный фильм и выставку (как фоторабот, так и картин, так как в нашей экспедиции принимал участие профессиональный художник), провести научно-практические конференции в Москве, Рязани, Хабаровске. Как очень значимое событие все участники встречи оценили возможность установления прямых связей жителей родины Венюкова в Рязанской области и села Венюково в Хабаровском крае. Приятным сюрпризом явилось выступление активистки РГО из Советской Гавани, которая специально приехала для встречи с нами и привезла ряд сувениров. Это явилось лишним подтверждением, что начатый нами проект по продолжению мемориализации выдающегося географа, учёного, внёсшего серьёзный вклад в изучение Дальнего Востока, востребован местными жителями.

Подведение итогов экспедиции в Тихоокеанском государственном университете.

Михаил Иванович Венюков не являлся баловнем судьбы. Даже в детстве он был лишён нежной родительской ласки, а находился под присмотром бабушки, которая приучила его к труду и чтению. Деревенское воспитание породило в нём любовь к природе, изучению которой в различных географических зонах и странах он посвятил свою жизнь. Ему пришлось пройти через разные испытания как во время своих многотрудных экспедиций, так и во время службы в административных учреждениях. Он был не только исследователем до мозга костей, но искренним, не терпящим фальши человеком. Бюрократическая Россия того времени не терпела свободолюбивых людей, и Венюков вынужден был вторую половину своей жизни провести за границей, посвятив себя науке. Научный мир признал русского географа выдающимся исследователем. Однако родная страна делала это медленно и с трудом, хотя на чужбине Михаил Иванович постоянно думал о России. И неслучайно в завещании он передал все свои средства в места, где он родился, которые изучал, и организации РГО, флаг которой он достойно пронёс через всю жизнь. Долг россиян — отдать дань памяти человеку, который всегда был настоящим гражданином и патриотом своей страны. Его имя — Венюков Михаил Иванович.

Список использованных источников

- 1. Венюков, М. И. Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря // Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них/[соч.] М. Венюкова, д. ч. Рус. геогр. о-ва. Санкт-Петербург, 1868. С. 7–112.
- 2. Предписание начальника штаба Сибирского корпуса генерал-майора Гинтовта штабс-капитану Венюкову от 11.IV.1859 // Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 715. Д. 21. Док. 87.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 11.04.2022.

Сведения об авторе: Малахов Михаил Георгиевич, Герой России, председатель Рязанского областного отделения Русского географического общества (г. Рязань).

Контактные данные: e-mail: centrepole@mail.ru, reg62@rgo.ru; тел. 8-910-579-22-89.

В ТЕНИ СВОЕГО ВЕЛИЧИЯ: К 190-ЛЕТИЮ М. И. ВЕНЮКОВА

В статье кратко рассматривается деятельность известного российского учёного и путешественника Михаила Ивановича Венюкова, значение его географических исследований для изучения природных условий южных районов Дальнего Востока России. Подчёркивается его стремление привлечь власти и население к освоению территории, обладающей богатыми и уникальными природными ресурсами.

Ключевые слова: М. И. Венюков, Уссури, природа, исследование, освоение.

Keywords: M. I. Venyukov, Ussuri, nature, research, land invasion.

е будет неправильным сказать, что история Дальнего Востока России на самом деле более сложная, чем та, которую школьники и студенты изучают в рамках базовой дисциплины «История». Действительно. история Дальнего Востока России уникальна по нескольким причинам. Прежде всего, следует отметить, что его территория занимает огромную площадь и разнообразна по национальному и конфессиональному составу, природным и климатическим условиям, масштабам хозяйственной деятельности, количеству и условиям жизни населения, неформальным институтам и практикам, а также по многим другим показателям и факторам. Всё это делает историю не только уникальной, но и сложной для изучения. Масло в огонь в этом плане подливает ярое нежелание многих местных жителей интересоваться историей Дальнего Востока России. Такой тезис может вызвать явное отрицание и несогласие, но, если отбросить аргументы про воспитание и патриотизм и ответить в целом, — местные жители историю Дальнего Востока России, а также историю его освоения знают очень плохо или даже совсем не знают.

Если этот тезис взять за основу, то можно сформулировать дальнейшее изучение этой проблемы в следующих аспектах. Во-первых, проблема изучения истории Дальнего Востока России заключается в том, что большая часть уникальной информации находится в архивах или на бумажных носителях и почти никто не занимается изучением этого вопроса системно. Во-вторых, специалистов, которые могли бы рассказать в именах историю освоения Дальнего Востока России, не так много и чаще всего это специалисты советского воспитания. В-третьих, система образования как для школьников, так и для студентов не предполагает изучения родных территорий системно, ограничиваясь краеведением и/или аналогичными дисциплинами, которые не формируют фундаментальные знания. В связи с этим вопрос изучения Дальнего Востока приобретает особую актуальность.

Следует оговориться, что авторы не ставят перед собой задачу решить все указанные проблемы — их решение требует фундаментального, научного подхода, а также системного взгляда для анализа. Кроме того, авторы ни в коем случае не критикуют и не ставят под сомнение существующую систему образования. Речь идёт о постановке проблемы, которая в общественном сознании более чем явная.

Отметим, что история Дальнего Востока (как и история любой территории) связана с людьми, которые стали символами истории, которые эту историю сделали. Для жителей ДФО одним из таких людей является Михаил Иванович Венюков. В рамках настоящего исследования мы не будем давать подробную справку о том, кем он был и чем занимался. Связано это с тем, что для любопытного читателя не составит труда найти информацию о нём и прочитать, а пересказывать очевидные вещи не совсем этично. Мы лишь частично перечислим те

факты, которые наглядно продемонстрируют, почему Михаил Иванович Венюков заслуживает особого внимания как среди учёных (географов, историков, культурологов, социологов и др.), так и среди местного населения.

М. И. Венюков был учёным мирового уровня, избран членом географических обществ ряда европейских стран и сотрудничал с ведущими географами мира. Но прежде всего весьма высок его вклад в изучение Амура, Уссури, Сихотэ-Алиня. Он участвовал в закладке Благовещенска, Хабаровска, способствовал становлению библиотек Хабаровска и Владивостока, подарив этим учреждениям сотни своих книг и трудов. Им написано несколько замечательных книг, посвящённых исследованию Дальнего Востока России и прилегающих зарубежных территорий. Он был первым, кто оценил природные богатства территории и большие возможности для их освоения, восхищаясь роскошными равнинами Приамурья, распространёнными ниже устья Зеи. М. И. Венюков отмечал, что для земледелия одной из лучших областей Восточной Азии представляется долина реки Уссури, а таких земледельческих угодий, как между Зеей и Малым Хинганом, мало во всей России, а в Сибири нет совсем.

Особенно его пленили земли вдоль реки Уссури. Живописные, покрытые лесом горы, беспрерывные долинные луга и обширные равнины в нижнем течении реки после выхода из гор и до самого устья так же возможны для освоения, как и среднеамурские равнины по Амуру вблизи Сунгари. Как и великий русский учёный М. В. Ломоносов в середине XVIII века сравнивал реку Уду с Рейном, так и М. И. Венюков считал, что Уссури имеет такое же значение для этой части России, как и Рейн для Германии. За этим видно его желание видеть эти новые для России территории освоенными и вносящими свой вклад в могущество России.

М. И. Венюков был первым среди географов, пересёкших горы Сихотэ-Алиня, преодолев неизведанный путь от берегов Уссури до побережья Японского моря. Он отмечал, что вдоль морских берегов имеются первоклассные заливы с местами, удобными для строительства портов. Даже классическая страна природных гаваней — южный берег Австралии, по его мнению, не представляет такого богатства. Поэтому он считал, что исследованное им побережье имеет большую ценность для России.

Результатом экспедиции М. И. Венюкова явилась книга «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от неё до моря». В этом труде показаны основные физико-географические особенности вновь открытого края, описаны бытовые условия жителей этой слабо населённой тогда территории. Важное значение имеет то, что М. И. Венюков не только приводит довольно точные для того времени географические характеристики неизведанных земель, но его труды пронизаны призывами к освоению территории, использованию богатейших природных даров, которыми наполнен край. Он

желал видеть эти земли не уступающими по условиям жизни староосвоенным районам России и европейского зарубежья.

Современники высоко оценили результаты исследований М. И. Венюкова. Вице-президент Русского географического общества выдающийся географ П. П. Семёнов-Тянь-Шанский отмечал, что М. И. Венюков был пионером первого русского путешествия и обстоятельного географического исследования почти всего течения реки Уссури.

Ряд географических объектов Дальнего Востока назван его именем: село Венюково в Вяземском районе Хабаровского края, река Венюковка в Тернейском районе, перевал через хребет Сихотэ-Алинь в Приморском крае, где установлен обелиск, мыс на Курильских островах. На средства М. И. Венюкова по его завещанию были построены школы на родине — в деревне Никитино Рязанской области и в селе Венюково Вяземского района Хабаровского края, где благодарные жители ещё в 1903 году по собственной инициативе установили бюст исследователю. На набережной Хабаровска на памятнике Николаю Николаевичу Муравьёву-Амурскому среди его соратников выбито имя и Михаила Ивановича Венюкова...

Это лишь малая часть его заслуг, однако и этого достаточно, чтобы осознать значимость этого человека для становления того Дальнего Востока, который мы знаем.

Отметим интересный факт, что в Хабаровском и Приморском краях более известно имя В. К. Арсеньева. Во Владивостоке есть памятник, улица, дом, посвящённые Владимиру Клавдиевичу, огромное количество объектов названо в его честь. Однако тот же В. К. Арсеньев переходил перевал имени М. И. Венюкова спустя почти 50 лет после самого Михаила Ива-

новича [6]. Арсеньев в 1917 году получил награду за заслуги в области собирательской деятельности, этнографии и археологии на Дальнем Востоке, стал первым лауреатом премии Русского географического общества имени М. И. Венюкова [5]. Тем не менее В. К. Арсеньева знают лучше, чем М. И. Венюкова.

В научной среде имя Михаила Ивановича среди отечественных учёных более известно главным образом по результатам его исследований Кавказа, Восточной Азии, Африки и других регионов [1; 2; 3; 4]. Исследований, посвящённых вкладу М. И. Венюкова в географическую науку Дальневосточного региона России, не так много, и они, к сожалению, носят эпизодический характер.

Таким образом, поставленная проблема очевидна так же, как и очевидно её решение. И речь идёт не только о М. И. Венюкове, поскольку имён, которые забыты или полузабыты, достаточно много и наша задача чтить память этих людей и передавать знания об их деятельности следующему поколению дальневосточников. Важно отметить, что попытки актуализировать деятельность первооткрывателей Дальнего Востока предпринимаются, но они носят адресный характер, исследования чаще всего посвящены конкретным людям и оторваны от исторического контекста. Для решения этой задачи необходима работа не только учебных заведений, но и усилия региональных отделений Русского географического общества, других общественных организаций. Наличие и введение в научный оборот мало известных широкой общественности материалов может стать основой популяризации многих других таких же значимых для дальневосточников имён, как Михаил Иванович Венюков.

Список использованных источников

- 1. Антонова, О. Е. М. И. Венюков востоковед и африканист (по материалам отдела рукописей Российской государственной библиотеки)/О. Е. Антонова // Румянцевские чтения 2020: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21—24 апреля 2020 года: в 2-х ч. Ч. 1 / сост. Е. А. Иванова; редкол.: В. В. Дуда (предс.), Ю. С. Белянкин, Е. Н. Гусева [и др.]. Москва, 2020. С. 43—49.
- 2. Венюков, М. И. Мои воспоминания. 1857—1858 годы. Восточная Сибирь и Амур / М. И. Венюков // Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский в воспоминаниях современников / отв. ред. акад. РАН Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1998. С. 200–228.
- Дергачёв, В. Географ Генерального штаба Российской империи / В. Дергачёв. — Текст : электронный // LiveJournal. — URL: https:// dergachev-va.livejournal.com/151862.html (дата обращения: 25.03.2022).
- 4. Колосовская, Т. А. Военный географ М. И. Венюков (1832—1901) и его исследовательские практики на Северо-Западном Кавказе / Т. А. Колосовская // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 3 (264). С. 83—91.
- 5. Кузнецова, А. В. М. И. Венюков и имперские проекты России в Средней Азии / А. В. Кузнецова // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 72–83.
- 6. Сем, Т.Ю. Арсеньев Владимир Клавдиевич / Т.Ю. Сем. Текст: электронный // Российский этнографический музей: [сайт]. URL: https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirateli/arsenev-vladimir-klavdievich/ (дата обращения: 25.03.2022).

Материал поступил в редакцию 31.03.2022.

Сведения об авторах:

Клиценко Максим Вадимович, кандидат социологических наук, директор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 007756@pnu.edu.ru; тел. 8-909-870-50-70.

Махинов Алексей Николаевич, доктор географических наук, главный научный сотрудник лаборатории гидрологии и гидрогеологии Института водных и экологических проблем ДВО РАН, председатель Хабаровского краевого отделения Русского географического общества (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: ivep@ivep.as.khb.ru; тел. 8-965-674-95-61.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВЕНЮКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ — ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

В статье рассматривается деятельность известного географа и путешественника М. И. Венюкова на Дальнем Востоке России. Первый свой научный и экспедиционный опыт он приобрёл на Амуре, который потом с успехом применил в первой исследовательской экспедиции, обследовавшей долину реки Уссури. Он получил от местных жителей сведения не только о притоках Уссури и оз. Ханка, но и об обширном и неизвестном Уссурийском крае, собрал этнографические данные о проживавших здесь народах и проч. Не забывал Михаил Иванович о Приамурье и впоследствии, помещая свои воспоминания и новейшие сведения в российской и иностранной печати. В завещании своём он также уделил большое внимание дальневосточникам, выделив средства на содержание школы в станице Венюковой на Уссури и подарив большую библиотеку Хабаровску, при самом основании которого он присутствовал.

Ключевые слова: середина XIX века, М. И. Венюков, Дальний Восток, Россия, Амур, Уссури, географические исследования.

Keywords: mid-19th century, M. I. Venyukov, Far East, Russia, Amur, Ussuri, geographical research.

ихаил Иванович Венюков — географ и путешественник, родился 2 июля 1832 года в селе Никитском Пронского уезда Рязанской губернии в семье потомственного военного Ивана Андреевича Венюкова (1791 г. р.¹). Как и семья его матери Елизаветы Михайловны Кутузовой, они принадлежали к древним дворянским родам [11].

Отец его, поручик 20-го егерского полка, участвовал в Отечественной войне с июля 1812 по 1815 год. В Прибалтике в 1812 году в битве при Экау он был ранен в ногу, при взятии Парижа в 1814 году получил пулевые ранения в спину и в руку, за что был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1813 году Иван Андреевич произведён в чин штабс-капитана, а после войны дослужился до майора. В 1818 году он получил назначение в Селенгинский пехотный полк, в феврале 1819 года был уволен из армии «за ранами» с мундиром и пенсионом полного жалованья. Вскоре он женился и поселился в имении жены, Елизаветы Михайловны Кутузовой, в селе Никитском Пронского уезда Рязанской губернии. Здесь у него родились сыновья Владимир в 1826 году и Виктор в 1827 году, а в 1832-м — Михаил. Ещё в 1827 году Иван Андреевич поступил на службу городничим в г. Курмыш Симбирской губернии, почти в 600 км от села Никитского. что вынуждало его в основном служить вдали от семьи. Но когда он приезжал, дети с восторгом слушали рассказы о его боевых подвигах. В остальное время Михаил целиком был на воспитании у бабушки, которая в пять с половиной лет научила его читать [15, с. 382; 16, с. 9].

В 1808 году при 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, который ещё в 1807 году окончил отец Михаила, был сформирован отдельный Волонтёрный корпус, получивший название «Дворянский полк». Он занимался подготовкой молодых дворян к офицерской службе. В 1845 году Михаил Венюков был принят во второй класс Дворянского полка, который окончил в 1850 году, получив чин артиллерийского прапорщика. Затем он служил в армейской артиллерии, но в 1853 году был направлен преподавателем (репетитором физики) в свой Дворянский полк. Тогда же, в 1853–1854 годах, Венюков вольнослушателем посещал курс естественного факультета Санкт-Петербургского университета. В 1854 году он поступил на курсы Николаевской академии Генерального штаба. которые окончил в ноябре 1856 года [8, с. 178; 11; 16, с. 11]. И после академии у молодого артиллерийского офицера появилась возможность круто изменить свою судьбу.

В начале 1857 года поручик М. И. Венюков был назначен старшим адъютантом в штаб войск Восточной Сибири и 23 апреля прибыл в Иркутск. Первым его поручением было за три недели составить карту Маньчжурии и Вос-

точной Монголии. Карта готовилась в двух экземплярах: для генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва и для графа Е. В. Путятина. Муравьёв, узнав о подготовке М. И. Венюковым карты Маньчжурии, предложил ему ехать вместе с ним на Амур делопроизводителем и правителем походной генерал-губернаторской канцелярии. «Лучшего поощрения к работе нельзя было бы сделать. Мечта моя быть на Амуре, представлявшем в то время крупный политический интерес, сбывалась» [3, с. 200–202]. Походная канцелярия была крайне малочисленна. Кроме самого Н. Н. Муравьёва и М. И. Венюкова в неё входил только молодой переводчик с маньчжурского языка Я. П. Шишмарёв [3, с. 203].

27 мая начался сплав по Амуру. Н. Н. Муравьёв и посол в Китай граф Е. В. Путятин ехали на катерах с небольшим домиком на палубе. М. И. Венюков и Я. П. Шишмарёв — на маленьких лодках с одним гребцом каждая. К ним примыкали суда свиты и две канонерки, составлявшие конвой [3, с. 208–209].

Рано утром 29 мая 1857 года Михаил Иванович Венюков впервые увидел Амур: «Смотря на широкий поток, мирно струившийся прямо к востоку, многие из нас думали: там, где-то далеко, почти так же далеко, как от Москвы до Арарата, река эта вливается в море, и это море — Великий океан, единственный открытый путь из России не в Швецию, не в Турцию, не в Персию, а в Америку, Австралию и Южную Азию» [Цит. по: 16, с. 12–13].

Плавание по Амуру шло без больших остановок, днём и ночью. З июня подошли к Усть-Зейскому посту. Пока генерал-губернатор провожал сплавлявшееся дальше по Амуру посольство графа Е. В. Путятина, сам М. И. Венюков распоряжался высадкой солдат и артиллерийского дивизиона, а затем примерно двумя верстами ниже Усть-Зейского поста по его указанию стали сооружать «бараки из двойной плетневой ограды с промежутком, набитым землею» — первые строения будущего города Благовещенска [3, с. 210].

В середине июля 1857 года Н. Н. Муравьёв решил вернуться из Усть-Зейского поста в Иркутск, а М. И. Венюкову поручил осмотреть селения по Амуру, основанные ниже впадения реки Буреи, а затем по пути вверх по Амуру осмотреть и сделать съёмку местностей во всех остальных возникших в 1857 году казачьих станицах и посёлках на Амуре.

Осенью 1857 года в Иркутске кроме обработки амурских материалов М. И. Венюков занимался составлением военно-статистического описания Забайкалья [1, с. 83–84]. 22 ноября 1857 года выехав из Иркутска, 9 декабря он был уже в Петербурге, где и ознакомил находящегося там генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва с результатами своей работы в Приамурье и Забайкалье [1, с. 84].

Здесь в это время обсуждались открытия, сделанные экспедицией графа Е. В. Путятина во время плавания из

Николаевска в Китай, в результате чего на побережье Японского моря были открыты бухты Св. Владимира и Св. Ольги. Соответственно возникла мысль о возможности сообщения с этими бухтами по реке Уссури, одному из наиболее крупных правых притоков Амура. Для этого была необходима экспедиция, которую генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв тогда же поручил провести Михаилу Ивановичу. Экспедиция также должна была исследовать возможность пароходного сообщения по реке, собрать сведения о Приуссурийском крае и перевалах через Сихотэ-Алиньский хребет к этим бухтам Японского моря [1, с. 84; 13, с. 35].

Как писал сам Венюков, «лучшей программы деятельности на будущее лето нельзя было придумать, и я с жаром занялся приготовлениями к предстоявшему странствованию: перечитал все, что было писано о Маньчжурии и Японском море, скопировал карты, сделал длинные выписки из Лаперуза...» [1, с. 84]. При этом он особо обращал внимание на тот факт, что ему в Петербурге удалось встретиться с двумя знатоками этих местностей — профессором восточного факультета Санкт-Петербургского университета В. П. Васильевым и контр-адмиралом Г. И. Невельским.

Профессор Василий Павлович Васильев передал Михаилу Ивановичу оригинал рукописи с переводом китайской описи реки Уссури, а также общее описание Маньчжурии, составленное им по китайским источникам и недавно отпечатанное в «Записках Императорского Русского географического общества», и другие документы. Геннадий Иванович Невельской лично пригласил его к себе и в течение нескольких вечеров беседовал о Нижне-Амурском и Уссурийском краях, «о которых имел обширные сведения, частью как очевидец, частью из расспросов у гиляков, мангун [ульчей] и гольдов. Опасаясь, чтобы я чего-либо из сообщённого им не забыл, он начертил на особом листе эскиз страны между Уссури и Японским морем и тут же написал на полях пояснительный текст» [1, с. 84–85].

В феврале 1858 года М. И. Венюков выехал из Петербурга в Иркутск, где занялся подготовкой Уссурийской экспедиции. По приказанию генерал-губернатора для беспрепятственного плавания по Уссури ему был выдан особый «лист» на маньчжурском языке для предъявления цинским пограничным чиновникам [13, с. 36].

Началась Уссурийская экспедиция в апреле 1858 года, когда теперь уже штабс-капитан Венюков вместе с переводчиком Я. П. Шишмарёвым вновь отправился на Амур, но в этот раз уже за несколько дней до выезда генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва [3, с. 220]. В Шилкинском заводе он встретил членов своей экспедиции: казачью команду, состоящую из сотника Пешкова, урядника Масленникова и 11 казаков, переводчика тунгусского языка, унтер-офицера Карманова. С Михаилом Ивановичем был и крепостной.

Это был мальчик, прислуживавший ему и следивший за личными вещами Венюкова [1, с. 91]. В состав экспедиции предполагалось включить ещё двух топографов, но из-за бюрократических проволочек местных военных чиновников они не успели присоединиться к экспедиции [13, с. 36].

У Амурской экспедиции, организованной генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым в 1858 году, было несколько целей: дополнительно основать новые поселения между Усть-Стрелкою и Хинганом, заселить пространство между Хинганом и Уссури и часть берега последней и, самое главное, заключить договор с Китаем. Баркас с экспедицией М. И. Венюкова пришёл в Усть-Зейский пост 11 мая. 13 мая туда со своим катером и двумя канонерками прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. 16 мая в Айгуне был подписан договор с Цинской империей [1, с. 93—94].

Сам Венюков в процессе переговоров не участвовал, так как в середине мая был отправлен на устье Уссури, где через несколько дней после заключения договора вновь встретился с генерал-губернатором Н. Н. Муравьёвым [1, с. 94].

На двух лодках утром 1 июня 1858 года экспедиция из 16 человек под руководством штабс-капитана М. И. Венюкова отправилась из Уссурийского поста на юг. С июня по август 1858 года Венюков работал над описанием долины реки Уссури и занимался её топографической съёмкой. Измеряя расстояние шагами, он пешком, стоптав четыре пары обуви, прошёл всё расстояние от Уссурийского поста до устья Лифулэ (современная река Зеркальная, впадающая в Японское море в Кавалеровском районе), где 18 июля 1858 года вместе с членами экспедиции вышел на берег моря [5, с. 163]. Не дойдя до бухты Св. Владимира 35 вёрст, из-за плохого самочувствия Венюков повернул обратно [5, с. 165].

В августе экспедиция вернулась на Уссури и сплавилась к устью реки. Венюков увидел тогда первые строения станиц Невельской, Казакевичево (бывший Усть-Уссурийский пост), Корсакова. В Казакевичево уже с ранней весны началось возведение казённых складов и жилых построек, и к августу 1858 года станица приобрела «довольно приличный вид». Соответственно в этой станице потом и определили местопребывание командира Уссурийского казачьего батальона Амурского казачьего войска. Тогда же он впервые увидел и строения Хабаровки (ныне город Хабаровск). В военном селении Хабаровка под управлением капитана Дьяченко были уже построены «не только дома, но и лавки с товарами, даже, если не ошибаюсь, заложена была небольшая церковь или часовня на пригорке, видном издалека». Венюков сразу оценил его возможности и предположил, «что тут в будущем предстояло возникнуть большому торговому городу» [1, с. 97].

Отдохнув два дня в Хабаровке, две лодки Уссурийской экспедиции М. И. Венюкова казаки бечевой потянули вверх

по Амуру, проходя 20–22 версты в день. Перед станицей Раддеевской они сели на проходящий мимо пароход, где Михаил Иванович перечертил «набело» всю сделанную им съёмку долины Уссури [7, с. 104–106]. В Благовещенске они пересели на баркас, который так же тянули бечевой. 14 октября 1858 года М. И. Венюков последний раз видел Амур — от Усть-Стрелки его экспедиция свернула на реку Шилку, и уже 26 октября он был в Иркутске [1, с. 107].

В 1858 году в ходе Уссурийской экспедиции М. И. Венюков впервые произвёл топографическую съёмку реки Уссури и дал описание физической географии Уссурийского края. Он собрал сведения о притоках реки Уссури и проживавших здесь народах, доказав, что на правобережье Уссури не было постоянной цинской администрации. Материалы о реке Уссури и Уссурийском крае, представленные М. И. Венюковым генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву, помогли тому при проведении границы с Цинской империей [13, с. 38].

После Уссурийской экспедиции, как вспоминал Михаил Иванович, «вся поэзия амурского дела кончилась с подписанием Айгунского договора. За исключением одной моей небольшой экспедиции, которая тоже утратила часть своей заманчивости, не оставалось ни одного предприятия на Амуре, которое бы не было самою сухою прозою. Для "видных" дел почти не оставалось места» [1, с. 94].

Это настроение совпало с усилившимися интригами и нападками начальства, в результате чего в конце 1858 года он попросил у генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьёва-Амурского о его переводе. З января 1859 года он покинул Иркутск, и уже 23 февраля в Санкт-Петербурге его назначили начальником экспедиции на реку Чу у Кокандского ханства в Средней Азии. Затем по заданиям Генерального штаба он исследовал Иссык-Куль, Тянь-Шань, Алтай и Кавказ. В 1864—1867 годах М. И. Венюков служил в Царстве Польском председателем комиссии по крестьянским делам [4; 6; 7].

В 1867 году он вновь вспоминает о Дальнем Востоке в своей статье «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии», напечатанной 1 августа 1867 года в «Прибавочном листу к первому десятилетию» выпускаемой А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым газеты «Колокол» [12]. Вероятно, эта статья была одной из причин, по которой сорвалась экспедиция М. И. Венюкова в Китай в 1868 году, когда его не пустили через русскую границу в Кяхте [9, р. 162]. Тем не менее в 1868—1869 годах он предпринял кругосветное путешествие через Индийский океан, посетив Японию и Китай. В 1873 и 1874 годах Михаил Иванович состоял секретарём Императорского Русского географического общества и в это же время, в 1874 году, путешествовал по азиатской Турции [2, с. 90; 6; 7].

В сентябре 1877 года он написал из Парижа письмо российскому императору Александру II, результатом кото-

рого стало его увольнение в отставку с производством в генерал-майоры [15, с. 382].

С этого времени Венюков живёт уже за пределами России, сначала в Женеве, а затем в Париже, но недолго. В 1880-х годах он путешествовал по Алжиру, Тунису, Сенегамбии (Западная Африка), побережьям Бразилии и Уругвая, а также по островам Антильского архипелага, посетил Панамский перешеек, Корсику. Результатом этих путешествий явились многочисленные печатные географические и военно-географические труды на русском и иностранных языках [4; 6; 7].

В 1881 году, переселяясь из Женевы в Париж, Михаил Иванович озаботился составлением своего завещания, к оформлению которого он привлёк русское консульство во Франции. В пункте третьем завещания Венюков назначил капитал в 10 тысяч рублей сельскому обществу села «Никитенскаго», в котором он «родился и провёл детство». Во втором пункте он завещал капитал в восемь тысяч рублей для выдачи ежегодных премий «за наилучшие исследования по географии Азии» Русскому географическому обществу [2, с. 90-91]. Одним из результатов трудов М. И. Венюкова по обследованию им реки Уссури было основание здесь казачьих станиц. Одна из них была создана ещё в 1859 году и получила название Венюковская (ныне село Венюково). Позднее Михаил Иванович писал об этом: «Мне была сделана честь наименованием по моей фамилии одной станицы на Уссури, довольно большой, имеющей теперь церковь и даже школу» [5, с. 103]. Неслучайно поэтому 30 сентября 1881 года в четвёртом пункте завещания было отмечено: «Обществу станицы Венюковой, на реке Усури, в Приморской области, завещаю также... пятьсот рублей золотом годового дохода...», проценты с которого должны были употребляться исключительно на содержание местного училища [2, с. 91].

Но самым важным для Михаила Ивановича был первый пункт завещания: «Библиотеку мою, состоящую более чем из 1 200 томов книг научного содержания, преимущественно географических, естество-исторических, исторических и общелитературных, а также собрание карт и атласов жертвую в пользу находящегося на Амуре, при устье Усури, селения Хабаровки или вообще того пункта, где будет находиться управление Уссурийским краем. На доставку этой библиотеки по назначению ассигную 500 франков или соответственное им по курсу число рублей из наличных денег, какие окажутся в день моей кончины» [2, с. 90-91]. Михаил Иванович надеялся тогда, что перевозку библиотеки до Владивостока не откажется взять на себя морское ведомство России. Он написал об этом в канцелярию Морского министерства, вице-директору Линдену, но получил отписку, что «отправляемые в настоящем [1882] году из Кронштадта

в Японское море суда так загружены, что принять нового груза не могут». В следующем году практических последствий от этого также не было [2, с. 90–91].

М. И. Венюков так и не смог решить этой проблемы. Последние годы его жизни прошли в Париже, он жил весьма скромно, очень нуждался и умер 4 июля 1901 года в парижской больнице Диона без всяких средств [4]. Но в 1907 году библиотека Венюкова всё же попала в Хабаровск. В отчёте Николаевской публичной библиотеки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1907 год сообщалось о том, что «Прибыла из Парижа пожертвованная умершим отставным генерал-майором Венюковым библиотека в 7 ящиках. Книги в этой библиотеке имеются на русском, французском и английском языках и касаются разных отраслей знания, главным образом географии, истории и социологии. Имеются и рукописи самого жертвователя и большое количество изданий его, которые, однако, по цензурным соображениям не могут стать достоянием публики. Библиотека эта еще не разобрана окончательно» [10, с. 7].

В 1955 году часть архива М. И. Венюкова была передана из Хабаровска в Москву, в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В 1960 году сотрудница отдела рукописей В. Г. Зимина опубликовала подробный анализ этой части архива, а также наиболее полный библиографический список произведений Венюкова. В то же время книжная коллекция М. И. Венюкова не была

выявлена и затерялась в фондах Хабаровской краевой научной библиотеки (бывшая Николаевская публичная библиотека) [14, с. 137].

В 1974 году сотруднице библиотеки А. Н. Масловой удалось атрибутировать часть книжной коллекции из собрания М. И. Венюкова — более 100 книг на русском языке и примерно столько же на иностранных, преимущественно на французском. Полностью книжную коллекцию М. И. Венюкова выявить пока не удалось...

Дальний Восток, Амур, Уссури, Хабаровск — с этими географическими понятиями связано начало карьеры выдающегося русского военного исследователя, учёного, путешественника. Недаром «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от неё до моря», далеко не первое его научное исследование, но первое опубликованное в открытом научном источнике — в «Вестнике Императорского Русского географического общества», в 1859 году, сразу ввело М. И. Венюкова в ряд уважаемых исследователей...

Ещё в декабре 1858 года, накануне его отъезда из Восточной Сибири, на балу у генерал-губернатора графа Муравьёва-Амурского «Николай Николаевич отыскал меня в толпе и... сам представил меня ехавшему в Петербург адмиралу Кузнецову, как "автора поучительного отчёта об Уссури"» [1, с. 108]. И впоследствии Михаил Иванович не забывал об Уссурийском крае, глубоко запавшем в его душу и в развитие которого он положил много своих сил.

Список использованных источников

- 1. Венюков, М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 годах // М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952. С. 27–126.
- 2. Венюков, М. И. Из воспоминаний М. И. Венюкова. Кн. 3 : 1877–1884 / М. И. Венюков. Амстердам : [б. и.], 1901. 161 с.
- 3. Венюков, М. И. Мои воспоминания. 1857–1858 годы. Восточная Сибирь и Амур // Граф Муравьёв-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 200–228.
- 4. Венюков М. И. (Некролог) // Ист. вестн. 1901. Т. 85 (авг.). С. 747.
- 5. Венюков, М. И. Обозрение реки Уссури и земель к востоку от неё до моря // М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952. С. 127–184.
- 6. Венюков Михаил Иванович // Военная энциклопедия. Т. 5. Санкт-Петербург, 1911. С. 313.
- 7. Венюков (Михаил Иванович) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1905. Доп. т. 1 : Аа Вяхирь. С. 404.
- 8. Гольмдорф, М. Г. Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807—1859 / М. Г. Гольмдорф. Санкт-Петербург: Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. округа, 1882.— 202 с.
- 9. Есаков, А. В. Япония глазами россиянина (М. И. Венюков, 60–70 годы XIX в.) // Acta Slavica Japonica. 2000. Т. 17. Р. 161–171.

- 10. Известия Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 7, вып. 1. Хабаровск: Тип. Т-ва «Приамурье», 1908. 78 с.
- 11. История Рязанского края: Венюковы. Венюков Михаил Иванович. Текст: электронный // 62INFO.RU. История, культура и традиции Рязанского края. URL: https://62info.ru/history/node/10102 (дата обращения: 15.05.2022).
- 12. Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарёва: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон Женева: [в 11 вып.]. Вып. 9: 1866–1867. Женева. Факсим. изд. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 1726–2002, 17 с.
- 13. Костюченко, А. П. Уссурийская экспедиция М. И. Венюкова / А. П. Костюченко // Актуальные проблемы изучения истории стран ATP в XIX–XXI вв. Вып. 2. Хабаровск, 2014. С. 33–39.
- 14. Маслова, А. Н. Из книг М. И. Венюкова / А. Н. Маслова // Альманах библиофила. Вып. 3. Москва, 1976. С. 133–144.
- 15. Михаил Иванович Венюков // Семевский М. И. Знакомые: альбом М. И. Семевского, изд.-ред. ист. журн. «Рус. Старина»: кн. автобиогр. собственноруч. заметок 850 лиц: Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи. 1867–1888 / М. И. Семевский. Санкт-Петербург, 1888. 416 с.
- 16. Степанов, А. А. Михаил Иванович Венюков: [предисловие к изданию] // М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / М. И. Венюков. Хабаровск, 1952. С. 5–26.

Материал поступил в редакцию 19.05.2022.

Сведения об авторе: Шестаков Алексей Вячеславович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск). Контактная информация: e-mail a_shes@mail.ru.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ВЕНЮКОВА. ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ В ФОНДЕ РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ИЗДАНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В конце XIX века географ и исследователь Михаил Иванович Венюков завещал свою личную библиотеку Хабаровску. И сегодня книги из его собрания хранятся в Дальневосточной государственной научной библиотеке. Коллекция включает разнообразные по тематике издания: от физики и медицины до истории и языкознания. В статье даётся краткий обзор книжного собрания с описанием отдельных интересных изданий и экземпляров.

Ключевые слова: М. И. Венюков, личные библиотеки, книжные коллекции, редкие книги, фонды редких и ценных изданий.

Keywords: M. I. Venyukov, personal libraries, book collections, rare books, collections (funds) of rare and valuable publications.

редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ) хранится коллекция книг, некогда принадлежавших русскому военному топографу, путешественнику, географу Михаилу Ивановичу Венюкову. Во второй половине XIX века его имя было известно не только на родине, но и за рубежом. В научных кругах России и Европы его знали как географа и этнографа, а широкая публика зачитывалась его пуб-

Михаил Иванович Венюков, 1895 год.

лицистическими статьями на политические и исторические темы.

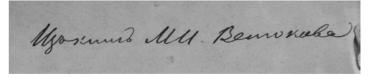
«Изо всех русских географов своего времени М. И. Венюков был, пожалуй, наиболее политическим! <...> Географические исследования не ослабляли острейшего интереса Венюкова к текущей политической жизни страны. Он остро

откликался на все события современности», — пишет в биографическом очерке о нём А. А. Степанов [16, с. 6, 20]. Темами его полемических, обличительных статей становились недостатки и пороки российского общества и государства: неумеренная бюрократия, произвол и некомпетентность чиновников, ужасающее положение крестьян до и после реформы 1861 года, неумелая и неумная, по его мнению, внешняя политика, особенно в Средней Азии, казнокрадство и проч.

Как учёного, М. И. Венюкова прежде всего интересовали окраины Российской империи (Дальний Восток, Сибирь, Средняя Азия, Кавказ) и сопредельные государства — Китай, Япония, Монголия, Турция. «В течение семи лет, с 1857 по 1863, мне привелось посетить большую часть окраин нашего государства, от Балтийского моря до Кавказа, Небесных гор и Восточного океана. И хотя беспрерывные разъезды, походы, боевая и бивачная жизнь мало способствовали систематическому собиранию и разработке данных об этих странах; тем не менее я был настолько счастлив, что об некоторых из них успел собрать сведения, частью вполне неизвестные прежде, частью бывшие достоянием немногих местных специалистов», — писал М. И. Венюков в предисловии к одному из своих сочинений [6, с. I].

Во всех своих экспедициях он составлял географическое и топографическое описание местностей, прежде всего с военной точки зрения, исправлял старые или чертил новые карты, изучал «состав и распределение населения» [4, с. 195]. Кроме того, будучи кадровым офицером, во всех своих поездках он неизменно обращал внимание на военные сооружения, оценивая и описывая их.

И служебные, и научные, и политические интересы М. И. Венюкова естественным образом находили отражение в его личной библиотеке. Среди его книг много сочинений по метеорологии и астрономии, геологии и физической географии. Наличие большинства из них диктовалось основным профессиональным занятием Михаила Ивановича — топографической съёмкой разных местностей и составлением их военно-географических описаний. Некоторые из изданий в собрании явно сохранились со времён обучения в академии Генерального штаба. Например, двухтомный «Курс высшей и низшей геодезии» А. П. Болотова. Этот фундаментальный труд был первым полным руководством по геодезии на русском языке и долгие годы служил настольным пособием для всех отечественных топографов. Выход первого издания в 1836-1837 годах «стал выдающимся событием в учёных и просвещённых кругах России» [10, с. 112], рецензии на него поместили практически все журналы и газеты. В популярнейшей «Библиотеке для чтения» как одно из достоинств «Курса» отмечалось, что он не представляет собой «перевод или компиляцию иностранных сочинений о геодезии», что «это геодезия национальная русская» [8, с. 50]. В собрании М. И. Венюкова имеется издание труда А. П. Болотова 1845-1849 годов. Автор в предисловии писал, что этот «Курс» «есть не 2-е издание напечатанной в 1836 и 1837 годах книги... а совершенно вновь обработанное и гораздо пространнейшее изложение тех же самых предметов» [2, с. V]. Он предназначал пособие для офицеров Императорской военной академии (с 1855 г. — Николаевская академия Генерального штаба), в которой преподавал геодезию с самого основания учебного заведения. К моменту поступления в академию поручика Венюкова знаменитый геодезист уже скончался, и занятия вели академик А. Н. Савич и подполковник В. Н. Воинов [12, с. 19-20]. Но основным учебником по предмету оставался труд А. П. Болотова. Экземпляр из библиотеки М. И. Венюкова облачён в полукожаный переплёт и на корешке помечен суперэкслибрисом — золототиснёнными инициалами «М. [В.]». На форзаце — надпись чернилами: «Из книг М. И. Венюкова».

Владельческая запись М. И. Венюкова.

Из этого же раздела в коллекции сохранились два тома «Очерков астрономии» Дж. Гершеля, выпущенные в Москве в 1861–1862 годах. Астрономией Михаил Иванович увлёкся ещё в кадетском корпусе. В своих воспоминаниях он писал: «Последний год моего пребывания в корпусе почти сполна был посвящен мною естествознанию... Астрономия особенно привлекала меня, и я жадно читал популярные Лекции о ней Зеленого и, начавшее в то время появляться выпусками, сочинение Хотинского¹» [3, с. 98]. С трудами Гершеля молодой офицер познакомился чуть позднее — во время военной службы в Серпухове в 1850–1851 годы. Он вспоминал об этом периоде своей жизни как о чрезвычайно скучном и бессодержательном, когда досуг можно было занять только чтением: «Я, как и часть моих сослуживцев, читал много и все, что попало, от Писем о химии Либиха до Писем об изучении природы Герцена... от исторических статей Грановского до Астрономии Гершеля...» [3, с. 125]. Вероятно, Михаил Иванович пишет о гершелевском «Изложении астрономии», русское издание которого вышло в 1838 году.

Джон Гершель — известнейший английский астроном и физик, один из основоположников фотографии — в то время ещё не был столь знаменит. Он занимался изучением света и звука, исследованиями двойных звёзд и туманностей. Но наибольшую славу ему обеспечила роль популяризатора науки. «Именно эта сторона его деятельности — талантливого просветителя с философским осмыслением проблем развития знаний — принесла ему такую широкую, всемирную известность, что даже многие открытия его отца стали приписывать в истории науки Джону, вплоть до... открытия инфракрасных лучей в спектре Солнца (в 1800 г., когда ему было всего 8 лет!)», — пишет в биографии учёного А. И. Еремеева [11, с. 52]. Самым известным научно-популярным сочинением Гершеля стали «Очерки астрономии», впервые вышедшие в 1849 году. Они выдержали 12 изданий и были переведены на многие языки, в том числе арабский и китайский [11, с. 47]. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, печатавшемся в 1890-х годах, отмечается, что «Очерки», «несмотря на устарелость, до сих пор могут служить образцом общепонятной астрономии» [7, с. 573].

Этот труд не мог не привлечь внимание М. И. Венюкова, и он приобрёл для своей библиотеки русское издание. Особый интерес у него вызвал первый том, содержание

которого в большей мере касается земной поверхности и непосредственно связано с геодезической съёмкой. На полях книги Михаил Иванович оставил многочисленные пометы карандашом и чернилами. В основном это отсылки на сочинения других авторов. В нескольких случаях он подчеркнул фразу в тексте и поставил знак вопроса на полях, выразив таким образом своё недоумение по поводу формулировок или, возможно, идей Дж. Гершеля, а где-то и прямо возразил автору. Кроме того, в книгу вплетена написанная М. И. Венюковым от руки статья «О притяжении шаров и эллипсоидов».

Во втором томе издания, в котором рассматриваются Луна, звёзды и времяисчисление, читательских помет почти нет, но вклеена вырезка из французской газеты за 1887 год с заметкой о фотографической карте неба. Это показывает, что учёный не единожды обращался к труду Дж. Гершеля.

Рукописные вставки, комментарии и пометы на полях, вклеенные вырезки из журналов и газет — всё это характерно для книг из личного собрания М. И. Венюкова. Следы

153 чанинъ Бокль—на Англію, итальянецъ Джіоберти—на Италію, ньмцы Фихте и Гегель—на Германію. То же ділають русскіе славянофилы и польскіе мессіанисты. Каждый свое національное считаетъ за исключительно истинное, нормальное, духъ своего народа и направление его исторіи ділаетъ міркой для культуры и исторіи другихъ народовъ. Это-судъ всемірной исторіи, производимый разными націями чрезъ отдѣльныхъ своихъ членовъ: въ Гизо говоритъ вся Франція, гордая разносторонностью и блескомъ своей цивилизацін; въ Бокл'в говорить вся Англія, гордая своею полической свободой и развитіемъ иниціативы своихъ гражданъ; въ Джіоберти отражается вся Италія, гордящаяся своею непосредственною связью съ источниками европейской цивилизаціи античномъ мірѣ и своимъ значеніемъ въ католицизмѣ; въ Гегелѣ мы видимъ всю Германію, гордящуюся услугами своей реформаціи и своею идеалистической философіи. Каждый—сынъ своей страны, каждый воспитался въ ея традиціяхъ, каждый близко принимаетъ къ сердцу ея интересы, каждый привыкъ такъ или иначе понимать сущность цивилизаціи, сообразно съ направленіемъ, какое приняла исторія его отечества, — и свою субъективную точку зрѣнія, обусловленную принадлежностью къ извъстной національности съ опредвленной культурой, bona fide принимаетъ за единственно истинную и нормальную.

Замъчательная черта всъхъ указанныхъ нами взглядовъ та, что вездѣ мы видимъ извѣстное принципіальное обоснованіе, почему именно эта или та нація берется, какъ самая что ни на есть важная во всей исторіи. Замічательно и то, что каждый изъ названныхъ писателей, считая таковою именно свою націю, въ то же время по-своему обосновываетъ это предпочтеніе. Другими словами, каждый въ своей націи видить какъ-бы олицетвореніе наиболће лично ему дорогого принципа, а что ему дорогъ именно тотъ принципъ, развитіе котораго особенно сильно въ его народѣ, объясняется тімь, что всякій-сынь своего народа. Возставая противъ націоналистическаго субъективизма, мы, однако, не имъемъ права требовать отъ науки полнаго отръшенія отъ національныхъ вліяній. Напротивъ, мы думаемъ, что каждый народъ имъетъ несомивиное право вносить въ науку свое пониманіе и свою оцинку исторіи, выработанныя особенностями его духа и его историческихъ судебъ, и чёмъ многочисленнее и разнообразнее будутъ (чудого эти національные вклады въ науку, тёмъ шире и полне будеть город сама наука, но посл'єдняя требуеть прежде всего, чтобы пониманіе относилось къ върно воспроизведенной действительности, а не къ ея искаженію, чтобы всь частныя оцьнки могли свестись къ какому-либо критерію, который имъль бы хоть сколько-ни-

to comment or a company

Страница из книги с пометами М. И. Венюкова.

¹ Речь идёт о книгах: Зеленой С.И.Лекции по популярной астрономии, читанные публично, с высочайшего разрешения в Морском кадетском корпусе капитан-лейтенантом С. Зеленым с 25 ноября 1843 по 16 марта 1844. СПб., 1844 (2-е издание — СПб., 1850); Хотинский М.С. Астрономия для всех образованных читателей, изложенная М. Хотинским, членом многих ученых обществ. Т. 1–4. СПб., 1849–1850.

такой работы в основном носят издания естественнонаучной тематики, присутствие которых в библиотеке объясняется научными интересами владельца. В коллекции много книг по геологии, географии, биологии, физике, химии. Среди них есть прижизненные переводы Ч. Дарвина «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» (1871–1872 гг.) и «О выражении ощущений у человека и животных» (1872 г.), второе издание «Органической химии» Д. И. Менделеева (1863 г.), работы И. М. Сеченова «О животном электричестве» (1862 г.) и «Рефлексы головного мозга» (1866 г.).

Интересна история выхода последнего произведения. Свои «Рефлексы» И. М. Сеченов изначально написал для «Современника» — отечественного литературного и общественно-политического журнала. Возглавлявший его тогда Н. А. Некрасов обратился к учёному с просьбой «выступить в журнале с сообщением о наиболее острых проблемах естествознания» [Цит. по: 9, с. 110]. Однако печатать статью под названием «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы» в «Современнике» запретила цензура с оговоркой, что работа может быть помещена в специальном, например медицинском, журнале. Ограничения были наложены в связи с продвигавшейся И. М. Сеченовым идеей о том, что «вся разнообразная психическая деятельность человека является ответом головного мозга на внешнее раздражение, причём концом любого психологического акта будет сокращение тех или иных мышц» [Цит. по: 9, с. 110]. Такая позиция, с точки зрения властей, была крайне материалистической и опасной: в то время считалось, что психика и её проявления — это область духовного, божественного. Из-за этого, как писал в автобиографии И. М. Сеченов, его «произвели в ненамеренного проповедника распущенных нравов и в философа нигилизма» [15, с. 125]. Статья всё-таки была опубликована. Всё в том же 1863 году она вышла под заглавием «Рефлексы головного мозга» (переименование было одним из цензурных требований) в «Медицинском вестнике». Несмотря на специализированный характер журнала, известие об этой работе разошлось среди широкой публики, и она приобрела невероятную популярность. Ею зачитывались, о ней спорили, её обсуждали, осуждали и поддерживали. Номера «Медицинского вестника» с публикацией И. М. Сеченова «доставали» за большие деньги.

Такая популярность «Рефлексов» сподвигла учёного на печатание их отдельной книгой. В 1866 году издатель А. Головачёв выпустил «Рефлексы головного мозга» тиражом в 3 000 экземпляров. Главное управление по делам печати пыталось запретить и уничтожить уже напечатанную книгу, Петербургский цензурный комитет даже подал на автора в суд, обвиняя его в «разрушении моральных основ общества» и «развращении нравов» [13, с. 115]. Однако прокурор не нашёл в сочинении И. М. Сеченова ничего, за что автора по

закону можно было привлечь к ответственности. Поэтому арест с издания был снят, уголовное преследование прекращено, и в сентябре 1867 года книга наконец поступила в продажу.

Живо интересовавшийся всеми новыми естественнонаучными достижениями и материалист по натуре, М. И. Венюков не мог не приобрести это сочинение, к тому же наделавшее столько шума в России. Читая книгу, он почти не оставил помет — лишь в одном месте на полях карандашом сделана запись. Такая читательская «немногословность» отличает в коллекции сочинения по тем предметам, в которых Михаил Иванович не считал себя специалистом (например медицина, зоология, история и др.) и которые не вызывали у него полемического отклика.

Зато в книгах, посвящённых профессионально знакомым ему темам, на полях зачастую можно встретить небольшие сочинения — полемику, уточнения, а иногда и брань. Ярким примером служат труды французского географа Элизе Реклю, который был современником М. И. Венюкова и с которым русский исследователь был знаком лично. Во время проживания в Женеве он даже некоторым образом помогал Э. Реклю в составлении его «Всеобщей географии», одалживая его помощнику книги о России из личной библиотеки [5, с. 41]. История этого монументального издания подробно описана в статье Д. Н. Анучина «Элизе Реклю», напечатанной в журнале «Землеведение» в 1905 году. Учёный работал над своим сочинением больше 20 лет и начиная с 1876 года ежегодно выпускал по одному большому (объёмом около 1 000 страниц) тому. Всего их получилось 19, пять из которых «посвящено Европе, четыре — Азии, четыре — Африке, один — Океании и пять Америке» [1, с. 78]. Оригинальное французское издание было роскошным и включало множество карт и иллюстраций как в тексте, так и на отдельных листах. Это сказалось на его стоимости: цена одного тома составляла 30-37 франков, а все 19 книг обходились покупателям более чем в 600 франков [1, с. 78]. Появившимся в скором времени переводам на другие языки (в том числе и на русский), как отмечал Д. Н. Анучин, было далеко до оригинала «по обилию карт и рисунков и по изяществу их воспроизведения, а также изяществу печати и бумаги» [1, с. 78], что, впрочем, полностью компенсировалось их более низкой ценой. Однако для своей библиотеки М. И. Венюков приобрёл именно французское издание, несмотря на его дороговизну и собственную стеснённость в средствах.

В коллекции ДВГНБ сохранилось восемь томов этого труда, и лишь в двух из них нет читательских помет Михаила Ивановича. Наиболее эмоционально и систематично он комментировал книгу, посвящённую дальневосточным соседям России: Китаю, Корее и Японии. В одном месте, где Э. Реклю пишет о равнинах, пересекаемых китайской рекой

Янцзы, русский исследователь возражает на полях: «Там горы». Рядом с картой, на которой отмечены якобы китайские территории до «аннексии в Сибири» (видимо, проведённой Россией?), стоит помета М. И. Венюкова «вранье!», (Кстати. в русском издании «Всеобщей географии» 1877–1896 гг. эта карта отсутствует вовсе.) Напротив утверждения французского географа о том, что горы Куньлунь древнее Гималаев и относятся «к более отдаленной геологической эпохе. когда Гималайские горы еще не существовали» [14, с. 22], написано: «Где доказательства?» Таких замечаний на полях Михаил Иванович оставил довольно много. Нужно сказать, что он считал тома «Всеобщей географии» неравноценными по содержанию. Так, рассказывая о путешествии в Испанию, он заметил: «Реклю очень верно описал общий вид страны» [5, с. 60], а книгу о Европейской России назвал в своих воспоминаниях «плоховатой» [5, с. 41].

Ещё более резкие комментарии можно обнаружить в некоторых публицистических и исторических сочинениях из библиотеки М. И. Венюкова. Например, таковой находим в сборнике «Материалы для истории царствования императора Николая Павловича» (Лейпциг, 1880 г.). В нём приведён фрагмент из записки статс-секретаря В. Р. Марченко о событиях 14 декабря 1825 года, которым тот был свидетелем. Рядом с рассказом об офицере О.-Ю. В. Горском М. И. Венюков написал «скотина» и, видимо, от избытка чувств даже подчеркнул нелестную характеристику. А на авантитуле опуса под названием «Что же теперь делать?», вышедшего из-под пера славянофила А. И. Кошелева, Михаил Иванович ответил автору: «Перестать писать сантиментальные брошюры».

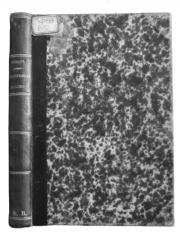
Стоит отметить, что многие из публицистических изданий, имеющихся в коллекции, были запрещены отечественной цензурой полностью либо не допускались к обращению в публичных библиотеках. К таковым относятся работы упомянутого выше А. И. Кошелева, которых, несмотря на несколько пренебрежительное отношение к ним книголюба, в коллекции целых четыре, сборники Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (Берлин, 1868–1874 гг.), «Записки императрицы Екатерины II» в издании А. И. Герцена (Лондон, 1859 г.), «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского (СПб., 1869 г.) и многие другие. Венчают этот список сочинения А. И. Герцена: философские «Письма об изучении природы» в рукописном списке, роман «Кто виноват?» (СПб., 1847 г.), сборник газетных статей «Колокол» (Женева, 1887 г.).

Венюков относился к Герцену с большим пиететом. С его трудами будущий исследователь познакомился ещё в кадетском корпусе, в возрасте 16–17 лет, и они произвели на юношу сильнейшее впечатление. Влияние произведений А. И. Герцена на молодёжь 1840-х – 1870-х годов было чрезвычайно велико: они «непосредственно и мощно участвовали в формировании мировоззрения нескольких

поколений читателей» [17, с. 110]. Статьи и заметки самого известного отечественного оппозиционера «в гимназиях и университетах... воспринимались с необыкновенным энтузиазмом» [17, с. 110].

М. И. Венюков в мемуарах упоминал, что роман Герцена «Кто виноват?» всегда сопровождал его «в путешествиях и переселениях» [3, с. 130]. Впервые это произведение он прочитал в 1851 году, будучи молодым офицером. Десятилетия спустя, в 1884 году, уже живя в эмиграции в Париже, он на форзаце книги написал: «Вот 33 года прошло с той поры, как я впервые читал эту книгу, и до сих пор не могу я без глубокого сочувствия взять ее в руки. Та ночь, которую я провел за чтением "Кто виноват", в Серпухове, в доме Соколова, как теперь передо мною. Я начал чтение вечером и кончил, когда, утром, было уже совершенно светло, но люди в доме еще спали и в моей комнате стояла полная тишина... Эта ночь, с ее слезами сочувствия и восторга, разбудила и создала меня нравственно, как чтение "Космоса" Гумбольдта и уроки физики и химии, в корпусе, положили основу моему умственному развитию... Я не идолопоклонник, святого в смысле богословенном для меня ничего нет; но эти две книги я чту, как святыню, и желаю, чтобы они сопровождали меня в могилу». Однако, вместо того чтобы быть похороненным с владельцем, экземпляр романа с этой записью вместе с остальной библиотекой оказался в Хабаровске и сегодня хранится в ДВГНБ.

Но читательские вкусы Михаила Ивановича в художественной литературе не ограничивались социальным романом. Судя по книгам в его библиотеке, он любил французскую классику (в коллекции сохранились издания Ж.-Б. Мольера, П. Бомарше, Ж. Лафонтена, Вольтера), а из отечественной прозы предпочитал художественную публицистику. К последней можно отнести записки современников: в собрании присутствуют популярнейшие в то время «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля (М., 1864 г.), «Записки и дневник» литературоведа А. В. Никитенко (СПб., 1893 г.), мемуары подруги детства и юности А. И. Герцена Т. П. Пассек (СПб., 1878-1879 гг.). Увлекался Михаил Иванович и поэзией. В воспоминаниях он писал, что с детства любил стихи В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского, К. Ф. Рылеева, И. Гёте, многое знал наизусть. В библиотеке, которую он возил с собой с одного места службы на другое, обязательно были сборники стихов. Например, в багаже, с которым М. И. Венюков отправился на службу в Польшу, «наравне с произведениями поэзии» были «книги по математике, истории, естественным и военным наукам» [3, с. 342-343]. Однако в коллекции ДВГНБ поэтических сборников нет. Зато имеется несколько сочинений по литературоведению: «Обзор истории славянских литератур» А. Н. Пыпина (СПб., 1865 г.), «История русской литературы в очерках и био-

Книга из библиотеки М.И.Венюкова во владельческом переплёте с суперэкслибрисом.

графиях» П. Н. Полевого (СПб., 1872 г.), «Всеобщая история литературы» И. Шерра (СПб., 1863 г.).

Вообще, состав книг в личной библиотеке М. И. Венюкова поражает разносторонностью тем: сочинения по философии, зоологии, ботанике, метеорологии, геологии, истории, физике, медицине, психологии, астрономии, правоведению, политологии, химии, — чем только не интересовался

знаменитый исследователь! Этот факт, по воспоминаниям Михаила Ивановича, отметил даже полицейский сыщик, обыскивавший на петербургском вокзале его багаж и высказавшийся по поводу перевозимых книг: «Какая у вас разнообразная библиотека! Видно, вы человек многосторонний» [3, с. 343]. Венюкова это замечание разозлило, но ведь полицейский был прав! Даже беглый

обзор коллекции даёт представление о необычайной широте интересов её владельца, а изучение опубликованных воспоминаний показывает, что случайных книг в собрании не было.

Свою библиотеку Михаил Иванович считал собранием друзей и относился к ней соответственно. Даже составляя завещание, он прежде всего позаботился именно о книгах, первым пунктом прописав распоряжение насчёт библиотеки. «Библиотеку мою, состоящую более чем из 1 200 томов книг научного содержания, преимущественно географических, естество-исторических, исторических и общелитературных, а также собрание карт и атласов жертвую в пользу находящегося на Амуре, при устье Усури, селения Хабаровки или вообще того пункта, где будет находиться управление Усурийским краем. На доставку этой библиотеки по назначению ассигную пятьсот франков...» [5, с. 90]. Так и получилось, что хабаровская библиотека пополнилась книжным собранием М. И. Венюкова, частично сохранившимся до наших дней. Полный анализ коллекции — дело будущего, но уже сейчас можно утверждать, что тщательное изучение этих томов параллельно с мемуарами владельца, разбор всех маргиналий даст интереснейший материал о Венюкове как человеке, читателе и учёном.

Список использованных источников

- 1. Анучин, Д. Н. Элизе Реклю / Д. Н. Анучин // Землеведение. 1905. Т. 12, кн. 3–4. С. 68–92.
- 2. Болотов, А. П. Курс высшей и низшей геодезии. Т. 1 / [соч.] А. Болотова. Санкт-Петербург: печ. в тип. Конрада Вингебера, 1845. XIII, [1], 580 с.
- 3. Венюков, М. И. Из воспоминаний М. И. Венюкова. Кн. 1 / М. И. Венюков. Амстердам : [б. и.], 1895. [4], 418 с., [1] л. портр.
- 4. Венюков, М. И. Из воспоминаний М. И. Венюкова. Кн. 2 / М. И. Венюков. Амстердам : [б. и.], 1896. [4], 285, [3] с.
- 5. Венюков, М. И. Из воспоминаний М. И. Венюкова. Кн. 3 / М. И. Венюков. Амстердам : [б. и.], 1901. [4], 161, [3] с.
- 6. Венюков, М. И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них / [соч.] М. И. Венюкова. Санкт-Петербург: тип. Император. Акад. наук, 1868. [2], II, 526, [2] с., [4] л. карт.
- 7. Витковский, В. В. Гершель / В. В. В[итковский] // Энциклопедический словарь. Т. 8a: Германия Го. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1893. С. 572–573.
- 8. Геодезия, или Руководство к исследованию общего вида Земли...: [рецензия] // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18 (сент.). С. 50–53. (Литературная летопись).
- 9. Глухов, А. Г. Книги, пронизывающие века / А. Г. Глухов. Изд. 2-е, доп. Москва: Книга, 1975. 142 с.

- 10. Глушков, В. В. История военной картографии в России (XVIII начало XX в.) / В. В. Глушков. — Москва: ИДЭЛ, 2007. — 528 с.
- 11. Еремеева, А. И. Джон Гершель : (к 225-летию со дня рождения) / А. И. Еремеева // Земля и Вселенная. 2017. № 5. С. 47–60.
- 12. Есаков, В. А. Михаил Иванович Венюков, 1832–1901 / В. А. Есаков; отв. ред. А. В. Постников. Москва: Наука, 2002. 242 с.
- 13. Ноздрачев, А. Д. «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова: (в связи с 140-летием выхода в свет) / А. Д. Ноздрачев, Ю. П. Пушкарев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер., 3. 2004. Вып. 3. С. 113–115.
- 14. Реклю, Э. Земля и люди: Всеобщая география. [Т.] 7: Восточная Азия: Китайская империя, Корея и Япония / Э. Реклю. Санкт-Петербург: картогр. заведение А. Ильина, 1885. [4], 696, XV с., 61 л. ил., карт.
- 15. Сеченов, И. М. Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова / И. М. Сеченов. Москва : Науч. слово, 1907. XVI, 194, [2] с., [1] л. портр.
- 16. Степанов, А. А. Михаил Иванович Венюков / А. А. Степанов // Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / М. И. Венюков. Хабаровск : Кн. изд-во, 1970. С. 5–23.
- 17. Туниманов, В. А. «Вольное слово» А. И. Герцена и русская литературная мысль XIX века / В. А. Туниманов // Русская литература. 1987. № 1. С. 100–112.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 25.02.2022.

Сведения об авторе: Радишаускайте Наталья Витаутовна, главный библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru.

«...С ЛЮБОВЬЮ И ГЛУБОЧАЙШЕЙ ПРЕДАННОСТЬЮ...» (М. А. Шолохов и А. М. Грачёв)

В статье приведён материал о личных встречах М. А. Шолохова с писателем Дальнего Востока А. М. Грачёвым. Авторы статьи приводят дарственные надписи, сделанные А. М. Грачёвым на своих книгах для М. А. Шолохова.

Ключевые слова: М. А. Шолохов, А. М. Грачёв, книги с автографами.

Keywords: M. A. Sholokhov, A. M. Grachev, autographed books.

большим вниманием, по-отечески строго и заботливо относился Михаил Шолохов к начинающим литераторам. Его публицистика, сборники «По велению души», «Россия в сердце» и «Слово о Родине», содержит много пожеланий, адресованных писателям, только ещё ищущим свой путь в искусстве. Он был участником конференций, съездов, слётов, объединявших литературную молодёжь. Запись Шолохова в памятной книге V Всесоюзного совещания молодых писателей такова: «Рад успеху совещания! Как всегда, желаю молодым свершений, дерзаний и — успеха, неизмеримо большего, чем на этом совещании» [14]. Автор «Тихого Дона» не раз принимал молодых писателей, в том числе и зарубежных, в Вёшенской, в Ростове-на-Дону или в Москве.

Станичный адрес М. А. Шолохова знали многие авторы, нуждавшиеся в помощи. Начинающие литераторы присылали свои творения на его суд. «Я знаю многих писателей, — говорил Юрий Бондарев, — которые, поставив последнюю точку на рукописи своего романа, мысленно переносятся в станицу Вешенскую, к Шолохову, — что сказал бы он... как оценил бы он?» [2]. Шолохов в меру своих сил и возможностей давал советы по исправлению языковых погрешностей, высказывал замечания, а также помогал с выходом в свет произведений собратьев по перу. «Каждую книгу, отмеченную правдивостью, искренностью, чувством нового, неподдельным патриотизмом, встречает он с восторгом и склонен скорее перехвалить такую книгу, чем критиковать ее отдельные недостатки и частные неудачи», — писал донской прозаик Виталий Закруткин в своём очерке «Цвет лазоревый» [13].

Доверие к Шолохову, его художническому опыту, его знаниям и вкусу, было безгранично. Много фактов, свидетельствующих о его помощи писателям, содержат личные воспоминания, беседы, письма молодых авторов и другие источники. Прозаик Сергей Борзенко в своей книге «Повинуясь законам Отечества» отметил: «Готовя себя к письменному труду, я старался учиться у Шолохова. Многие страницы "Тихого Дона" знаю наизусть» [3].

Изучение взаимоотношений Михаила Александровича Шолохова с молодыми литераторами представляет большой интерес. В данной статье рассматриваются творческие связи автора «Тихого Дона» и писателя-дальневосточника Александра Матвеевича Грачёва.

Грачёв, уроженец хутора Меркуловского станицы Вёшенской области Войска Донского (ныне Шолоховский район Ростовской области), оказал заметное влияние на формирование дальневосточной литературы. Все его произведения пронизаны безграничной любовью к Родине, к Дальнему Востоку, формируют высокие морально-нравственные качества читателя.

Дальневосточный прозаик и публицист, он был одним из учеников Михаила Шолохова. Приведём фрагмент из воспоминаний его дочери Анны Пономарёвой: «М. А. Шолохов был той яркой путеводной звездой, которая вела А. М. Грачёва в жизни и в творческой деятельности. У него будущий писатель учился языку, художественной образности, даже быт мечтал устроить по образцу шолоховской семьи» [12, с. 155].

В одном из писем, адресованных В. А. Абакумовой, педагогическому работнику Меркуловской школы, тогда ещё Вёшенского района Ростовской области, Грачёв написал о своём пристрастии к литературной деятельности: «Меня всегда тянуло к литературному творчеству. В детстве много читал, к 12 годам перечитал все книги, которые мог найти в хуторе. В 11 лет написал первые стихи (один был опубликован в школьной стенгазете в 1923 году)» [1, с. 2]. Именно любовь к литературе дала юноше решимость обратиться за советом к М. А. Шолохову. Вот что об этом рассказал Грачёв в газете «Молодой дальневосточник»: «Первое посещение относится еще к 1929 году, когда я, подросток, принес Михаилу Александровичу на консультацию свои стихи. Перелистав объемную тетрадь, порасспросив, что я прочитал из классиков, он сказал с улыбкой:

— Вот что, брат. Когда сапожник хочет научиться своему ремеслу, он сначала учится всучивать щетинку в дратву. С этого и начинай, с азов» [7, с. 3].

Следующая встреча состоялась в конце 1939 года, когда А. М. Грачёв получил направление в Москву на курсы молодых писателей и, будучи корреспондентом газеты «Сталинский Комсомольск», посетил родные места. Набравшись храбрости, он зашёл к Михаилу Александровичу. Свои впечатления от встречи писатель-дальневосточник занёс в дневник, который вёл с 1928 года. Этот любопытный документ впервые был опубликован А. А. Пономарёвой в сборнике «Его судьба была завидна...» [12], посвящённом столетию её отца.

«Вчера был у Шолохова. На главной улице в Центре Вешенской стоит его голубой дом с мансардой. <...>

Меня встретила мать М. А. Я ее знал, когда еще учился в Каргинской школе в 1928 г. Ее хатушка была напротив моей квартиры. Она крикнула М. А. в дверь, в которой была видна небольшая комната с людьми — видимо, столовая. Там стоял гвалт, и матери пришлось идти туда, пока она дозвалась М. А., и вот, наконец, явился Шолохов — этот титан-художник, 35-летний академик, человек, уважаемый всем культурным человечеством мира. Он маленький ростом, коренаст, со свежим лицом и спокойно-проницательными, умными, большими глазами. Волосы светло-русые. На нем грубошерстный коричневый пиджак, серо-коричневая коверкотовая гимнастерка, диагоналевые галифе и черные, довольно стоптанные валенки. В руке простая трубка с

серебряным колечком на мундштуке. Я извинился, поздоровался. Он протянул руку.

— Чем могу быть полезен? — мягким голосом спросил он. Зачем я шел к нему? Глупо, — но конкретного вопроса у меня не было. Просто хотелось увидеть и попробовать узнать его мнение о том, какой должна быть советская приключенческая книга. Перед входом во двор я до дрожи волновался, но потом поборол это волнение и теперь далее удивлялся своему спокойствию.

— Говорить о приключенческой книге <...> без конкретных вопросов — это говорить вокруг пустого стола. Разумеется, приключенческая книга должна быть интересная, увлекательная и, главное, умная.

Беседа продолжалась минут 15. Он интересовался, кто я, откуда, и предложил издать книгу, а, когда она будет напечатана, пообещал не замедлить с ответом. Между прочим, я напомнил ему, что отсылал сборник "Комсомольск", но ответа не получил» [12, с. 151–152].

Следующая встреча с М. А. Шолоховым состоялась в начале декабря 1947 года, в это время А. М. Грачёв с семьёй проживал на Дону. Тогда же в Хабаровске, в издательстве Дальгиз, готовилась к печати его первая книга «Тайна Красного озера», позже получившая положительную оценку читателей и критики. Вот так повествовал об этой встрече А. М. Грачёв в своём дневнике:

«Беседа с М. А. Шолоховым по книге "Тайна Красного озера", которую я отнес ему в гранках на предмет ознакомления с нею и оказания помощи в издании Детгизом. Он обещал почитать. <...>

Вчера вечером я приехал из хутора Щебуняевского и позвонил ему. Он сообщил, что прочитал, и попросил зайти сегодня к нему часов в 5 вечера.

Замечания: тургеневский пейзаж — рассусоливание на 8 стр. — этот пейзаж здесь не подходит. Нужен сжатый, лаконичный пейзаж. Он также заметил, что сюжет книги — безупречен, что читается она с интересом и что ее следует издать Детгизом массовым тиражом, что он берет на себя труд связать меня с Детгизом и проследить, чтобы она не залежалась там в производстве. <...>

Беседа продолжалась ровно час и касалась моментов самого различного порядка» [12, с. 153–154].

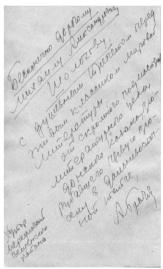
Последняя встреча Грачёва с Шолоховым состоялась в Хабаровске в 1966 году, где писатель остановился по пути в Японию.

Одна из подаренных А. М. Грачёвым М. А. Шолохову книг — «Тайна Красного озера» — хранится в фондах музея.

Роман «Первая просека» был подарен Шолохову автором, вероятно, в начале 1960-х годов.

В фондах Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова хранятся книги, подаренные А. М. Грачёвым певцу донских степей. Одна из них — «Тайна Красного озера» (Москва, 1954 г.) — была надписана автором в 1954 году: «Великому земляку, дорогому Михаилу Александровичу Шолохову, с любовью и глубочайшей преданностью, от автора — казака хутора Меркуловского. А. Грачев. г. Хабаровск, 9 декабря 1954 года» [11].

Другая книга — «Первая просека» (Хабаровск, 1960 г.) была подписана, вероятно, в начале 1960-х годов, после выхода произведения из печати: «Бесконечно дорогому Михаилу Александровичу Шолохову, с душевным трепетом перед живым классиком мировой литературы, от скромного подмастерья литературного цеха донского казака, прорубившего первую просеку в дальневосточной тайге. А. Грачев. Хутор Меркуловский Вешенского района» [10].

¹ В 1934 г. в Комсомольске-на-Амуре начал работать литературный кружок, куда входил А. М. Грачёв. Его участники выпустили в свет литературно-художественный сборник «Комсомольск» (1934 г.), где впервые были напечатаны произведения Грачёва: «Тревога», отрывок из повести «Чёрная сторона», рассказ «Костино счастье», отрывок «Победители» из повести «В тайге» [12, с. 56]. Вероятно, писатель ещё тогда задумал издать приключенческую книгу, о которой шла речь в его дневнике.

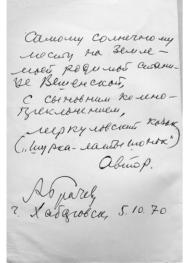
Dogwood Muxaus SulaCaregrobler!

Rycost Duce Khurrera Harontenu Ben o Gokean Korare
US xymone Megryerbouro, olera,
New Muchus Bery-Burowa New Muchus Bo rey-Burowa New Muchus Bo rey-Burowa New Muchus Bo rey-Burowa Nexogenil win zy or now wa Nexogenil win zy or now was Nexogenil win zy or now was Trucaus Khu zo or now well trow Isral.
The Gobpyer Panisher or Year Princeson yxe 19672, man.

Nalayoben, 20, 10. 70.

Дарственная надпись на книге «Лесные шорохи».

Авторский экземпляр книги, подаренный Вёшенскому краеведческому музею, сегодня хранится в Государственном музее-заповеднике М. А. Шолохова.

Следующий автограф сделан на книге «Лесные шорохи. Повесть о природе» (Москва, 1970 г.): «Дорогой Михаил Александрович! Пусть эта книжка напомнит Вам о донском казаке из хутора Меркуловского, о том, кто "изменил" Дону-батюшке, чтобы построить Комсомольск-на-Амуре от первого кола, исходить тайгу и потом написать книгу об этом чудесном крае. На добрую память об уссурийской ухе, 1967 г., май. А. Грачев. Хабаровск. 20.10.70» [8].

В собрании музея-заповедника хранится авторский экземпляр книги А. М. Грачёва «Лесные шорохи» (Москва, 1970 г.) с надписью писателя на передней обложке «Авторский. А. Грачев». На оборотной стороне лицевой обложки — автограф Вёшенскому краеведческому музею: «Самому солнечному месту на земле — моей родной станице Вешенской с сыновьим коленопреклонением. Меркуловский казак ("Шурка-латышонок"). Автор. А. Грачев. Г. Хабаровск 5.10.70» [9]. Данная книга была передана в фонд Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова в 1986 году в связи с закрытием Вёшенского краеведческого музея.

В коллекции фотографий и негативов музея-заповедника хранится более десятка фотографий, поступивших вместе с вышеупомянутой книгой. Практически все фотографии — с подписями А. М. Грачёва.

Подпись на обороте фотографии: «Грачев А. М. 1939 г., январь, г. Комсомольск-на-Амуре. Журналист беседует с нанайцем»¹.

«Амурские караси». Уссури, июнь 1954 года².

¹ Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова (ГМЗШ). НВФ 840/298.

² ГМЗШ. НВФ 840/302.

Одна из ранних фотографий — 1939 года. На ней молодой писатель запечатлён с нанайцем, как подписано автором, «Грачев А. М. 1939 год, январь, г. Комсомольск-на-Амуре. Журналист беседует с нанайцем». Интересна фотография 1954 года, где Александр Матвеевич на рыбалке, с подписью на оборотной стороне: «К А. М. Грачеву. Амурские караси. "Удачный улов". Уссури, Пентуховский, июнь 1954 г.». Хронологические рамки коллекции фотографий — с 1939 по 1962 год.

Дочь А. М. Грачёва А. А. Пономарёва в книге «Его судьба была завидна...» отмечала, что между М. А. Шолоховым и её отцом была переписка. Но ни в семейном архиве А. М. Грачёва, ни в архиве Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова их переписка не обнаружена [12, с. 155]. К сожалению, нет соответствующих писем и в документальном фонде Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова...

Александр Грачёв вспоминал: «Михаил Александрович хорошо знает произведения многих дальневосточных писателей. В 1947 году он расспрашивал меня о Сергее Диковском. Оказывается, он прочитал все, что написал безвременно погибший писатель:

— Вот у кого надо учиться молодым, писателям-дальневосточникам, — говорил он тогда» [7, с. 3].

М. А. Шолохов с увлечением перечитывал труды путешественника, исследователя Дальневосточного края В. К. Арсеньева. Писатель, беседуя с журналистом П. П. Гавриленко о своих любимых книгах, отметил В. К. Арсеньева, а именно его произведение «В дебрях Уссурийского края»: «Прекрасная книга <...> — без всякой рисовки» [5]. Книгу Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае», как говорил сам писатель, он прочитал 12 раз [4]. Это были настольные книги в его рабочем кабинете и в спальне. В личной библиотеке Михаила Александровича, помимо произведений вышеупомянутых авторов, хранились книги и других дальневосточных литераторов: Вс. П. Сысоева, В. И. Клипеля, Вс. Н. Иванова, Г. Г. Пермякова, С. Ф. Стародуба, А. И. Алдан-Семёнова и других.

Эволюция А. М. Грачёва-писателя — один из многочисленных примеров благотворного шолоховского наставничества, живого участия классика в судьбе молодого прозаика. Приведённые факты и документы создают перспективу для дальнейшего исследования этой темы.

Список использованных источников

- 1. Абакумова, В. А. Как Шолохов помогал молодым писателям / В. А. Абакумова // Тихий Дон. 2005. № 44 (9 апр.) С. 2.
- 2. Бондарев, Ю. В. Хранители ценностей / Ю. В. Бондарев. Москва: Правда, 1987. 384 с.
- 3. Борзенко, С. А. Повинуясь законам Отечества : повести и очерки / С. А. Борзенко. Москва : Худож. лит., 1954. 608 с.
- 4. Гавриленко, П. П. Заметки из Вешенской / П. П. Гавриленко // Простор. 1977. № 3. С. 100–105.
- 5. Гавриленко, П. П. Шолохов среди друзей : очерки / П. П. Гавриленко. 3-е изд., перераб. и доп. Алма-Ата: Жазуши, 1975. 191 с.
- 6. Говорухина, Г. В. «…на память о Дальнем Востоке…» (М. А. Шолохов и писатели Хабаровска) / Г. В. Говорухина, Е. А. Клейменова // Мир Шолохова. 2020. № 2. С. 54–59.
- 7. Грачёв, А. М. Выдающийся писатель современности / А. М. Грачёв // Молодой дальневосточник. 1965. № 102 (24 мая). С. 3.

- 8. Грачёв, А. М. Лесные шорохи. Повесть о природе / А. М. Грачёв. Москва: Мысль, 1970. 175 с. Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова (ГМЗШ). КП 14530.
- 9. Грачёв, А. М. Лесные шорохи. Повесть о природе / А. М. Грачёв. Москва: Мысль, 1970. 175 с. ГМЗШ. НВ 887/5.
- 10. Грачёв, А. М. Первая просека : роман / А. М. Грачёв ; [ил.: В. Л. Шкраб]. Хабаровск : Кн. изд-во, 1960. 304 с. ГМЗШ. КП 14348.
- 11. Грачёв, А. М. Тайна Красного озера : повесть / А. М. Грачёв ; [ил.: В. Богаткин]. [Москва] : Мол. гвардия, 1954. 328 с. ГМЗШ. КП 12111.
- 12. «Его судьба была завидна...» : к столетию Александра Грачёва / [сост.: А. Петров]. Хабаровск : ХКМ, 2012. 171, [1] с.
- 13. Михаил Александрович Шолохов : сборник. Москва : Правда, 1966. 319 с.
- 14. Шолохов, М. А. Живая сила реализма / М. А. Шолохов. Москва: Совет. Россия, 1983. 140 с.

Фотографии предоставлены авторами. Материал поступил в редакцию 18.01.2022.

Сведения об авторах:

Говорухина Галина Васильевна, научный сотрудник, хранитель книжного фонда научно-фондового отдела Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. Один из авторов «Шолоховской энциклопедии» (2012 г.), автор научных комментариев к каталогам «Библиотека М. А. Шолохова. Книги с автографами» (2013 г.), «Из собрания Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. 2010—2015 гг.» (2019 г.), член рабочей группы каталога выставки «Дон. Шолохов. Россия» (2019 г.) (станица Вёшенская). Контактные данные: e-mail: galiagoworuxina@yandex.ru; тел. 8-928-167-14-50.

Клейменова Елена Анатольевна, научный сотрудник, хранитель фонда «Вещественные памятники» научно-фондового отдела Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. Один из авторов статей и аннотаций каталога «Из собрания Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. 2010—2015 гг.» (2019 г.), член рабочей группы каталога выставки «Дон. Шолохов. Россия» (2019 г.) (станица Вёшенская).

Контактные данные: e-mail: lena.kleimenowa2015@yandex.ru; тел. 8-960-444-12-83.

«Я НЕ СМОГУ ЖИТЬ ВНЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА...» (Судьба дальневосточного писателя А. М. Грачёва в его дневниках)

В статье рассматриваются творческие взгляды дальневосточного писателя А. М. Грачёва (1912—1973 гг.) из его неопубликованных дневников, хранящихся в фондовом собрании Гродековского музея (г. Хабаровск).

Ключевые слова: А. М. Грачёв, личные дневники писателя, литературное творчество, автор остросюжетных книг, Курильская операция, дальневосточная природа, работоспособность, самодисциплина.

Keywords: A. M. Grachev, writer's personal diaries, literary creativity, author of action books, Invasion of the Kuril Islands, far eastern nature, working capacity, self-discipline.

1960-е годы велись бурные дискуссии о том, что первостепенно: наука или искусство? Лирики или физики? Повсеместно создавались литературные клубы, и культовыми были имена молодых поэтов Е. Евтушенко. Р. Рождественского. А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы. При библиотеке имени П. С. Комарова в Хабаровске был открыт литературно-поэтический клуб «Данко», который объединял любителей поэзии и начинающих поэтов. Руководил этим клубом поэт, студент Хабаровского медицинского института Игорь Сувид. Занятия литературной студии проходили в праздничной атмосфере, и особенную радость приносили встречи с дальневосточными писателями, с сотрудниками Хабаровского книжного издательства, с библиофилами и коллекционерами редких изданий книг. Среди гостей был известный писатель Александр Матвеевич Грачёв, к тому времени автор остросюжетных книг «Тайна Красного озера», «Падение Тисима-Ретто». Одна из таких встреч навсегда осталась в памяти...

Александр Матвеевич заворожил слушателей хорошей литературной речью, богатой, ясной, рельефной, прямой и честной, с удивительным звуковым обликом южного говора — с неповторимой певучестью, вокализмом и фрикативным произношением фонемы [г]. У писателя был бархатный голос баритонального тембра, и мне подумалось, что, наверное, Александр Матвеевич мог бы красиво петь... Прошло чуть более десяти лет, и мне привелось работать с дочерью писателя Анной Александровной Пономарёвой и с его вдовой Фаиной Ивановной Грачёвой...

В начале 1980-х годов были живы писатели и журналисты, которые лично знали А. М. Грачёва и могли многое рассказать о нём, и все они говорили об Александре Матвеевиче с большим уважением, отмечая, помимо его неоспоримого таланта и поразительной работоспособности, редкие душевные качества — добропорядочность, простоту и сердечность. В письме к Ф. И. Грачёвой писатель Р. К. Агишев признавался: «Для меня он так и остался Шурой Грачёвым, "бедовым", вечно ищущим и беспокойным парнем, верным и честнейшим другом» [1, л. 2–3].

Мы не ставим перед собой задачи многоаспектного исследования творчества А. М. Грачёва, посвятившего свои книги разнообразным темам: строительству индустриального центра Дальнего Востока — Комсомольска-на-Амуре, Курильской операции, природе нашего края. В фондовом собрании Гродековского музея хранятся личные дневники писателя, которые он вёл на протяжении 40 лет. Они позволяют с научной достоверностью говорить о мотивах творчества писателя, остававшегося до конца своих дней романтиком и поэтом.

В дневниках А. М. Грачёва немало жемчужин, и мудрые слова высказаны писателем просто, безыскусно, без назидательности: «20 января 1959 г., вторник, заимка.

В литературном творчестве одно из главных — найти тот вариант положения или действия из бесконечного множества вариантов, который бы лучшим, а, может быть, и наилучшим образом раскрывал задуманную тобой идею. Тут же действует чутьё... Чутьё, по-видимому, и есть одно из главных слагаемых писательского таланта» [12, л. 20].

«30.07.1965 г. Люди — как книги. Есть интересные, есть серые, есть просто пустые. С иным человеком, как с иной книгой, не хотелось бы расставаться. В ином человеке, как в иной книге, скоро начинаются повторы. Скоро они надоедают и становятся скучными. Интерес к ним пропадает» [12, л. 17 (об.)].

«26.07.1965 г. Цена любви — любовь, цена жизни — борьба, цена победы — сила и творчество. Без любви нет любви, без борьбы нет победы и творчества, без цели нет ничего». «Некрасивые счастливы, а счастливые красивы...» [13, л. 17 (об.)].

Дневники А. М. Грачёва имеют несомненный интерес и со временем могут быть изданы. Хотя бы фрагментарно прочтём их.

Дневниковые записи Александра Матвеевича впервые популяризировал его сын Л. А. Грачёв, заслуженный врач РФ, почётный житель Петропавловска-Камчатского, депутат краевого парламента, публицист и поэт, автор книги «С мячом, мандатом и скальпелем» [16].

Известно, что А. М. Грачёв был земляком известного советского писателя М. А. Шолохова. Леонид Грачёв писал о первых литературных опытах отца: «"Осмелел, возомнил себя настоящим поэтом и, собрав всё лучшее, что написал, посетил своего знаменитого земляка, автора "Тихого Дона" Михаила Александровича Шолохова", — вспоминал отец. Ещё во время обучения в школе крестьянской молодёжи ему было поручено шефство над матерью писателя Анастасией Даниловной. Александр чистил хлев, колол дрова, разгребал снег, а в свободное время ему было разрешено посещать домашнюю библиотеку Шолоховых и наслаждаться чтением» [16, с. 10].

Леонид Грачёв писал в книге о том, что, «...прочитав подаренную отцом "Тайну Красного озера", Шолохов положительно отозвался о ней и рекомендовал продолжить литературную деятельность» [16, с. 21].

В дневнике 1948 года Александр Матвеевич писал: «Немногим более 15 лет назад я один с рюкзаком и маленьким баулом 20-летним юнцом, охваченный романтикой, приехал на Дальний Восток. С первых же дней я полюбил этот романтический край до безумия, а тайгу — до галлюцинаций. И талантливо, и умно. Позднее я познал и полюбил суровые моря Дальнего Востока, Камчатку, Курильские острова. Ни капельки не фальшивя, я должен сказать, что любовь ко всему, что я увидел за 15 лет на Дальнем Востоке, не только не угасла, но ещё более обострилась... по-прежнему душа моя полна романтики» [5, л. 25 (об.)].

В дневниках, датированных 1932–1972 годами, Александр Матвеевич был искренен и самокритичен. В 1948 году, когда уже вышла в свет повесть «Тайна Красного озера», которую, к слову сказать, похвалил Р. И. Фраерман («...книга написана талантливым, знающим натуру писателем» [Цит. по: 5]), Александр Матвеевич оценивал себя чрезмерно строго: «Я до сих пор остаюсь деревенским вахлаком, с неграмотной речью, дилетантом в вопросах культуры» [5, л. 59].

Высокую оценку книге «Тайна Красного озера» дал и Вс. Н. Иванов: «Должен Вам сказать, что за многие, многие годы не видел я книжки такого напряжённого интереса, такого сильного движения темы. Много наших товарищей-дальневосточников ходят, как волки, по следу В. К. Арсеньева, но с гораздо меньшим успехом, и мне было очень весело и радостно увидеть, как Вы идёте Вашим собственным путём... И талантливо, и умно, и благородно, и полно личной свободы и достоинства. Хорошо» [Цит. по: 9, л. 118, 119].

По дневниковым записям мы можем судить о богатой внутренней жизни А. М. Грачёва, смотреть на мир его глазами, чувствовать аромат невозвратимо ушедшего времени, который, как по феномену Марселя Пруста, пробуждает свои воспоминания. Дневники А. М. Грачёва не просто разговор с собой: в заметках, названных автором «записями для себя», писатель разрабатывал творческие идеи, структуру новых произведений, систему образов. В тетрадях и блокнотах — душа Александра Матвеевича с его мучительными переживаниями, сомнениями, колебаниями.

Ещё в отрочестве Александр мечтал стать писателем. Он признавался: «О литературной работе я думал с 13 лет, потому что книги любил, как нечто небесное, а писателей считал богами» [4, л. 3 (об.)].

В том же дневнике автор писал: «Я готов на что угодно, только бы писательский труд стал моей профессией... Здесь моя стихия, любовь, преданность, величие жизни, её грозы, водовороты и идиллии» [4, л. 20].

Ещё раньше, в дневнике 1932—1935 годов, А. М. Грачёв писал: «[Литература] — это последнее, на чём остановила свой выбор моя бродячая душа-непоседа» [2, л. 29].

На протяжении всего времени А. М. Грачёв был верен принципу «ни дня без строчки», работал, не ожидая творческого озарения, и выработал в себе организованность и дисциплину. Поражает работоспособность писателя, которая особенно проявлялась у него, когда он жил в уединении, среди природы.

Уже зрелым писателем А. М. Грачёв признавался: «Для моей натуры более характерна именно внутренняя организованность. Ей я обязан тем, что из полуграмотного парня сделался писателем, книги которого почти достигли миллионного тиража» [13, л. 1 (об.)].

С первых лет ведения дневника проявилась работоспособность А. М. Грачёва и строгая самодисциплина:

«За последнее время по-настоящему приковал себя к столу. Распорядок дня у меня таков: в 4-5 часов прихожу с работы и ложусь спать, сплю до 8 часов. Так, не вылезая, работаю до 3-4 часов ночи. Замечательно! В результате такого распорядка и приучивания себя к усидчивости — сейчас заканчиваю сценарий "Сердце дебрей"» [3, л. 17].

В дневнике 1938 года есть такая запись: «Хочется работать, работать, работать. Такая жажда, столько пленительных мыслей, столько желаний и стремлений, что не хватает суток и на половину...» [4, л. 28 (об.)].

Уже известный писатель, А. М. Грачёв не изменил своего отношения к источнику творческого вдохновения — повседневному труду. Вот запись за 20 октября 1954 года: «На даче я работаю, как вол. Сажусь в восемь утра, работаю до трёх часов дня, потом три часа отдыха (ловлю удочками рыбу)... затем ужин и с семи до десяти вечера снова работаю. С 10 вечера до 6-7 утра сплю» [10, л. 32].

Летом 1954 года А. М. Грачёв купил дачу, заимку, которая стала местом творческой работы его и писателя Вс. Н. Иванова. В дневнике Александра Матвеевича есть такая запись: «За эти же три месяца произошло и ещё одно событие — я купил себе "дачу" — дом, летнюю кухоньку и баню на берегу Уссури, неподалёку от хребта Хехцир, в 10 км от китайской границы, в 40 км от Хабаровска и в двух километрах от села Осиновая Речка» [10, л. 24].

О печальной судьбе заимки рассказывал Леонид Грачёв: «История первой заимки закончилась печально — летом 1956 года обильнейшее наводнение затопило нашу дачу по самые окна. Волны Уссури гуляли по хате. К тому же разыгрался шторм с ураганным ветром и проливным дождём, который вызвал оползни по всему правому берегу от села Корсакова до пограничного Казакевичева» [16, с. 42].

На следующий год был построен новый дом. Леонид Грачёв вспоминал: «Побывал у нас Михаил Шолохов, остановившийся в Хабаровске по пути в Японию. Ночевали на сеновале известные чешские путешественники, будущие диссиденты Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка. Гостили многие писатели и поэты — Римма Казакова, Григорий Поженян, Виктор Соломатов, Степан Смоляков, Павел Халов, Анатолий Вахов, Дмитрий Нагишкин. Речной трамвайчик "Берилл" причаливал к берегу недалеко от дома, выгружая очередных гостей. Мама спрашивала меня: "Лёнька, сколько людей спускается по трапу?" — "Трое". И мама добавляла в кипящую уху ещё три кружки воды. Официальной остановки здесь не было, но со временем наше "поместье" стало называться Грачёвкой» [16, с. 45].

В 1960-е — 1970-е годы на Дальнем Востоке, в Хабаровском крае, ежегодно проходили дни литературы, и в наш край приезжали известные советские писатели. Побывал у нас и белорусский поэт, переводчик, фольклорист, литературовед

Нил Гилевич. Посетив дачу Грачёвых, он написал стихотворение «Уссурийская юшка» (перевод Ю. А. Шестаковой):

На Уссури, на даче
Писателя Грачёва
Был им самим назначен
Час утренний улова <...>
И коль сказать по правде,
Душа от счастья пела!
Уха была на славу,
Но не в ухе же дело!
А в братстве том надёжном,
А в той любви, поверьте,
Какую невозможно
Забыть до самой смерти. [Цит. по: 15, л. 13]

И детям, и взрослым было привольно и отрадно на лоне природы. Но никому не приходило в голову, что писателю нужно работать. В дневнике за 1965—1968 годы автор с горечью пишет: «Заимка стала местом развлечения и паломничества всех — от семьи и челяди до моих друзей или просто знакомых. Моя доброта и любовь к людям, таким образом, оборачиваются против меня: каждый считает себя вправе явиться сюда тогда, когда ему вздумается» [13, л. 45 (об.)].

А. М. Грачёв спешил; творческие планы его были напряжённы, и он мечтал их осуществить. В дневнике от 5 октября 1956 года Александр Матвеевич писал: «Итак, день прошёл в полнейшем уединении, которого я так жаждал, чтобы работать в полную меру сил. Меня ничто не отвлекает от моих творческих мыслей и не отрывает от стола...» [6, л. 6 (об.)]. 24 октября того же года было записано: «Я снова в великолепном уединении на своей замечательной заимке» [6, л. 11].

В дневнике 1958 года есть такая запись: «Ах, до чего же хорошо я разработался в своём милом укромном уголке! Нет, давно я не писал так вдохновенно и счастливо, как в эти дни, во всяком случае, ещё ничего подобного не было со времени смерти Петечки¹» [13, л. 12].

Вдова Александра Матвеевича Фаина Ивановна вспоминала о том, что он целиком погружался в тему, изучая творчески воссоздаваемый предмет или процесс обстоятельно и детально, с профессионализмом учёного. Рабочий кабинет превращался в лабораторию или в библиотеку: писательский стол был заполнен специальной литературой, прочитанной весьма внимательно; необходимая информация была с большой аккуратностью отмечена в книгах закладками.

О радости творчества, о дальневосточной природе написано немало страниц дневника... Наслаждение, которое А. М. Грачёв получал, общаясь с «лесными жителями», проявилось не только в дневниках, но и в книгах писателя,

которые служили нравственности и были гимном любви к жизни. Ещё в середине 1930-х годов Александр Матвеевич задумал написать книгу «о дальневосточных зверях в лицах». В дневнике за 1932—1935 годы автор сделал такую запись: «Я хочу, чтобы каждый человек в природе видел не кусок пищи, а видел бы живую жизнь и относился бы к ней живой так, как он относится к человеку... В природе я вижу утешение, всю радость жизни, здоровой и светлой» [2, л. 15 (об.)].

Немало строк А. М. Грачёв посвятил Амуру и тайге. В дневнике 1932 года есть такая запись: «Сегодня утром мною овладела небывалая мальчишеская радость. Сегодня ушёл лёд на Амуре. Рано утром, как только заголубилось окно, я встал и решил пойти посмотреть на Амур, т. к. вчера вечером он очень шумел... На востоке, за Амуром, из-за сопок сквозь тучи показывается край багряного солнца. Весь восток пылает в оранжевых лучах, с фиолетовым оттенком... Неподвижный воздух был чист, свеж и приятной сладостью наполнил лёгкие... Так снял с себя зимнюю рубашку Амур» [2, л. 26 (об.)]. Эта запись была сделана, когда автору было 20 лет.

О тайге А. М. Грачёв писал так: «...никакое моё личное и общественное счастье несравнимо с тем счастьем, когда по осеннему лугу полз по отаве к озерку, на которое сели гуси, или когда утром просыпался в тайге, выходил из избушки и смотрел, вслушивался в жизнь тайги, любовался игрой утренних лучей солнца в могучих кронах деревьев, где свистели и пищали белки и птицы. Закрепи, останови эту минуту, утвердись в этом состоянии и начинай творить» [8, л. 8].

Осуществил свой творческий замысел написать книгу о природе А. М. Грачёв много позже: в 1962 году в Хабаровском книжном издательстве вышла его книга «Сторожка у Буруканских перекатов», а в 1970 году в Москве — повесть о природе «Лесные шорохи».

В последнем дневнике, начатом писателем в краевой больнице в 1970 году, есть такая запись: «Ничего так не люблю на свете, как дальневосточную природу со всем её содержимым, но особенно лес, тайгу-матушку. Она-то и привязала меня к краю. У меня такое чувство к тайге, будто это самый родной мой дом — красивый, тёплый, уютный, изобильный и верный» [14, л. 5 (об.)].

В июле 1970 года Грачёва выписали из больницы, и Александр Матвеевич жил на заимке. В том же дневнике есть такая запись: «Вечером того же дня наблюдал за весенним бурундуком, который слушал музыку — замирал, когда звучала музыка. Когда звучал человеческий голос, он занимался своими делами, скакал по веткам черёмухи» [14, л. 20].

А. М. Грачёв собирал фактический материал для будущей книги о дальневосточной природе. В том же дневнике он записал: «...буду сидеть на Тополёвой рёлке. Думаю снять там из гнезда воронёнка и коршунёнка и буду воспитывать их на глазах родителей. Возможно, и дикого голубёнка. По-

^{1 «}Петечка», Пётр— сын Грачёвых, погиб в 1957 г. После его смерти писатель испытывал «удручающее творческое бессилие» [11, л. 12].

смотрю, что получится, а потом всё это опишу в "Тополёвой рёлке"» [14, л. 20 (об.)].

В дневнике 1970 года Александр Матвеевич приводит списки птиц, рыб, земноводных Дальнего Востока с указанием особенностей их поведения («чайка спасает ворону») [7, л. 8 (об.)].

Любовь к природе, к дальневосточникам запечатлена на каждой странице дневника А. М. Грачёва. В тетради 1946–1948 годов писатель признавался: «Мне с каждым днём становится всё яснее, что я не смогу жить вне Дальнего Востока... Как мне милы и дороги его бескрайние сопки, покрытые дремучими дебрями, как бесконечно дорог мне привольный богатырь-красавец Амур, то тихий и спокойный под ярко-синим шатром глубокого величественного неба, то бурный и мятежный в бурю. А тайга! Какая же она красавица по осени, когда в тиши шелестят печально и задумчиво опадающие оранжевые листья клёна, когда в утренний час золотистого сияния от оранжевого убора стоит в ней неумолчный гомон пернатого и пушного царства, когда тяжело свисают гроздья дикого винограда, лимонника, актинидии, ореха, дикой смородины. А величественная Камчатка! Нет! Видно, не уйти мне из плена прелести этого края...» [5, л. 40 (об.)].

Однако почти до конца жизни Александра Матвеевича манила донская степь с алыми маками, карликовыми ирисами, розовым кипреем, с фиолетовой сон-травой — таинственный сад страны его детства. Время от времени писатель с большой семьёй уезжал в тот сказочный для него край, но при этом неизменно возвращался на Дальний Восток.

Александр Матвеевич, по воспоминаниям Леонида Грачёва, «всё время был в дороге: после Комсомольска-на-

Амуре — возвращение на Дон, с 1943 по 1946 год — Камчатка, с 1946 по 1947 год — снова попытка прижиться на Дону, с 1947 по 1952 год — Южно-Сахалинск, с 1952 по 1954 год — Сталинград, с 1954 по 1973 год — Хабаровск...» [16, с. 23].

Грачёв всегда мечтал «заглянуть за горизонт», но сердце его принадлежало Дальнему Востоку. Писатель понял это окончательно, когда решил переехать в Волгоград. В последнем дневнике 1970—1972 годов 30 июля 1970 года А. М. Грачёв записал: «Летом получил оттуда (из Волгограда. — Н. Г.) из писательской организации письмо с предложением квартиры. А я давно собирался туда, вёл переговоры. <...> Но вот, в декабре, письмо — выезжай, получай ключи от квартиры на три комнаты. Выехал, но из Москвы вернулся — почувствовал, что сморозил глупость, не смог оторваться от родного Амура и тайги. Эта блажь обошлась мне в 400 рублей, а ещё — бездну смеха семьи и друзей. Сейчас понял, что с Дальнего Востока — никуда!» [14, л. 20].

В повести «Женьшень», написанной после командировки на Дальний Восток в 1931 году, Михаил Пришвин высказал мысль о том, что «не там родина,.. где ты просто родился, а там, где ты к месту своего рождения прибавил ещё что-нибудь от себя» [17, с. 22].

А. М. Грачёв прожил на Дальнем Востоке более 40 лет и каждой строчкой своих книг прославлял наш край, его природу, возвеличивал труд и ратный подвиг дальневосточников во время Курильской операции. Писатель «прибавил от себя» каждому, кто знаком с его творчеством, деятельную любовь к жизни, глубокое уважение ко всем её проявлениям и гриновскую мысль о том, что «чудеса делаются своими руками».

Список использованных источников

- 1. Агишев, Р. К. Письмо Грачёвой Ф. И. от 18.01.1983 / Р. К. Агишев // Хабаровский краеведческий музей (ХКМ). Ф. 52. О. 31. Д. 62. Л. 2–3.
- 2. Грачёв, А. М. Дневник 1932–1935 гг. / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/2.
- 3. Грачёв, А. М. Дневник 7.10.1935–13.04.1938 / А. М. Грачёв // XKM. Ф. 52. О. 31. Д. 19.
- 4. Грачёв, А. М. Дневник. Записи для себя. 1935–1938 гг. / А. М. Грачёв // ХКМ. Ф. 52. О. 31. Д. 20.
- 5. Грачёв, А. М. Дневник. 15.12.1946—28.02.1948 / А. М. Грачёв // XKM. Ф. 52. О. 31. Д. 22.
- 6. Грачёв, А. М. Дневник. 29.09.1956–27.03.1957 / А. М. Грачёв // XKM. Ф. 52. О. 31. Д. 23.
- 7. Грачёв, А. М. Записная книжка 1970 г. / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 10104/15.
- 8. Грачёв, А. М. Дневник. Записи для себя / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/5.

- 9. Грачёв, А. М. Дневник. 1948–1953 гг. / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/7.
- 10. Грачёв, А. М. Дневник. Записи для себя / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/8.
- 11. Грачёв, А. М. Записная книжка. Записи для себя / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/11.
- 12. Грачёв, А. М. Записная книжка. Записи для себя / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/12.
- 13. Грачёв, А. М. Дневник. Записи для себя / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/15.
- 14. Грачёв, А. М. Дневник 1970–1972 гг. Записи для себя / А. М. Грачёв // ХКМ. КП 13873/17.
- 15. Грачёв, А. М. Дневник / А. М. Грачёв // ХКМ. Ф. 52. О. 31. Д. 62.
- 16. Грачёв, Л. А. С мячом, мандатом и скальпелем / Л. А. Грачёв. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2018. 286 с.
- 17. Пришвин, М. М. Женьшень / М. М. Пришвин. Хабаровск : Кн. изд-во. 1987. — 104 с.

Материал поступил в редакцию 17.03.2022.

Сведения об авторе: Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: suerte.09@mail.ru; тел. 8-909-806-67-06.

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

В статье на основе архивных документов приводятся факты из биографии известного дальневосточного писателя А. М. Грачёва (1912–1973 гг.), публикуется рукопись писательницы Ю. А. Шестаковой (1914–2002 гг.) «Открытые горизонты…» о творческой судьбе автора «Первой просеки», хранящаяся в Государственном архиве Хабаровского края, в фонде личного происхождения.

Ключевые слова: Комсомольск-на-Амуре, школа, газета «Амурский ударник», директор моторно-рыболовецкой артели, личное дело, партработа, собственный корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда».

Keywords: Komsomolsk-on-Amur, school, "Amurskii udarnik" newspaper, director of the motor and fishing artel, personal card, party work, own correspondent for the "Tihookeanskaya Zvezda" newspaper.

-е годы XX века, годы масштабного строительства на Дальнем Востоке, оставили потомкам не только заводы, фабрики и целые города, но и замечательную плеяду писателей, художников. сценаристов и кинорежиссёров. Среди тех, кто прославил труд первостроителей города Комсомольска-на-Амуре, был писатель Александр Матвеевич Грачёв (1912–1973 гг.). Его роман «Первая просека», изданный в 1965 году, хорошо был известен советским читателям. Книга не залёживалась на библиотечных полках и в книжных магазинах. «Первый удар топора... Как будто это просто: ударил — и все. А между тем надо бы памятник поставить тому, кто это сделал первым, писал Александр Грачев, — нелегок был труд корчевщиков тайги. Так бы и запечатлеть в мраморе или бронзе фигуру паренька в косоворотке или юнгштурмовке, в лихо сбитой на затылок кепке, и над ней стремительно занесенный вверх простой русский топор — творец бесчисленных деревень и крепостей, посадов и городов земли русской. Надо бы! Да только никогда не узнаешь, кто тот паренек, нанесший первый удар там, где легла первая просека и где суждено было вознестись городу» [4, с. 48].

И действительно, ни одна книга не сможет вместить все исторические свидетельства о героическом прошлом города, овеянного славой буквально с первого палаточного колышка, вбитого первостроителями. Замысел «Первой просеки» А. М. Грачёв вынашивал многие годы. Роман создавался 30 лет. Писателю удалось нарисовать правдивую картину взаимоотношений таких разных людей, которые приезжали на строительство города, показать их характеры в довольно острых жизненных ситуациях. Он нарисовал яркие картины комсомольской стройки и лично создал памятник первым строителям города. Такие реалистические произведения, которыми славились многие писатели советской эпохи, можно было создать, только побывав в самом эпицентре великих событий.

Двадцатилетним юношей приехал Александр Грачёв на Дальний Восток, на великую стройку и остался здесь до конца своих дней.

Писатель-дальневосточник Александр Матвеевич Грачёв родился на хуторе Меркуловском Базковского района Ростовской области (бывшая область войска Донского) 23 июня 1912 года [2]. Детство и юность провёл в бедняцкой казачьей семье. Зимой он учился, а летом батрачил у кулаков. В 14 лет вступил в комсомол. В 1929 году поступил на педагогические курсы, которые окончил в 1930-м. В этом же году добровольцем ушёл в Рабоче-крестьянскую Красную армию, после прохождения курсов усовершенствования командного состава в Новочеркасской кавалерийской школе получил воинское звание — младший лейтенант. В августе

1932 года демобилизовался и решил ехать на Дальний Восток, в г. Хабаровск, где собирался учиться в медицинском институте. «Однако, проучившись два месяца, вынужден был уйти из-за материального положения», — так написал в своей автобиографии будущий писатель. По направлению краевого отдела народного образования в конце октября 1932 года он приехал в г. Комсомольск-на-Амуре и начал работать в качестве заведующего семилетней фабрично-заводской школой.

В г. Комсомольске-на-Амуре, такое название город получил 10 декабря 1932 года, стали появляться объекты социально-культурного назначения, открылась и своя газета. В 1934 году Александр Грачёв стал сотрудником в газете «Амурский ударник» [1], где проработал до 1940 года заведующим отделом информации, сельскохозяйственным отделом, принимал непосредственное участие в издании первой книги «Комсомольск», где были напечатаны три его публикации. 21 июня 1939 года А. М. Грачёв был зачислен на должность специального корреспондента газеты «Тихоокеанская звезда» по г. Комсомольску-на-Амуре. Личное дело Александра Матвеевича Грачёва, сотрудника газеты, сохранилось в Государственном архиве Хабаровского края, в фонде редакции «Тихоокеанская звезда» (Ф. Р-1745) [6].

Эти факты биографии будущего писателя известны многим и растиражированы в журналах и статьях. Но в архивных документах всегда найдётся что-то интересное и неизвестное. В фонде Хабаровского крайкома ВКП(б) (Ф. П-35. Оп. 14) хранится 12 123 ед. хр. за 1939-1946 годы. Среди личных дел номенклатурных работников крайкома ВКП(б) есть и личное дело Александра Матвеевича Грачёва [7]. В деле подшиты две характеристики, совершенно отличные друг от друга, но касаются они деятельности Грачёва на сельскохозяйственной ниве. В 1940 году по семейным обстоятельствам Александр Матвеевич переехал в сельскую местность, в село Нижне-Тамбовское¹ Комсомольского сельского района, и был назначен директором моторно-рыболовецкой артели. Первая характеристика подписана секретарём Комсомольского райкома ВКП(б) Калугиным, где сказано, что «за время работы директором МРС сентябрь-октябрь месяцы тов. Грачев проявил себя с положительной стороны, как способный руководитель, сумевший неплохо организовать рыбаков на выполнение годового плана добычи рыбы». И рекомендация о назначении Грачёва директором моторно-рыболовецкой станции. Вторая, служебная, характеристика уже на директора А. М. Грачёва, подписанная и. о. начальника главамуррыбпрома Зысыпкиным: «С рыбной промышленностью совершенно не знаком, колхозной системы также не знает. Опыта административно-хозяйственной работы не имеет, в результате чего с функциями директора не справляется, лично ставит вопрос об освобождении». 2 августа 1941 года Грачёв был освобождён от должности директора моторно-рыболовецкой станции и назначен на должность заведующего отделом пропаганды и агитации Комсомольского сельского райкома ВКП(б). В «Срочном сообщении № 1 об освобождении, снятии работника с номенклатурной должности или перемещении с одной номенклатурной должности на другую», направляемом в управление кадров ЦК ВКП(б), было указано, что Александр Матвеевич Грачёв освобождён от должности «в связи с переводом на партработу». В самом начале Великой Отечественной войны, как никогда, была необходима агитационная работа, направленная на оказание повсеместной помощи тыла фронту. За эту работу А. М. Грачёв взялся по-коммунистически: в сёлах Вознесеновском, Нижне-Тамбовском, Нижне-Ильинском² и Нижних Халбах им были организованы агитпункты, где он проводил агитацию по сбору средств в фонд обороны, сбору тёплой одежды, картофеля, мяса, рыбы и других сельскохозяйственных продуктов [7]. Несколько месяцев в

этой же должности он проработал и в районе имени Лазо. А уже 15 марта 1943 года А. М. Грачёв оставил автограф на документе, в соответствии с которым он направлялся в распоряжение отделения ТАСС корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда» по Камчатской области. В период войны с Японией Александр Матвеевич Грачёв участвовал в высадке десанта на Курильские острова. Это событие легло в основу повести «Падение Тисима-Ретто» (1956 г.). Позже им были написаны книги «Сквозь мартовские снега» (1973 г.), «Лесные шорохи» (1970 г.) [3], «Путешествие в край юности» (1974 г.).

В Государственном архиве Хабаровского края, в фонде личного происхождения Юлии Алексеевны Шестаковой (1914—2002 гг.), известной дальневосточной писательницы, переводчицы, заслуженного работника культуры РСФСР (Р-2101), хранятся статьи и воспоминания о многих дальневосточных писателях, художниках, журналистах, с кем приходилось встречаться и работать в пору её творческой деятельности. С Александром Грачёвым она была знакома много лет. В архиве сохранилась её рукопись об А. М. Грачёве «Открытые горизонты…»³ [8] (см. Приложение).

Приложение.

Ю. А. Шестакова об А. М. Грачёве.

Открытые горизонты...⁴

В романе⁵ «Первая просека» есть интересный образ молодого строителя Захара Жернакова. Это бывший воспитанник кавалерийской школы, приехавший из Новочеркасска по путёвке комсомола строить новый город на Амуре. Дальний Восток для него — земля неизведанная... Он впервые видит тайгу, нетронутые лесные дебри Уссурийского края⁶, о которых прежде знал только по книгам русских путешественников⁷. Никогда не видел тополей⁸ в три обхвата, могучие кедры, гибкие лианы, вьющиеся по стволам елей, — а тут вот

они⁹ рядом. Ошеломлённый¹⁰ красотой тайги, величием Амура, житель донских степей испытывает попеременно то чувство робости, то восторга.

Так часто бывает с теми, кто впервые ступит на дальневосточную землю. Чувство естественное. Оно уже давно перестало быть открытием для литературы, мы с ним встречались не раз. И в романе «Первая просека» многие персонажи, так или иначе, отзовутся на необычность и своеобразие дальневосточной природы¹¹. Но Захара Жернакова — одного из главных героев этого произведения — автор наделил особой чуткостью к ней, увлечением¹², перерастающим в любовь.

С самых первых глав романа, как только Захар появился на стройке вместе с целой ратью незнакомых ему ребят и девушек, которые позднее составят дружный рабочий коллектив, мы узнаем, что наряду с людскими судьбами

² Скорее всего, речь идёт о с. Новоильиновке Комсомольского района.

³ Это машинописная рукопись с чернильными правками автора, без даты. Можно лишь предполагать (по косвенным фактам, упоминаемым в рукописи), что это был 1989 г.

⁴ К сожалению, не удалось установить, была ли данная рукопись опубликована где-либо ранее.

⁵ Имя и отчество Александра Грачёва зачёркнуты.

⁶ Словосочетание «Уссурийского края» написаны чернилами над строкой.

⁷ Словосочетание «русских путешественников» написано чернилами над строкой, зачёркнута фамилия Арсеньева.

⁸ Слова «Никогда не видел тополей» написаны чернилами над строкой, зачёркнуто слово «тополя».

⁹ Слова «а тут вот они» написаны чернилами над строкой, зачёркнуто словосочетание «а теперь всё это рядом».

¹⁰ Зачеркнуто слово «сказочной».

¹¹ Словосочетание «дальневосточной природы» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «тайги».

¹² Фраза «к ней» и слово «увлечением» написаны чернилами над строкой, после слова «увлечением» зачёркнута фраза «к природе, глубоким интересом ней».

«волнующей загадкой вошла в его душевный мир тайга», она захватила его воображение настолько, что он постоянно думал о ней 13 , «как о чём-то живом, удивительном» 14 .

Оглядевшись со временем, Захар Жернаков поймёт и, помимо красоты, ощутит необузданную, дикую силу тайги. Ему ещё придётся пережить немало трудностей, пока сквозь таёжную глухомань прорубается первая просека; будут у него и разочарования, и ошибки. Но душевная привязанность к новой земле останется неизменной. Этому чувству суждено ещё окрепнуть.

Не так ли зарождалась любовь к Дальнему Востоку, к его природе и людям у самого автора? Ведь он тоже стро-ил Комсомольск. Осенью 1932 года старенький пароход «Колумб», ходивший в то время по Амуру, доставил в село Пермское очередную партию строителей, среди которых был и Александр Грачёв, только что окончивший кавалерийские курсы в Новочеркасске. Он давно мечтал побывать в дальневосточной тайге, так красочно описанной в книгах Арсеньева, Пришвина, Фадеева. Романтика? Да.

Но действительность оказалась куда сложнее, суровее, чем это рисовало воображение. Жить пришлось в невероятно трудных условиях. Опасная работа на сплаве, строительство землянок, скудный обед из общего котла, нехватка оборудования, инструментов, жилья — и при всём при этом, высокая требовательность к себе и своим товарищам — вот что стояло за романтикой освоения тайги и о чём, вероятно, не предполагал бывший кавалерист, отправляясь в далёкий путь с эшелоном мобилизованных на строительство комсомольцев.

Несмотря на свою молодость, Грачёв был достаточно закалённым. Жизнь его никогда не баловала. К тому же, все эти трудности скрашивало сознание долга перед Родиной, и то, что рядом — товарищи, большой коллектив прибывших «со всего света» комсомольцев, и то, что новостройка на Амуре, о которой знала вся страна как труд «на миру», была почётным и важным делом. И ещё: дальневосточная природа с лихвой платила своими красотами за всё, что осталось там, на родине, в донских степях, где впервые ещё не осознанно рука будущего писателя потянулась к бумаге...

Не будем устанавливать родство между автором и героем произведения. Конечно, автобиографический элемент в «Первой просеке» присутствует¹⁵. Но дело не в этом. Хочется проследить, как формировалась писательская судьба Александра Грачёва и какое значение для него имела поездка на Дальний Восток.

У каждого из нас есть на земле своя заветная сторонка, с которой связаны дорогие сердцу воспоминания и образы. Александр Матвеевич Грачёв вырос на Дону, вблизи станицы Вёшенская. Долгие годы после того, как он уехал оттуда, на хуторе Меркуловском ещё сохранялась крытая соломой хата — курень, где прошли детские годы и отрочество Саши Грачёва.

Отец его, Матвей Акимович, — донской казак, в девятнадцатом году пошёл воевать за советскую власть, а вернувшись домой через год, заболел и умер от тифа. Мать — бывшая горничная, латышка из бедной семьи, вынуждена была одна воспитывать детей. Их было четверо. В белой избушке под соломенной крышей много было и слёз, и нужды. Учиться оказалось не так просто: ещё на всём лежали следы пережитой войны, разрухи, к тому же старые нравы станичных казаков передавались их детям, в столкновениях со своими сверстниками Саша Грачёв всё чаще слышал обидное прозвище «латышонок» и, замыкаясь, уходил в себя. Он рос впечатлительным, ко всему присматривался. Его постоянно манило в степь или на берег Дона. Рыбалка, удочки, вольный простор... Там можно было на время забыть все обиды и горести. Жалел, что не стало отца. С ним были связаны особые воспоминания, как видно, окрылявшие писателя всю жизнь...

Тут придётся сделать небольшое отступление. Около года назад, в связи с тем, что я начала работать над книгой «Близкое, далёкое» 16, в которой будут представлены литературные портреты писателей-дальневосточников, художественные биографии тех, кого уже нет среди нас, и мои воспоминания о товарищах 17, я попросила вдову писателя Фаину Ивановну показать его архив. Она весьма охотно отозвалась на мою просьбу, предложила посмотреть дневники, записные книжки, подобрала целую пачку его писем, зная, что они могут представить общественный интерес.

Александр Матвеевич был человек организованный и предусмотрительный. Смолоду он приучил себя к строгому режиму за письменным столом. Книги, которые он написал, были заранее им спланированы и обдуманы. Его собратья по перу знали, вообще-то, когда Грачёв загорался новой темой, он не скрывал, о чём собирается писать, вот только ещё раз съездит на место событий, к будущим своим героям, и примется за работу.

Мало кто помнит эти заявки Грачёва. А ведь он их выполнял в подавляющем большинстве случаев. Начиная

¹³ Словосочетание «о ней» написано от руки над строкой. Зачёркнуто словосочетание «о тайге».

¹⁴ Далее зачёркнута фраза «находящемся рядом с ней».

¹⁵ Слово «присутствует» написано от руки над строкой, зачёркнута фраза «одна из особенностей этого романа».

¹⁶ Видимо, речь идёт о книге, которую Юлия Алексеевна Шестакова готовила в последние годы своей жизни. «Она мечтала опубликовать на её страницах самое сокровенное и важное, соединить воедино рассказы, созданные в молодости, и вещи, написанные совсем недавно. Книга должна была подвести черту в творчестве писательницы. Она должна была стать "последней". И Юлия Алексеевна это знала» [5].

¹⁷ Далее зачёркнута фраза «в том числе и об Александре Грачёве».

с «Тайны Красного озера», — самой первой и, может быть, лучшей приключенческой повести из всех созданных у нас на Дальнем Востоке. Хотя работал он над ней урывками — шла война. Приходилось откладывать рукопись в сторону, дописывал потом...

Надо сказать, что интересные замыслы навещали его часто, недостатка в них он не испытывал. Но, к сожалению, далеко не все их смог осуществить. Не успел, просто не успел... Отвлекался на подёнщину, писал очерки в газету, выступал на радио. Надо было зарабатывать на хлеб не все их смог обило зарабатывать на хлеб не повой, начатой им повести, о которой он думал в последние годы: «Хождение за горизонт». Была уже набросана первая глава, и план был составлен вкратце. Произведение автобиографическое, о детстве и юности, на документальной основе. И, наверное, оно обещало что-то значительное в художественном отношении, судя по началу. Тут видны истоки личности писателя, его характера. Вот эти строки:

«Пожалуй, самое удивительное зрелище, которое открывается человеку, когда он начинает осознавать себя в окружающем мире, — это горизонт. Самая большая загадка. Самая манящая граница. Самая увлекательная черта, линия, отделяющая небо от земли. Го-ри-зонт... А что за ним?

Впервые я открыл его для себя в движении. До этого он стоял на месте, как что-то привычное и не вызывал особого интереса. Ну, что можно увидеть из хуторского двора или с пустоши — сельского плаца, где обучали военному делу молодых казаков? И даже с окраин хутора, откуда начинается степь? Волнистая линия бугров, балок, а за ней — падающее вниз небо.

Но однажды... Что-то произошло с моим отцом в тот день, не знаю. Может быть, он поссорился с кем-нибудь, а может решил "размять" своего застоявшегося строевого коня. Когда он успел подседлать нашего рысака, я не заметил, так как был занят котенком. Крутил вокруг себя веревочку с "грузилом" на конце — фарфоровой крышкой от разбитого чайника, — а котенок резвый²⁰ пуховичок — стремительно гнался за ней.

И вдруг... Что это? Что такое? Отец прямо с налету подхватил меня подмышки и кинул впереди себя на седло. Так только вихрь может подхватывать! Радость — не то слово, которым можно изобразить мое тогдашнее состояние. Счастье — вот что! Ошеломляющий восторг! — Я впервые оказался в заповедном для меня седле. И конь подо мной. А вокруг — сияние всего белого света! Захлебываюсь от ветра, бьющего в лицо. Крепкая отцовская рука обхватила

меня поперек тела, как обруч, прижала к надежной груди. Все во мне ликует от бешенного стука конских копыт внизу.

Это был головокружительный полет. Не на веревочных качелях, как бывало до сих пор, а полет к горизонту, который качался, прыгал и угрожающе стремительно приближался. Я не заметил, как мы проскочили окраину хутора, потому что смотрел на ветряки, махавшие крыльями на бугре, и очень боялся, что мы с отцом разобьемся о них».

Так начинал он, спустя много лет, выношенную в сердце повесть о детстве и юности. Я прочла начало первой главы «Отец». Других не последовало. Осуществить свой замысел Грачёву не довелось. Как видно, его захватили тогда иные планы, какие-то неотложные²¹ дела, и эта начатая вещь всё отходила на дальний план, всё ждала своей очереди, да так и не дождалась...

Очерковую документальную книгу об Александре Грачёве написал потом его товарищ из первостроителей Комсомольска-на-Амуре Геннадий Хлебников — известный у нас в крае журналист и писатель. Он взял для неё то же название, то есть «Хождение за горизонт». Повесть вышла в Хабаровском книжном издательстве в прошлом году²². Её отметили положительные отзывы читателей²³. Она интересна. В ней прослеживается хронологически весь жизненный путь Грачёва, дана литературная биография с самых первых публикаций, очерков, рассказов до большого романа. Использован так же эпистолярный материал и дневниковые записи. Одним словом, книжка полезная, и она удалась.

И всё-таки много можно было ещё сказать об Александре Матвеевиче!²⁴ О его трудолюбии, например, и упорстве, с каким он умел осуществлять свои литературные замыслы. Несмотря ни на что: преследовали ли его материальные трудности, или мешала загруженность общественной работой, срывалась ли у него творческая командировка, или кто-то несправедливо раскритиковал его рукопись, — Грачёв никогда не впадал в уныние. Такое состояние попросту было чуждо ему. В нём жила огромная сила преодоления всяческих невзгод. Волевой, целеустремлённый характер! И при всём этом — мягкость и доброта к людям.

Характер этот выковывался с детства. Может быть, четырёхклассной сельской школой и закончилось бы образование Саши, но он хотел учиться дальше и настоял

¹⁸ Далее зачёркнута фраза «Слишком часто».

¹⁹ Предложение «Надо было зарабатывать на хлеб» написано от руки.

²⁰ Слово «резвый» написано чернилами над строкой.

²¹ Фраза «тогда иные, какие-то неотложные» написана чернилами над строкой, зачёркнуто слово «другие».

²² Хлебников, Г. Н. Хождение за горизонт : худож.-докум. повесть [об А. М. Грачёве] / Г. Н. Хлебников. — Хабаровск: кн. изд-во, 1988. — 175 с.

²³ Фраза «отметили положительные отзывы читателей» написана чернилами над строкой, зачёркнута фраза «читают и хвалят».

²⁴ Слова «и всё-таки» и «можно» написаны чернилами над строкой; предложение «Но вот что интересно!» и словосочетание «Я прочитала её и подумала: как надо было бы» зачёркнуты.

на своём. В 1925 году тринадцатилетним подростком сероглазый «латышонок» в кожаных самодельных чириках с котомкой за плечами подался в станицу Мешковскую, где в то время уже открылась Школа крестьянской молодёжи. Там он вступил в комсомол. За два года ученья многое узнал, вырос, повзрослел. Спустя некоторое время его перевели в Каргинскую ШКМ.

Станица Каргинская... При упоминании о ней сразу возникают знакомые образы. В те годы по всей стране гремела слава «Тихого Дона». Шакаэмовцы знали, что напротив их общежития живёт мать писателя Шолохова. Часто в свободное время они прибегали к ней во двор²⁵, кололи дрова, носили воду. Особенно часто наведывался к ней Шура, как его называли родные и друзья²⁶.

Любовь к литературе всегда выделяла Грачёва среди его сверстников. Первые попытки творчества были навеяны стихами Пушкина и Некрасова ещё в ту пору, когда мальчишкой он подолгу просиживал с удочкой на берегу Дона. В ШаКаЭм у него появились заветные тетрадки. Нелегко давались стихи, но он упорно писал их, не оставляя смутной²⁷ надежды, что возможно²⁸ когда-нибудь они увидят свет... Наконец его стихи стали печатать в местной газете. Очевидно, что это и побудило юношу²⁹ обратиться однажды к Михаилу Александровичу Шолохову за советом³⁰.

С Шолоховым он встречался несколько раз. По прошествии многих лет Александр Матвеевич мог по-настоящему оценить значение этих встреч. Но тогда ещё наивный, неопытный юнец, он не понимал сложности писательского труда, и многое оставалось для него загадкой.

Первый раз он явился к Шолохову в 1929 году. Это была пора, когда на Дону и по всей стране в сельском хозяйстве происходили огромные перемены — шла коллективизация. В станице Вёшенской стоял новый курень Шолохова, обращённый окнами в палисадник. Там жила вся семья писателя, в том числе и мать. Она первая увидела во дворе знакомого юнца с тетрадками в руках:

— Ты чего, Шура? K кому ты? — спросила она, отворив двери.

Он едва осмелился подойти к крыльцу:

— Мне бы Михаила Александровича повидать...

День был майский, солнечный... Шолохов вышел на крыльцо в белой рубашке с открытым воротом, в простых брючках и сандалиях на босу ногу. Недолго длилась эта беседа, всего, быть может, полчаса, но, почитав тут же на

крыльце стихи молодого автора, Шолохов посоветовал ему непременно учиться, побольше читать классиков, овладеть литературной техникой, так как во всяком, даже самом простом ремесле, необходимо мастерство, а в литературе — тем более, дело это сложное.

Должно быть, на всю жизнь Грачёву запомнилось, как мягко, со смешинкой в глазах, но совершенно серьёзно Шолохов сказал:

— Прежде чем чеботарь чирики шьёт, он учится щетинку в дратву всучивать. Вот так-то, брат...

Не обиделся юноша на своего знаменитого земляка. Правда, с тех пор стихи пришлось отложить надолго, кажется, навсегда... Но мысль о том, чтобы стать писателем, основательно им завладела. Между тем жизнь открывала перед ним новые дороги. Сначала — армия, Новочеркасская кавалерийская школа, затем — поездка на Дальний Восток.

Перед тем, как он ушёл добровольцем в армию, Грачёв написал небольшую повесть «Побег», материалом для которой послужила история собственного бегства из дому. (Был такой случай, когда он, начитавшись Майн-Рида и Фенимора Купера, отправился с беспризорниками путешествовать в «жаркие страны», но попал в детдом и вскоре вернулся домой.) Повесть эту он принёс Шолохову с ещё большей робостью, чем стихи.

В тот год Михаил Александрович, отложив на время «Тихий Дон», работал над «Поднятой целиной», он был страшно занят, однако появление в дверях уже знакомого ему паренька на этот раз с более солидной рукописью заинтересовало его. Без лишних слов он взял повесть, пообещав прочесть. После недолгого ожидания молодой кавалерист, по-видимому, чутьём угадывая, что повесть его слаба и, пожалуй, не стоило отдавать её в таком виде на суд строжайшего своего учителя, поспешил к нему. Как он обрадовался, когда узнал, что Михаил Александрович не успел прочитать его творение! И хотя самого хозяина дома не было, жена его, Мария Петровна, с извинениями возвратила автору непрочитанную рукопись. Сказала при этом, что Шолохов уехал в Москву, там у него дела³¹. Грачёв был доволен, что случилось именно так.

С тех пор почти на целое десятилетие дороги увели его от станицы Вёшенской далеко на Восток. Конечно, живя на Дону, Александр Грачёв продолжал бы заниматься творчеством, рано или поздно достиг бы определённых успехов. Но на Дальнем Востоке процесс литературного роста шёл в те годы³² быстрее, новая обстановка со всеми её трудностями способствовала этому. Строительство Города юности было для Грачёва прекрасной школой. Он увидел рядом с

²⁵ Зачёркнуто словосочетание «по примеру тимуровцев».

²⁶ Словосочетание «родные и друзья» написано чернилами от руки.

²⁷ Слово «смутной» написано чернилами над строкой.

²⁸ Слово «возможно» написано чернилами над строкой.

²⁹ Слово «юношу» написано чернилами над строкой; имя и фамилия «Сашу Грачёва» зачёркнуты.

³⁰ Далее зачёркнуто словосочетание «и помощью».

³¹ Словосочетание «там у него дела» написано чернилами над строкой, далее зачёркнуто словосочетание «с Поднятой целиной». 32 Словосочетание «в те годы» написано чернилами над строкой.

собой столько новых, различных по своему характеру людей, узнал так много интересного об этом крае, да и сам настолько крепко привязался к нему душой, что это никак не могло пройти бесследно для его дарования. Но главное, я подчёркиваю, — это, опять-таки, упорство, с каким Грачёв добивался осуществления своих планов³³.

Мудрый совет Шолохова, его остроумное замечание относительно чеботаря и умения «щетинку в дратву всучивать», много раз вспоминалось ему³⁴, когда он серьёзно взялся за перо, чтобы написать свою первую настоящую повесть. Но до этого он ещё несколько раз поработает в газетах края, немало увидит, перечувствует, основательно закалится в походах по тайге, встретится с геологами и охотниками, поплавает по Амуру, будет добираться от одного нанайского стойбища к другому на лодке и пешком, как придётся. У него появятся друзья — местные художники, журналисты, а затем и писатели, с которыми он будет делиться своими литературными замыслами: Василий Ажаев, Николай Задорнов, Фёдор Куликов, Пётр Комаров... И слушать их, спорить и отстаивать свою точку зрения. И тянуться к ним всей душой³⁵. Дружба с ними открывала для него новые горизонты.

Мысль о том, чтобы написать приключенческую повесть для юношества, не давала покоя Грачёву ещё перед войной. Но вот вопрос: как построить действие, каким будет герой? В 1939 году впервые за всё это время, получив возможность побывать у себя на родине, он снова решил встретиться с Михаилом Александровичем. На этот раз у них была деловая беседа. Грачёв рассказывал об амурских сёлах и новостройках и, конечно, с восторгом говорил³⁶ о дальневосточной тайге. Потом сказал, что мечтает написать приключенческую повесть, и откровенно признался, что пришёл за советом³⁷:

— Как думаете, Михаил Александрович, какой она должна быть?

Шолохов ответил, что есть два условия, которые определят успех такой книги:

— Во-первых, она должна быть умной, а во-вторых, занимательной.

Возвратившись на Дальний Восток, Александр Грачёв не переставал обогащать свой замысел интересными находками. Написать книгу, в которой романтика освоения богатейшей природы края сочеталась с конкретным, реалистическим изображением трудностей, показать сильных, мужественных людей, и в то же время не засушить их характеры, создать

33 Предложение написано чернилами от руки.

такую книгу, которая бы не только читалась с увлечением, но и пробуждала любовь природе — вот что занимало его. Так родился общий план «Тайны Красного озера». Теперь предстояло работать и работать. Но... началась война. Куда только не бросала в те годы журналистов и писателей газетная служба! Грачёв уже был членом партии и работал сначала в моторно-рыболовецкой станции на Амуре, потом стал корреспондентом «Тихоокеанской звезды» по Камчатской области. Он писал очерки, статьи о героях трудового фронта, много ездил по краю, но мысль о завершении повести «Тайна Красного озера» не покидала его.

Летом сорок пятого года, когда Советская армия двинулась на Курильские острова, чтобы освободить от японских милитаристов исконно русскую землю, Александр Грачёв в качестве военного корреспондента отправился туда с десантом. Прибыв на кораблях Тихоокеанского флота в новые места, он прошёл пешком почти всю Курильскую гряду, принимал участие в освобождении Курил, видел следы преступной деятельности японских захватчиков, обнищавшую землю и до самого конца боевой операции оставался в строю³⁸. Спустя несколько лет он вернулся к событиям сорок пятого года³⁹, когда стал создавать свою повесть «Падение Тисима Ретто». Но в то время, едва отгремела война, он с необычайным подъёмом и⁴⁰ вдохновением стал дописывать «Тайну Красного озера».

Интересно, что позднее, когда эта повесть была уже в производстве, автор, уезжая на Дон, захватил с собой оттиснутую в типографии корректуру, чтобы показать Шолохову. Опять почти десятилетие прошло с того времени, когда они виделись в последний раз. Можно себе представить волнение Грачёва перед этой новой встречей с великим художником⁴¹, громадный талант которого и вся его яркая, отмеченная всенародной⁴² любовью жизнь, постоянно волновала миллионы людей. Шолохов не задержал гранки. Через несколько дней он сам послал⁴³ за Грачёвым и пригласил его к себе.

Очень важно было услышать, что скажет⁴⁴ Михаил Александрович... 45 хотя сказано было совсем мало слов 46 ...

³⁴ Слово «ему» написано над зачёркнутым словом «Грачёву».

³⁵ Предложение написано от руки.

³⁶ Словосочетание «с восторгом говорил» написано чернилами над строкой, зачёркнуто словосочетание «о богатствах».

³⁷ Словосочетание «откровенно признался, что пришёл за советом» написано чернилами от руки, зачёркнуты слова «и спросил».

³⁸ Словосочетание «в строю» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «там».

³⁹ Фраза «сорок пятого года» написана чернилами над строкой. 40 Слово «подъёмом» написано чернилами над строкой.

⁴¹ Слово «художником» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «писателем».

⁴² Слово «всенародной» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «народа».

⁴³ Слово «послал» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «позвонил».

⁴⁴ Фраза «Очень важно было услышать, что скажет» написана чернилами над строкой, зачёркнута фраза «Всё, что сказал об этой повести тогда».

⁴⁵ Далее зачёркнута фраза «было очень важно услышать автору».

⁴⁶ Словосочетание «мало слов» написана чернилами над строкой, зачёркнуто слово «немного».

— Ну, что же, Александр, повесть твою мы прочитали всей семьёй. Понравилась. Надо издавать такие книги массовым тиражом.

«Тайна Красного озера» вышла в свет, она сделала популярным имя Александра Грачёва⁴⁷. Успокаиваться на достигнутом он не собирался. На очереди была повесть о курильском десанте «Падение Тисима Ретто»... А время всё ещё трудное, и гонорар от первой книги давно истрачен. И надо снова просить авансы... Семья большая. К тому же частые переезды из края в край: то на Камчатку, то в Южно-Сахалинск, то в Волгоград и снова в Хабаровск, основательно подрывали финансовое благополучие семьи.

Фаина Ивановна всегда разделяла планы мужа (это же нужно для творчества, для дела!). И без лишних слов, миролюбиво готовилась к переезду, Хабаровск стал, наконец, постоянным их местом жительства. Но городская жизнь суетна. Для творческой работы необходимо уединение. И вот начинаются поиски выхода...

Ну как тут не вспомнить о прошедших днях? Я отвлекусь... За городом, за Осиновой Речкой, по направлению к селу Новотроицкому, на самом берегу стояла изба, в которой жил бакенщик со своей семьёй. Поблизости от него, под крутой, обрывистой сопкой лепилась у воды белая мазанка. Трудно сказать, кто был прежде её хозяином, но в середине пятидесятых годов она стала собственностью Александра Грачёва. Его заимкой. Так он назвал это жильё и был доволен тем, что мог теперь уединиться здесь для работы.

У писателей Дальнего Востока никогда не было и нет своего Дома творчества, общего для всех нас; ездить же на Чёрное море или в Прибалтику по путёвкам Литфонда за тридевять земель — накладно, да и с творческими задачами совместить отдых у моря не всем удаётся. Разве только москвичам, ленинградцам, тем, кто часто бывает там. Им проще, они не связаны длинной дорогой.

А тут в кои-то веки попадёшь на благословенное побережье, под сень кипарисов и веерных пальм, ошалеешь от морской синевы, от запаха роз и от деревьев, отягощённых оранжевыми плодами, подивишься земной благодати, которая досталась нашим южным собратьям. Это ли не райские места?! И потекут дни...

Каждый новый рассвет над морем, увиденный с восьмого или девятого этажа, судьба засчитает тебе потом как потерю, потому что перед отъездом домой ты перелистаешь свою рукопись и вздохнёшь: мало же в ней прибавилось новых страниц! И уже в самолёте, после нелёгких хлопот с

47 Имя и фамилия «Александра Грачёва» написаны чернилами над строкой, зачёркнуто слово «писателя».

билетами, машиной до аэропорта, после обычной отъездной сутолоки, утонув в уютном кресле, будешь думать, что всё это скоро станет воспоминанием: впереди — родные амурские просторы, опять работа, дом и крепнущее убеждение, что для творчества надо выбирать место поглуше⁴⁸.

Многие из нас испытали это состояние смятенного духа, но Грачёв избавил себя от подобных переживаний; он раньше всех обосновался на речном побережье. Пятистенная старая изба, разделённая на две половины, одну из которых занял потом Всеволод Никанорович Иванов, с лихвой оправдал этот выбор. Здесь Александр Грачёв создавал свою повесть «Падение Тисима Ретто», здесь, в этой небольшой, бедно обставленной избёнке, был целиком написан роман «Первая просека» и начата «Сторожка у Буруканского переката», да плюс к тому ещё цикл очерков, которые печатались в журнале. И всё это за пять лет!

Мы были соседями по берегу: дача Виктора Александровича Александровского и мой небольшой скворечник — рядом, только перешагнуть ручей. Позднее в нашей широкой пади поселился Василий Михайлович Ефименко. Но все мы⁴⁹ наезжали туда по выходным дням, а Грачёв жил в своей белой избушке месяцами. Читая теперь его дневники о тех уже далёких годах, вспоминаешь и весёлые, и грустные эпизоды.

Вот одна из таких записей: «В сентябре на заимке, когда мне катастрофически угрожало наводнение — вода уже была поверх пола, и все прибывала, я сидел и писал свою "Сторожку", не мог оторваться...» И дальше: «В ночь на 23 сентября поднялся шторм, он разрушил мою заимку, единственный в своем роде за всю мою жизнь уголок, где я мог так хорошо и с наслаждением трудиться. Все унесло водой!»

Но вот что удивительно: вторая половина избы, которую занимал Иванов, уцелела. Она стояла на месте как ни в чём не бывало, и мы, проходя мимо с парохода, останавливались, чтобы посочувствовать Грачёву, а Всеволод Никанорович качал головой и улыбался, хитровато прищурив глаз: «Вот видите, друзья, Бог меня пожалел!»

Долго Грачёв тосковал о потерянном уголке. Искал новое место для себя. Жил первую зиму на даче Андрея Пришвина. Но там не было реки. Взгляд из окна упирался в густые заросли леса. По этому поводу Грачёв написал в дневнике: «Нет перед глазами великолепной Уссури, с её просторами за рекой, с её белым безмолвием в зимние дни, с её равниной, уходящей к самому горизонту. Вот из

⁴⁸ Фраза «что для творчества надо выбирать место поглуше» написана чернилами над строкой, зачёркнута фраза «что всё это скоро станет воспоминанием».

⁴⁹ Фраза «но все мы» написана чернилами над строкой, зачёркнуты слова «но мы».

чего складывалось моё творческое настроение на заимке, радостная взволнованность души, не только желание, но жадная потребность творить...»

С пришвинской, уютно обставленной дачи, он сбежал в город. Мечта построить новый дом на том же берегу для творческой работы и летнего отдыха семьи тоже была зафиксирована в дневнике... Через некоторое время это стало реальность. На сей раз получилось всё капитально. Дом был большой, просторный, с балконом и верандой, со всякими хозяйственными пристройками к нему на латышский манер. Теперь он прямо-таки счастлив⁵⁰. Чуть ли не перед самыми окнами течёт река-красавица, с балкона виден весь левый берег, подбитый песчаными косами, над ними — тальники, а дальше — одиночные ивы, слегка кудлатые, как на китайских пейзажах.

Никаких грядок и огорода нет. Только сделаны клумбы для цветов и обложены кирпичами, да ещё весной жена и дочь посадили четыре куста смородины, и сам он соорудил что-то вроде маленького рассадника для огурцов. К самому дому подступают кусты черёмухи.

— Какая же здесь красота! — не уставал восклицать Грачёв, когда, бывало, идёшь мимо него по берегу к вечернему пароходу и видишь, как он проверяет перемёт, стоит в лодке, широко расставив ноги, отбрасывает улов в носовую часть лодки. На голове у него выцветшая от солнца шляпа. Простецкий вид — рыбак да и только!

А мимо с оглушительным рёвом проносится чья-то моторка, будоража воду. Покачивает на волнах «Рыбака» вместе с лодкой. Никто не знает, что ночью он будет сидеть за письменным столом, дописывать и снова переписывать главу за главой. «Сторожка» ему надоела, как это видно из его записей. Он уже обдумывает новую книгу «Лесные шорохи», присматривается к жизни леса и его обитателей.

В дневниковых записях он то корит себя, то уговаривает: «Топчусь по-прежнему на месте, работаю над "Сторожкой" вяло и с ленцой. Лето! Масса соблазнов, рядом — река. Выйдешь на берег, и видно, как плещутся рыбы. Время от времени беру удочки и сижу на берегу, отдавшись весь рыбацкой страсти, ловлю чебаков».

А несколькими строчками ниже: «...И всё-таки, дальше нельзя позволять себе этого прекраснодушного состояния.

Пора мне всерьёз понять свою ответственность. Надо перестраиваться самым решительным образом! Я же умею проявлять железную волю, когда беру себя в руки. Всё это нужно сделать немедленно, сейчас!..»

И горела по ночам керосиновая лампа над письменным столом Александра Матвеевича. Свет её падал из окон на пустынный берег. Завтра-послезавтра, как только настанет день, обязательно явится кто-нибудь, и Грачёв будет принимать гостей. Много их побывало в этом доме: друзья, просто знакомые и совсем не знакомые, но желающие знать, как живёт писатель, книги которого все читают и любят. Приходили жители из соседних селений, причаливали к берегу рыбаки, проплывавшие мимо на лодках (они всегда⁵¹ находили какой-нибудь повод для разговоров), по склону сопки, прямо ко двору спускались студенты... Были и приезжие, в том числе иностранцы. Группа чехословацких писателей, например. Но чаще — наши соотечественники из разных городов страны.

Однажды прибыла целая «делегация» белорусских писателей. Затеяли варить уху. О том, как это происходило, лучше всего расскажет стихотворение Нила Гилевича. Не так давно я увидела его в сборнике поэта и перевела на русский язык (стихотворение «Уссурийская юшка» 52).

Увы! Жизнь оборвалась на полпути. После смерти Грачёва так не просто было проходить по берегу мимо его дома. Кто-то прибил на столбике калитки у входа во двор красный флажок на древке, обозначив тем самым цвет, которому всегда был верен Александр Грачёв.

Сегодня уже с высоты собственного опыта мы оцениваем прошлое. Хорошо, когда время не умаляет значение того, что сделано художником, писателем, когда книги не вянут от времени, как однолетние цветы, а живут и становятся интересными для новых поколений. Потому что автор вдохнул в них свою любовь к красоте нашей природы и восславил трудового человека, его светлую душу! А это непреходящее...⁵³

⁵¹ Словосочетание «они всегда» написано чернилами над строкой. 52 Фраза «стихотворение "Уссурийская юшка"» написана карандашом, затухающий текст, далее чернилами перечёркнута страница рукописи. Стихотворение Нила Гилевича «Уссурийская юшка» опубликовано в сборнике переводов Ю. А. Шестаковой «Обретение друзей» (Хабаровск. Кн. изд-во, 1996 г.).

⁵³ Далее идут рукописные раздумья Ю. А. Шестаковой о переломном времени и письмо Вс. Н. Иванова, адресованное А. М. Грачёву в 1953 г., воспроизведённое рукою Ю. А. Шестаковой.

⁵⁰ Предложение «Теперь он прямо-таки счастлив» написано чернилами над строкой.

Список использованных источников

- 1. Газета «Амурский ударник» орган комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, поселкового Совета, постройкома и управления Дальпромстроя. Первый номер газеты вышел 1 июля 1932 года // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-241. Оп. 40. Д. 171. Л. 22–25.
- 2. Грачёв, А. М. Автобиография, 13 сентября 1941 г., г. Комсомольск-на-Амуре // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 2520. Л. 5–6.
- 3. Грачёв, А. М. «Лесные шорохи» : главы из повести / А. М. Грачёв // ГАХК. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 604. Л. 1–104. Машинопись с редакторской правкой.
- 4. Грачёв, А. М. Первая просека : роман / А. М. Грачёв. Хабар. кн. изд-во, 1982. 512 с.
- 5. Дорога Юлии Шестаковой. Текст: электронный // Словесница Искусств. Хабаровск, 2010–2020. URL: https://www.slovoart.ru/node/352.
- 6. Личное дело А. М. Грачёва // ГАХК. Ф. Р-1745. Оп. 1. Д. 53.
- 7. Личное дело А. М. Грачёва // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 14. Д. 2520.
- 8. Шестакова, Ю. А. «Открытые горизонты» / Ю. А. Шестакова // ГАХК. Ф. Р-2101. Оп. 1. Д. 111. Статья, машинопись с авторской правкой.

Материал поступил в редакцию 11.01.2022.

Сведения об авторе: Салеева Лариса Владимировна, заведующий сектором научного использования документов Центра доступа к архивным ресурсам Государственного архива Хабаровского края, заслуженный работник культуры РФ (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: saleeva@archiv.khv.ru; тел. (4212) 30-53-00.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ «ЕГО СУДЬБА БЫЛА ЗАВИДНА...»

В статье представлен библиографический обзор сборника «Его судьба была завидна...», изданного к 100-летию со дня рождения писателя Александра Матвеевича Грачёва (1902–1973 гг.). Небольшой тираж (всего 500 экз.) превратил эту книгу в библиографическую редкость. И сейчас, спустя 10 лет, небезынтересно будет вспомнить о ней и её содержании.

Ключевые слова: А. М. Грачёв, Комсомольск-на-Амуре, Дальний Восток, писатель.

Keywords: A. M. Grachev, Komsomolsk-on-Amur, Far East, writer.

нига «Его судьба была завидна...» была подготовлена родственниками замечательного дальневосточного писателя Александра Матвеевича Грачёва (1902–1973 гг.) к 100-летию со дня его рождения.

Открывают книгу статьи писателей-дальне-

"Его судьба была завидна…" Кстолетию Александра Грачева

Его судьба была завидна...: К 100-летию со дня рождения Александра Грачёва / сост. А. Петров. — Хабаровск: Отдел научно-издательской деятельности Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, 2012. — 172 с.

восточников Геннадия Хлебникова, Евгения Ковешникова, Василия Ефименко и других, хорошо знавших Александра Матвеевича, рассказывающих каждый по-своему о жизни и творчестве писателя. Дополняя друг друга, они раскрывают перед читателями творческую лабораторию писателя, создавая образ вдумчивого, работающего над каждым словом, образом и событием литератора.

Радмир Коренев в статье «Мимолетная встреча» рассказывает о встрече с Александром Грачёвым в Хабаровске в середине 60-х годов XX века. Вот каким он его увидел: «Уже

не молодой, с проницательными глазами, невысокого роста, он крепко пожал руку и сразу принялся расспрашивать меня о Курилах» [6, с. 27].

Георгий Лоншаков запомнил напутствие, которое ему дал Александр Матвеевич: «...он тогда открыл для меня одну простую на первый взгляд истину: он прямо подчеркнул, что важно сказать не первое, а своё слово о Комсомольске. И ещё он сказал, что тема Комсомольска неисчерпаема до тех пор, пока существует город юности» [7, с. 143].

Василий Ефименко рассказал о встрече Александра Грачёва с Михаилом Шолоховым: «В 1939 году, приехав на родную донскую землю, он снова обратился за советом к Михаилу Шолохову. Какой должна быть приключенческая книга о романтике освоения дальневосточной природы, о трудовых подвигах молодёжи? На этот вопрос М. Шолохов ответил кратко: "Во-первых, она должна быть умной, познавательной, а во-вторых, занимательной"» [4, с. 72].

В биобиблиографическом справочнике «Писатели Дальнего Востока» А. М. Грачёв представлен как автор приключенческих повестей «Тайна Красного озера» (1948 г.) и «Падение Тисимо-Ретто» (1956 г.), романа «Первая просека» (1965 г.), повести о природе «Лесные шорохи» (1970 г.) и других. Статья из этого справочника, посвящённая Александру Матвеевичу, открывает сборник «Его судьба была завидна...» [1]. Можно много написать о каждом произведении А. М. Грачёва, а можно просто указать на тот факт, что

его книги издавались не только дальневосточными издательствами (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск), но и центральными, московскими, причём выдержали несколько переизданий. О многом говорят и отзывы читателей.

Из письма читательницы М. А. Разореновой из Москвы: «Уважаемый Александр Матвеевич! С сожалением расстаюсь я с героями "Лесных шорохов". Вы с такой любовью рассказываете о бурундучке Пиике, барсуке Чфы, изюбре Гру, кабарожке Элхе, что и я полюбила их. С интересом и волнением следила за их жизнью, приключениями и борьбой за существование. Как много интересного и неизвестного для рядового читателя вы рассказали. Спасибо, ещё раз спасибо за чудесное путешествие в неведомую Моховую падь» [Цит. по: 5, с. 119].

Читатель К. И. Суворов прислал А. Грачёву такое письмо: «Вашу книгу "Падение Тисима-Ретто" прочитал запоем, в одну ночь. И уже не мог не написать вам, дорогой писатель. Повесть ваша — редкая искренность, простота и удивительная правда жизни» [Цит. по: 5, с. 119].

М. М. Пилявская из Ленинграда написала: «Сию минуту дочитала последнюю страницу "Первой просеки" и решила выразить вам искреннюю благодарность за то наслаждение, которое я испытала. Всё у вас в ней в меру, правдиво, ясно, тепло и честно. Талантливо и любовно выписана природа. Чувствуется, что вы любите её и пишите с душой. Хороший у вас талант, добрый и бескорыстный. Вы пишите чистой рукой. Всего вам хорошего» [Цит. по: 5, с. 121].

Отрывки из произведений Александра Матвеевича, помещённые в сборник «Его судьба была завидна...», дают представление о росте мастерства Грачёва как писателя.

В сборник вошли также дневниковые записи одной из тетрадей Александра Матвеевича, охватывающие события, происходившие в Комсомольске-на-Амуре с 23 октября 1932 года по 14 мая 1935 года. Показательны две из них. Одна рассказывает о том, что заставило писателя остаться на Дальнем Востоке: «22 октября [1932 г.] Наконец-то я попал в такое место, где действительно красивая природа. Возле Пермского с восточной стороны катится Амур, за ним возвышаются горы. Они мощно поднимаются к небу, упираясь лесистыми вершинами в тучи. На западе высокие сопки уходят в тёмно-синюю даль. Сегодня пасмурный день. После обеда я надел дождевик, взял ружьё, патронташ и пошёл по песчаному берегу» [3, с. 40].

Другая почти телеграфным стилем рассказывает о жизни донской деревни в 30-годы XX века. Прочитав её, трудно ответить на вопрос: что требовало большего мужества и стойкости: строительство Комсомольска-на-Амуре или жизнь в советском колхозе? Вот эта запись: «19 декабря [1932 г.] Из дома получил письмо. Пишут, что мать сидит без хлеба, в хуторе творится возмутительное безобразие. У

колхозников ломают печки, полы, вскрывают подвалы, все ищут припрятанный хлеб, но забирают всё, что попадается под руки. Послал Пете (брату. — А. П.) и Фросе по 50 рублей. Плохо им там живётся, видимо, а я тут как барин» [3, с. 43].

Дневник подготовила к печати дочь писателя Анна Пономарёва, а его сын Леонид Грачёв написал статью «Главный учитель жизни». Сколько любви и безграничной благодарности своему отцу в этих записях! Вот выдержки из статьи Леонида Грачёва: «Отец, сам выросший в условиях казачьей вольницы, никогда не угнетал нас нравоучениями, используя лишь один педагогический приём: "Делай, как я!" <....> Так, нам никогда не казалось чем-то унизительным, когда отец, человек известный и авторитетный, засучив рукава и штаны, брался за тряпку и мыл полы в нашей квартире, подавая пример всем нам. <....> Поставить шалаш, развести костёр в дождь, поймать рыбу там, где её, казалось, нет, не заблудиться в тайге — всему этому нас научил отец» [2, с. 169, 170].

В воспоминаниях Геннадия Хлебникова есть рассказ о выступлении А. М. Грачёва на читательской конференции в начале 70-х годов XX века, где приводятся слова Александра Матвеевича, обращённые к студентам Комсомольска-на-Амуре: «Я пожелаю вам, дорогие друзья, иметь каждому в жизни свою первую просеку. Это неправда, что жизнь бывает скучна и обыденна. Любая профессия, любое дело, нужное Родине, какими бы на первый взгляд они ни были

незаметными и заурядными, таят в себе высокую идею служения обществу. Трудно, тяжко рубить первую просеку в тайге, стоя по колено в ржавой болотной воде, отмахиваясь от комаров. Очень трудно. Но без этой чёрной работы не было бы этого прекрасного проспекта, застроенного великолепными зданиями, в одном из которых мы сейчас находимся» [Цит. по: 8, с. 141].

И это не всё, что можно найти в сборнике «Его судьба была завидна...». В нём есть статья «Бой за плацдарм», написанная А. М. Грачёвым вместе с Н. Ивановичем и Н. Лихобабиным и опубликованная в газете «Камчатская правда» в 1945 году. В ней рассказывается об одном из сражений Северо-Курильской освободительной операции 1945 года, участником которой был писатель. Есть ещё удивительное произведение, которое называется «Дума у родника». Жанр думы для художественной литературы второй половины XX века достаточно редок потому. что принадлежит к устному народному творчеству. Дума А. Грачёва — это лирическая миниатюра с размышлениями о прожитой жизни, о радости общения с природой. А ещё в сборнике можно найти рассказы о Грачёвке, когда-то существовавшем дачном посёлке хабаровских писателей. Всего не перечислишь, лучше прочитать. И тогда вы не только лучше узнаете Александра Матвеевича Грачёва, но и полюбите его так, как любили его создатели этого уникального сборника.

Список использованных источников

- 1. Александр Матвеевич Грачёв // «Его судьба была завидна...» : к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 3–4.
- 2. Грачёв, Л. Главный учитель жизни / Л. Грачёв // «Его судьба была завидна...» : к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 169–171.
- 3. Дневник писателя. О времени и о себе / предисл. А. Пономарёвой // «Его судьба была завидна...»: к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 36–55.
- 4. Ефименко, В. Об авторе «Первой просеки» и его книгах / В. Ефименко // «Его судьба была завидна...»: к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 69–82.
- 5. Карпов, Д. Гражданская ответственность перед временем / Д. Карпов // «Его судьба была завидна...» : к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 116–127.
- 6. Коренев, Р. Мимолётная встреча / Р. Коренев // «Его судьба была завидна...»: к столетию Александра Грачёва / Хабаров. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 27–28.
- 7. Лоншаков, Г. [Открою свою маленькую тайну]/Г. Лоншаков // «Его судьба была завидна...»: к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 141–144.
- 8. Хлебников, Г. [Когда я бываю в краеведческом музее Комсомольска...] / Г. Хлебников // «Его судьба была завидна...»: к столетию Александра Грачёва / Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2012. С. 133–141.

Фотография М. Сапожниковой. Материал поступил в редакцию 31.01.2022.

Сведения об авторе: Талаева Светлана Михайловна, библиограф Центральной городской библиотеки имени Н. Островского (г. Комсомольск-на-Амуре).

Контактные данные: e-mail: stalaeva@bk.ru; тел. 8-909-861-28-12.

▶ Историописание

ДОРОГА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Статья посвящена строительству российской железной дороги к тёплым морям Тихого океана через северо-восточную часть цинского Китая — Маньчжурию. Так Россия на рубеже XIX–XX веков пыталась решить не только экономические, но и геополитические проблемы.

Ключевые слова: Россия, Китай, Япония, США, Англия, Владивосток, Сретенск, Харбин, Пекин, Китайская Восточная железная дорога, Тихий океан, Сибирь.

Keywords: Russia, China, Japan, USA, England, Vladivostok, Sretensk, Harbin, Beijing, Chinese Eastern Railway, Pacific Ocean, Siberia.

з века в век для России с громадной территорией дорожная проблема была весьма актуальной. Новые пути сообщения обеспечивали централизованное управление страной, быструю мобилизацию войск, развитие промышленного производства и другое.

Ещё в 50-е годы XIX века в Сибири заговорили о строительстве железных дорог и вспомнили, что первая отечественная рельсовая дорога появилась в Сибири и первый российский паровоз постучал колёсами тоже в Сибири.

Строительство железной дороги из центра России к Тихому океану было могучим ускорителем экономического и общественного развития страны, средством борьбы с вековой отсталостью...

Тайны прокладки железных дорог Востока России раскрыл кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения Алексей Лисицын в монографии «Дальневосточная железная дорога в период её становления (1891–1917)» [11].

На основе уникальных исторических документов он показал многие ранее неизвестные аспекты стратегического продвижения империи на восток и героический труд при прокладке трассы в тайге русских инженеров, изыскателей, промышленных рабочих, строителей и другое.

Ещё в середине XIX века именно из-за отсутствия железнодорожного сообщения во многом была проиграна Крымская война: невозможно было по суше доставить войска и снабжение для сражений в Крыму.

После этого именно из-за геополитических (а не экономических) соображений правительством было решено прокладывать Транссибирскую магистраль на восток — иначе, по мнению царских чиновников, Дальний Восток России было не удержать. Ведь тогда на море владычествовала Англия, которая своим флотом легко блокировала бы доставку грузов и войск пароходами из Одессы. Как считал немецкий военный, историк Г. фон Мольтке-старший, «железные дороги лучше защищают страну, чем крепости».

В этой связи Главный штаб России в 1892 году сообщал: «Главнее всего рельсовый путь от Великого океана до Европы нужен для обороны края вооруженной рукой, так как без этого пути отстоять край от иноземного нашествия не только затруднительно, но даже едва ли возможно» [4].

Для изыскания трассы Транссибирской магистрали в 1887 году под руководством инженеров Н. П. Меженинова, О. П. Вяземского и А. И. Урсати организовано три экспедиции, которые к началу 1890-х годов в основном завершили свою работу.

В 1891 году создаётся Комитет по сооружению Сибирской железной дороги (далее — Комитет), а в феврале этого же года Кабинет министров признаёт возможным начать

работы по сооружению Великого Сибирского пути одновременно с двух сторон — от Челябинска и Владивостока [15].

Во время кругосветного путешествия 19 мая 1891 года наследник престола цесаревич Николай Александрович во Владивостоке открыл строительство Транссиба, уложив первую тачку грунта в полотно новой Уссурийской дороги.

С середины 90-х годов XIX века Дальний Восток стал на ближайшие десять лет центром внешней политики царской России, которая активно включилась в геополитическую борьбу вместе с сильнейшими империалистическими государствами мира за господство в Корее и раздел Китая.

В этой связи железная дорога пролегла от границы России в Забайкалье (г. Сретенск) в глубь китайской территории через Северную Маньчжурию и вновь выходила на русскую территорию в Южном Приморье. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) экономила время — расстояние для перевозки грузов сильно сокращалось. Ясное дело, что дорога предназначалась для перевоза грузов и войск в случае военного конфликта с Японией и Англией. Помимо временного и военного факторов, эта железная дорога давала России возможность получить отличный плацдарм для влияния на китайскую политику. Российская империя имела на территории КВЖД те же права и привилегии, что и другие державы в Китае: экстерриториальность в Маньчжурии для русских подданных, право ввести свои войска для охраны дороги, иметь собственную полицию в «полосе отчуждения» и проч.

В последней четверти XIX века Япония, США и Англия развернули свою захватническую политику на Дальнем Востоке раньше России. В этой связи реализация русского проекта проходила в остром геополитическом противоборстве с этими империалистическими державами.

Кроме того, в 1901 году в цинском Китае началось восстание ихэтуаней («боксёров»), направленное против иностранного засилья. Вскоре к этому стихийному движению народных масс присоединились регулярные войска, а цинское правительство также поддержало бунтовщиков. В ходе беспорядков и военных действий был нанесён значительный ущерб и сооружениям КВЖД. Только соединёнными силами европейских стран удалось восстановить статус-кво в цинском Китае.

Изыскания Амурской магистрали

В последнее десятилетие XIX века для России огромное экономическое и стратегическое значение приобрело сооружение Транссибирской железной дороги. Строительство длиннейшей в мире магистрали (8,3 тыс. км), начавшееся в 1891 году, предусматривалось в три этапа: первый — Западно-Сибирская железная дорога от Челябинска до Оби и Средне-Сибирская — от Оби до Иркутска, а также начало

строительства Уссурийской железной дороги от Владивостока до Графской; второй этап — Графская — Хабаровск и Мысовая — Сретенск; третий — Кругобайкальская линия от Иркутска до Мысовой и Амурская железная дорога от Сретенска до Хабаровска. Амурской магистрали отводилась важнейшая роль связующего звена двух железнодорожных линий — Забайкальской и Уссурийской.

К строительству Амурской дороги планировалось приступить в 1901 году. Первые рекогносцировочные сведения были получены ещё в начале 1891 года полковником Н. В. Волошиновым. В 1890 году он был командирован на строившийся участок Владивосток — Графская в качестве представителя от военного ведомства и заведующего работавшими на дороге командами войск и производил разведку железнодорожного пути в обход озера Байкал с севера через Братский острог и Усть-Кут. Волошинов произвёл топографический обзор и разведку Амурской области и по окончании рекогносцировки, к началу 1892 года, разработал два варианта направления Амурской дороги: южное (вдоль Амура) и северное (на значительном отдалении от реки). При этом от станицы Покровской вдоль реки Амур на протяжении 140 вёрст до станицы Свирбеева на реке Олдоё оба направления совпадали, а затем разветвлялись на две части, которые снова сходились только у г. Хабаровска. Длина южного направления по карте составляла около 1 550 вёрст, а северного — 1 270 вёрст. Результаты рекогносцировок показали, что технические затруднения оказались не столь непреодолимыми, как предполагалось ранее.

После предоставления отчёта об итогах работы Волошинова Комитет вплотную занялся подготовкой проведения более подробных изысканий Амурской магистрали. В 1893 году были произведены изыскания для железной дороги от Сретенска до станицы Покровской на Амуре, а в апреле 1894 года министр путей сообщения А. К. Кривошеин представил на обсуждение Комитету уже известные варианты направления Амурской линии. 13 мая 1894 года последовало постановление о начале производства изысканий Амурской железной дороги. Изыскательские работы были возложены на три партии, возглавляемые инженерами Г. Т. Гущо, Г. Ф. Краевским и техником Н. И. Непокойчицким под общим руководством инженера Б. У. Савримовича.

К работе партии приступили в 1894 году. В течение 1894—1896 годов изысканиями предстояло выбрать из теоретически намеченных направлений самое короткое и дешёвое. В их обязанности входило изучение географических, климатических и экономических условий предполагаемого строительства. Большое значение отводилось геологическим исследованиям. Для этого была командирована специальная горная партия, которой предстояло, согласно инструкции, утверждённой начальником изысканий, изучить

горно-геологические, гидрологические и метеорологические особенности строительства. От результатов разведок горной партии в наибольшей степени зависел окончательный выбор направления Амурской железной дороги.

За относительно небольшой промежуток времени — всего два года — изыскательскими отрядами Б. У. Савримовича была проделана огромная работа. Тщательно исследовались топография местности, климат, почвы, уже имеющиеся пути сообщения и многое другое. Особое внимание уделялось изучению экономики области. Участники экспедиции собрали обширные сведения о развитии сельского хозяйства, фабричной и заводской деятельности края, об обеспечении проектируемой линии строительным материалом, о составе населения и наличии рабочей силы. На основе полученных данных было выбрано окончательное направление Амурской дороги между Зеей и Хабаровском, произведены приблизительные подсчёты пропускной способности проектируемой железнодорожной линии, количества подвижного состава, а также стоимость строительных работ.

В 1896 году экспедиция завершила свою работу. По итогам изысканий был составлен сводный отчёт, а также разработаны рекомендации для проведения мероприятий по сооружению Амурской железной дороги с целью избежать затруднений, которые могли бы встретиться при её строительстве. Были изучены не два, как предполагалось ранее, а три варианта направления трассы: южное, северное и среднее. Южное следовало параллельно Амуру от Сретенска через станицу Покровскую долиной реки Хинган, через хребет Лагар-Аул и далее по левому берегу реки Большой Биры и долинами рек Урми и Тунгуски на Хабаровск. Северное направление совпадало до Толбузина с южным, а затем кратчайшим направлением шло к Хабаровску. Среднее следовало до Толбузина, как и два предыдущих, а затем отходило от Амура на 50-100 вёрст к северу. Таким образом, участок Сретенск — Толбузино являлся общим для всех трёх вариантов, и, соответственно, все направления на данном участке вынуждены были бы идти долиною реки Амур. Кроме того, участок проходил в непосредственной близости к границе с Китаем. В связи с этим изыскатели отмечали, что «принимая во внимание удаленность этой части Амурской области от центров Китайской Империи и совершенную ненаселенность смежной части Маньчжурии, а также полное отсутствие в этой части Маньчжурии каких бы то ни было путей сообщения, можно, имея в виду сокращение пути, без особого риска приблизить к границе железнодорожную линию» [Цит. по: 2, с. 110-111].

Из трёх вариантов направлений наилучшим признавалось среднее. Дорога при этом делилась на два участка — западный и восточный. Стоимость западного участка с учётом рельсов и подвижного состава расценивалась

почти в 46 млн рублей, а восточного — более чем в 48 млн рублей. В отчёте отмечалось, что Амурская железная дорога «...явится последним связующим звеном Великого Сибирского пути, проходящего при том по исключительно русским владениям, объединяющего интересы Петербурга и Владивостока и соединяющего Балтийское море с Тихим океаном» [Цит. по: 2, с. 112].

Несмотря на положительные результаты разведок, проект Амурской железной дороги был отложен. Приоритетным направлением колониальной политики правительства, проводимой под сподвижничеством С. Ю. Витте, явилось сооружение Китайско-Восточной железной дороги. Для более успешной реализации плана КВЖД стала осуждаться идея строительства Амурской магистрали. Были поставлены под сомнение итоги работ изыскательских отрядов, и всё чаще стали появляться высказывания, указывающие на то, что проведение Амурской дороги нецелесообразно, так как технически трудновыполнимо и потребует значительных финансовых капиталовложений. Таким образом, изыскания Б. У. Савримовича оказались фактически невостребованными [2, с. 112].

В этой связи Транссибирскую магистраль довели только до реки Шилки (г. Сретенск), а далее дорога пошла через цинский Китай.

Из всех этих данных напрашивается один вывод: **политика** победила **географию**.

Это очень яркий пример комплексного использования средств и способов для обеспечения военной безопасности страны. Благодаря тому, что по периметру границы империи были созданы «буферные зоны» и передовые плацдармы, врагу предстояло преодолевать большие расстояния, тратя много усилий для сокрушения оборонительных линий [8, с. 242]. Одну из таких «буферных зон» и представляла собой Северная Маньчжурия. Стремление Петербурга получить здесь железнодорожную концессию определялось стратегическим положением этой территории. Строительство КВЖД имело важные стратегические цели: скорее окончить строительство Транссибирской магистрали, обеспечив безопасность территории Дальнего Востока, укрепить общие позиции России на Тихом океане, найти для России на Дальнем Востоке выход к незамерзающему порту для создания военной базы Тихоокеанского флота [12, с. 41]. Строительство КВЖД превращало Маньчжурию в сферу русского влияния, а это, в свою очередь, вело к значительному изменению баланса сил в регионе [13. с. 353].

Дипломатическое противоборство

Строительство Транссибирской магистрали ещё было далеко от завершения, когда Япония одержала победу в войне 1894—1895 годов с Китаем, что облегчало ей в

дальнейшем захват Кореи. Это привело к усилению японо-русских противоречий и обострению борьбы между империалистическими державами за сферы влияния и концессии (особенно по строительству железных дорог) в Китае. Япония претендовала на строительство железной дороги Цзипьчжоу — Нючжуан — Шэньян с последующим продлением её в центральные и северные районы Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Германия хотела получить базу на побережье Китая и концессии на сооружение и эксплуатацию железной дороги. Франция получила концессию на продление принадлежавшей ей железной дороги из Индокитая (Лангшон) до Гуанси (Лючжоу). США добивались железнодорожных концессий в Северо-Восточном Китае, то есть на ближайших подступах к России, и т. д.

Россия стремилась получить согласие Китая на продолжение строительства Сибирской железной дороги по прямой линии через Северо-Восточный Китай к Владивостоку (ранее предполагалось вести линию по Амурской дуге). По мысли министра финансов С. Ю. Витте, осуществление этого проекта позволило бы России не только обеспечить быструю переброску русских войск, но и взять в свои руки железнодорожное строительство также и в Северном Китае, обеспечить влияние российского капитала на экономику и торговлю прилегающих провинций.

Намерениям группы русских капиталистов, представляемой С. Ю. Витте, препятствовали державы, которые одновременно с Россией предлагали Китаю свои проекты строительства железных дорог. Начавшиеся в апреле 1896 года в Пекине русско-китайские переговоры вскоре зашли в тупик. Они были возобновлены в Петербурге, где Ли Хунчжан принял основную часть русских предложений, но, в свою очередь, поставил вопрос о союзе с Россией для противодействия японской агрессии, развивавшейся при поддержке Великобритании и США.

Договор о союзе и постройке КВЖД (секретный) был подписан 22 мая (3 июня) 1896 года в Москве со стороны России министром иностранных дел А. Б. Лобановым-Ростовским и министром финансов С. Ю. Витте, со стороны Китая — чрезвычайным послом Ли Хунчжаном, прибывшим на коронацию Николая II. Договор был впервые полностью опубликован после Великой Октябрьской социалистической революции в 1924 году.

Договор предусматривал создание военного союза двух государств, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею, причём оговаривалось, что во время военных действий все порты Китая будут в случае необходимости открыты для русских военных судов. Основной задачей русско-китайского оборонительного союза было предотвращение нового вторжения Японии на континент.

Договор предусматривал предоставление Русско-Китайскому банку (а фактически царскому правительству) права на сооружение и эксплуатацию КВЖД. В договоре указывалось, что сооружение железнодорожной линии через Северо-Восточный Китай не может служить предлогом для захвата китайской территории и предпринимается в целях облегчения доступа русским войскам в пункты, которые могут оказаться под угрозой; Россия получала право транзита своих войск по этой дороге как в военное, так и в мирное время. Договор должен был войти в силу лишь после утверждения цинским императором контракта на постройку и эксплуатацию КВЖД.

Для практического начала работ 27 августа (8 сентября) 1896 года между Русско-Китайским банком и цинским правительством был заключён контракт, определивший условия постройки и эксплуатации КВЖД. Устанавливалось, что акционерное общество КВЖД получает право эксплуатации дороги на время её постройки и на последующие 80 лет. Спустя 36 лет с момента открытия движения китайское правительство имело право выкупить КВЖД.

Больше года российская дипломатия добивалась от Китая подписания юридического документа о размещении базы российского военно-морского флота на Ляодунском полуострове.

В 1898 году Россия предприняла новый шаг в Маньчжурии, добившись аренды Порт-Артура и Дальнего. Это ещё более обострило империалистические противоречия на Дальнем Востоке.

Стремление России получить незамерзающий порт на Жёлтом море обнаружилось ещё в 1896 году во время переговоров С. Ю. Витте с Ли Хунчжаном. Тогда это стремление не было осуществлено из-за категорического отказа Китая. Однако в конце 1897 года в связи с германским захватом Цзяочжоу (3 ноября) Ли Хунчжан обратился за помощью к русской миссии. Ответ не оставлял сомнений в том, что помощь может быть оказана лишь в случае удовлетворительного разрешения интересующих Россию вопросов (железнодорожное строительство в Маньчжурии и др.). Китай принял русские условия, но Германия заручилась поддержкой Англии, стремившейся, в свою очередь, столкнуть её с Россией, и русская дипломатия, хотя и выступила с протестом против германской акции, была вынуждена отступить — немецкие войска остались в Цзяочжоу.

Но теперь русское правительство решило более не откладывать осуществление своего плана в отношении Порт-Артура и Дальнего. События, развернувшиеся в декабре 1897 года, благоприятствовали России. Китаю срочно потребовался новый заём для уплаты Японии второго взноса контрибуции, установленной Симоносекским мирным договором. 2 декабря Ли Хунчжан обратился к Витте с прось-

бой о займе. Витте в телеграмме от 4 декабря 1897 года согласился удовлетворить китайскую просьбу, но лишь при условии предоставления России порта на берегу Жёлтого моря и передачи ей железнодорожной и промышленной монополии в Маньчжурии и Монголии. За день до этого, 3 декабря, русские военные эскадры вошли в Порт-Артур и Дальний, подкрепив таким образом требования России военной угрозой.

Возможность принятия Китаем русских экономических требований и, следовательно, закрытия Маньчжурии для других держав чрезвычайно испугала Англию. Английское правительство немедленно заявило о своём твёрдом решении «любой ценой и, если нужно, силою удержать китайский рынок открытым для себя» [14, с. 540].

Вслед за тем английский посланник заявил китайскому министерству иностранных дел протест против получения Китаем займа в России и предложил устроить английский заём на льготных условиях. Одновременно английский флот сосредоточился в Гамильтоне, а часть его вошла в Порт-Артур.

Стремясь достичь соглашения с Англией, царское правительство несколько отступило от максимальных требований С. Ю. Витте и сняло свои возражения против предоставления Англией займа Китаю. В свою очередь, Англия не была заинтересована в углублении конфликта, ибо перед лицом усиления германской экспансии искала сближения с Россией как на Дальнем, так и на Ближнем Востоке. Ввиду этого министру иностранных дел М. Н. Муравьёву удалось достигнуть соглашения с Англией, которая обещала не препятствовать стремлению России получить арендные права на занятые ею порты и концессию на сооружение дороги к ним.

Япония, добившись уступки от России в корейском вопросе и к тому же лишённая английской поддержки, не могла противодействовать России.

З марта 1898 года (после заключения 1 марта англо-китайского соглашения о займе) Россия приступила в Пекине к переговорам, которые вскоре и завершились подписанием 27 марта 1898 года русско-китайской конвенции о предоставлении России в арендное пользование Порт-Артура (Люшунькоу) и Дальнего (Даляньваня) и о разрешении провести к этим портам железнодорожную магистраль от одного из пунктов КВЖД. Подписана она была в Пекине русским поверенным в делах А. Павловым и членом китайского министерства иностранных дел Ли Хунчжаном.

Согласно русско-китайской конвенции, Россия получила в арендное («полное и исключительное») пользование на 25 лет Порт-Артур и Дальний вместе с прилегающим водным и территориальным пространством. Указывалось, однако, что аренда не нарушит верховных прав Китая на данную территорию (ст. I, II и III).

В руки русских властей полностью передавалось военное и высшее гражданское управление на арендуемых территориях. Китайские военно-сухопутные силы туда не допускались. К северу от арендуемого участка устанавливалась нейтральная зона, где сохранялось китайское управление. Тем не менее китайские войска могли допускаться туда лишь «по согласию с русскими властями» (ст. V).

Согласно дополнительному протоколу, подписанному 7 мая 1898 года, правительство Китая обязалось не уступать иностранцам без согласия России ни одного участка земли нейтральной зоны, не открывать для торговли ни одного из портов восточного и западного берегов этой зоны и не предоставлять иностранцам железнодорожных, горнорудных и промышленных концессий.

Порт-Артур как исключительно военный порт России и Китая объявлялся закрытым для судов всех других держав. Во все бухты Дальнего, за исключением одной (предназначенной для России и Китая), доступ торговых судов всех наций объявлялся свободным (ст. VI).

Общество КВЖД получало право на строительство соединительной ветви от одной из станций магистральной линии до Дальнего, а также, «если в том окажется необходимость, до другого... пункта... между городом Инцзы и устьем реки Ялу» (ст. VIII).

Путём упрочения своих позиций в Корее японское правительство пыталось нейтрализовать и предотвратить дальнейшие успехи России в Маньчжурии. В результате малоуспешных действий Японии в этом направлении в 1898 году было подписано русско-японское соглашение по корейскому вопросу. Лишь впоследствии, заручившись союзным договором с Англией, Япония взяла курс на войну с Россией, в итоге которой русские успехи, зафиксированные русско-китайской конвенцией, были ликвидированы Портсмутским мирным договором 1905 года.

Проблемы Порт-Артура и Дальнего были разрешены в интересах СССР и Китая лишь советско-китайским договором 1945 года, способствовавшим также упрочению всеобщего мира и безопасности [14, с. 539–541].

Трудные маньчжурские вёрсты

Получив концессию на постройку Китайско-Восточной железной дороги, Россия должна была в краткие сроки построить магистраль от Сретенска до Владивостока через Маньчжурию. В первую очередь надо было начать широкие изыскательские работы на новой трассе. Но все крупные инженеры путей сообщения, участвующие в сооружении Великой Сибирской магистрали, отказались от строительства Транссиба по китайской территории.

Тогда по инициативе С. Ю. Витте в сентябре 1896 года было образовано акционерное общество КВЖД. Сопред-

седателем компании от российской стороны назначили С. И. Кербедза, талантливого инженера путей сообщения. Он составил план постройки КВЖД, проекты Хинганского тоннеля и мостов через реки в зоне строительства.

Для проведения предпостроечных изыскательских работ на КВЖД из Польши, с Кавказа и из Средней Азии были направлены в Маньчжурию изыскательские партии и отряды. Руководителем изысканий был назначен А. Ю. Югович, который до этого руководил строительством Прикаспийской железной дороги. Летом 1897 года началось её сооружение. Дорога строилась частным обществом, хотя и «на паях» с китайским правительством, на деле же она являлась государственным русским предприятием.

Акционерному обществу поручалось построить от Китайского разъезда Забайкальской железной дороги до станции Маньчжурия 374 км, далее до станции Пограничная — 1 520 км, до Никольск-Уссурийска — 116 км.

Занятие Порт-Артура потребовало от русского правительства огромных затрат на строительство 1 025-километровой дороги, связавшей этот порт с КВЖД (Харбин — Дальний — Порт-Артур), на сооружение коммерческого порта Дальний, военно-морской базы и крепости в Порт-Артуре. Всего обществу предстояло проложить около 2 920 км железных дорог. В постоянную эксплуатацию КВЖД была введена в 1903 году, а в 1904 году — Южно-Китайская железная дорога до Порт-Артура [9, с. 42–43].

Проводя свою политику в Китае, Россия опиралась на Русско-Китайский банк и общество КВЖД, где содержалась созданная в 1896 году охранная стража. Подобная мера была вызвана проблемой обеспечения безопасности служебного персонала.

Путешествуя в 1876 году по территории Китая, где европейцы были редкостью, инженер-подполковник П. Ф. Унтербергер встретил настороженное, а иногда и враждебное отношение, выражавшееся в отказе предоставить место в гостинице.

«...Европеец повсюду в Китае презирается, — писал П. Ф. Унтербергер, — и если часто наружные отношения китайца к нам носят не только вежливый, но даже дружественный характер, то это в большинстве случаев только ради каких-нибудь обоюдных интересов, в душе же китаец ненавидит европейца, сознавая вполне, что под эгидой цивилизации последний стремится только эксплуатировать страну. Вошедшее в плоть и кровь китайца народное название европейца "янь-гуйцзе", т. е. "заморский черт", вполне характеризует наше положение в общественном мнении Китая» [Цит. по: 6, с. 38].

Через 20 лет враждебное отношение китайцев к европейцам не исчезло. Маньчжурские разбойники (хунхузы) облагали данью заводы, подпольные игровые дома, отдель-

ных богатых китайцев, грабили подрядчиков и население. Договор на постройку исключал возможность ввода русских войск в Маньчжурию. Поэтому решено было охранную стражу укомплектовать на началах вольного найма из казаков Европейской России.

До прибытия охранной стражи, которая формировалась в России, охрану изыскательских партий осуществляли 800 солдат сибирских стрелковых батальонов. Начальником этой охраны был назначен капитан М. А. Соковнин. Тяжёлые условия работы, холод, отсутствие мест для ночлега, а временами и отсутствие пищи вызывали ропот среди солдат. Был случай отказа идти на работы по изысканию. В начале 1898 года они были возвращены в линейные батальоны.

Кроме строившейся линии КВЖД подразделения охранной стражи занимали постами участок по реке Сунгари от Харбина до Хабаровска для охраны пароходного сообщения.

В первое время деятельность агентов дороги не встречала проявлений недоброжелательства со стороны китайцев. Но с 1898 года начались нападения хунхузов с грабительскими целями. 16 июня в районе станции Маоэршань подверглись нападению строители участка. В 1899 году произошло семь случаев нападений на служащих дороги. Пленных хунхузов стража сдавала китайским властям. Их допрашивали и судили китайские суды, а затем подвергали публичной казни. У хунхузов это вызвало озлобление. 9 июня 1899 года отряд хунхузов напал на пост охранной стражи на станции Аньда. Семь стражников погибли, строения были сожжены, железнодорожное полотно — разрушено. В качестве ответной меры осенью 1899 года был проведён ряд рейдов на удалении 50-70 км от железной дороги. Было уничтожено несколько мелких групп хунхузов и рассеян крупный отряд, готовившийся к нападению на станцию Цицикар.

Помимо стычек с хунхузами, происходили столкновения с местными жителями, которым железная дорога угрожала безработицей (лодочники, кули, курьеры и др.). В конце 1898 года у г. Чантуфу подверглась нападению партия топографов со стороны толпы китайцев численностью до 200 человек. В августе 1899 года в нападении местных жителей окрестных деревень на железнодорожных служащих. трассировавших линию близ г. Телин, принимали участие китайские солдаты со знамёнами и пушками. В октябре 1899 года произошло волнение в окрестностях г. Ляояна из-за переписи, производившейся русскими для картографических целей. Население не желало уступать своих земель обществу КВЖД. В Квантунской области при установлении границы вблизи бухты Бицзыво в феврале 1899 года толпа в 400 человек напала на казачий пост, было убито и ранено около 20 китайцев. А при отчуждении земель под г. Дальним 10 июля 1899 года население одной из деревень уничтожило контору отчуждения и захватило в плен инженеров. Также

население отказывалось платить налоги русским. Помимо того, происходили случаи порчи пути с целью кражи железнодорожных материалов. 27 марта 1900 года близ станции Сетунь Южно-Маньчжурской ветви жители села Даоутунь напали на десятника и рабочего, приехавших в деревню в сопровождении чинов охраны для розыска краденных материалов, были ранены четыре стражника.

В 1900 году участились случаи проникновения отрядов хунхузов на российскую территорию в районе станции Пограничная. В феврале 1900 года 17-я сотня охранной стражи прикрыла постами участок границы на 100 км от станции Пограничная к югу, усилив находившиеся там подразделения уссурийских казаков.

В связи с движением ихэтуаней (боксёрское восстание) приказ по линии от 28 июня 1900 года предписал немедленно снять с работ всех служащих дороги и охрану. Денежные суммы, отчётность и ценное техническое оборудование надлежало запаковать и забрать с собой. Сложность операции заключалась в том, что вместе с персоналом следовали женщины и дети, представители европейских государств, китайцы-христиане. Благодаря охранной страже большую часть строителей южной линии удалось вывезти. Успешно обеспечили и отход к российским границам 3,7 тысячи строителей западного участка дороги. Трагически сложилась судьба партии строителей, уходившей из Мукдена: почти все погибли в боях. Кроме того, охранная стража выдержала девятидневную оборону Харбина.

Большая часть дороги подверглась разрушению. Убытки были оценены в 70 млн рублей и после подавления восстания приняты к оплате китайским правительством [3].

Ввиду стратегической важности КВЖД русское правительство взяло строительство под свой контроль, а затем стало оплачивать обществу все убытки по эксплуатации.

Слабость императорской власти, настойчивое проникновение в Китай европейских государств, строительство Россией в Маньчжурии железной дороги, аренда ею части Ляодунского полуострова и начало строительства дороги в южном направлении, нарушение векового строя жизни населения — всё это не могло не встревожить его активную часть, которая энергично выступила против иностранного проникновения в страну. Таковы основные причины восстания ихэтуаней. Вначале местом действий восставших являлись южные провинции, затем они перекинулись в Маньчжурию.

22 июня 1900 года китайская армия, расположенная вдоль южной линии КВЖД, постепенно стала переходить на сторону восставших. Исследователь В. Г. Дацышен считает это датой начала русско-китайской войны в Маньчжурии.

Если это была война, то она во многом была странной, так как официально не объявлялась, хотя говорилось о театре военных действий. В короткий срок враждебные действия

по отношению к русским быстро охватили громадный район и достигли границы Приамурского края. Китайцы захватили почти на всём протяжении строившуюся КВЖД, разрушили построенные пути, станции, мосты. Знаменем борьбы за русские интересы в Маньчжурии стал Харбин, оборона которого являлась одним из важнейших событий войны.

Положение для России становилось критическим. 26 июня 1900 года последовало императорское повеление о вступлении российский войск в Маньчжурию. В правительственных сообщениях говорилось, что Россия при этом следует следующим основным началам: «Сохранение исконного государственного строя в Китае и устранение всего того, что могло бы повести к разделу Поднебесной империи» [5, с. 121]. Утверждалось, что российские войска вводятся в Маньчжурию в помощь пекинскому правительству для того, чтобы обуздать восставших. Однако сразу же стало ясно, что китайское правительство выступает заодно с восставшими.

Вся тяжесть освобождения КВЖД и северных провинций Маньчжурии легла на Приамурский военный округ во главе с его командующим генерал-лейтенантом Н. И. Гродековым — приамурским генерал-губернатором. Во многом благодаря ему в течение нескольких лет Приамурский военный округ, казачьи соединения превратились в дисциплинированное, боеспособное, умелое воинство. Приамурский военный округ, его командующий неоднократно удостаивались весьма лестных оценок военного министра А. Н. Куропаткина. Так, в его «Записке о наших действиях в Китае» говорилось: «Еще до прибытия подкреплений отряды войск Приамурского военного округа слабые числом, разъединенные значительными пространствами, но сильные энергией своих начальников, мужеством и необычайной выносливостью войск достигли в боевых своих предприятиях таких успехов, результаты коих превзошли предварительные расчеты и предположения» [Цит. по: 5, с. 122]. Уже к 20 августа, до прибытия на театр военных действий из западных российских округов основного военного контингента в составе 250 тысяч человек с артиллерией, вся магистраль КВЖД на протяжении 1 380 вёрст была освобождена приамурцами — военными и казачьими соединениями, а 23 сентября состоялось соединение передовых отрядов войск северного и южного театров войны, чем и завершилось освобождение от китайских захватчиков и южной ветви железной дороги.

Ущерб, нанесённый военными действиями строительству КВЖД, министр финансов С. Ю. Витте оценил в 70 млн рублей. В итоге КВЖД стала самой дорогой железной дорогой в мире. Прямые расходы Витте оценил не более 50 млн рублей. Но исследователи считают, что эта цифра сильно занижена, деньги в Китай летом и осенью 1900 года шли

широким потоком. Военные действия самым негативным образом отразились на Приамурском крае [5, с. 122].

В контексте темы сообщим и другие особенности обстановки в Маньчжурии. Стремясь подавить народное антиимпериалистическое восстание ихэтуаней и упрочить свои позиции в Китае, империалистические державы — Великобритания, Франция, Германия, Япония, США, Италия, Австро-Венгрия и Россия — начали вооружённую интервенцию и заняли Пекин. Как было показано выше, ввиду того что повстанцы разрушили значительную часть КВЖД и напали на русских строителей дороги, в 1900 году царское правительство ввело свои войска в Северо-Восточный Китай. Вскоре после этого русские войска были эвакуированы из Пекина, тем самым была расчищена почва для сепаратных переговоров с Китаем, которые начались в январе 1901 года. Но это уже тема отдельной статьи.

1 (14) июля 1903 года Китайско-Восточная железная дорога была открыта для общего пользования. Несомненно, она имела большое торговое и промышленное значение для всей страны и соединила Маньчжурию с цивилизованным миром.

Ранее построенные железнодорожные линии, соединяющие города Синь-минь-тинъ, Инкоу, Цзинь-чжоу-фу, Шанхайгуань, Тяньцзинь и Пекин имеют главным образом местное значение и проходят далеко не всем своим протяжением в пределах Маньчжурии.

Китайско-Восточная железная дорога, соединяясь с нашей Забайкальской железной дорогой, начинается от станции Маньчжурия и, дойдя до г. Харбина, разветвляется: на линию Харбин — Дальний с ветвями на Порт-Артур, Даляньвань и Инкоу и линию Харбин — Пограничная, примыкающую к Уссурийской железной дороге. Общее протяжение дороги — 2 854 версты, из которых главного пути — 2 391 верста. На этом протяжении имеется 98 станций, 9 тоннелей, из коих Хинганский длиною почти три версты (1 415 саженей), и 1 464 моста, из которых самым длинным является мост через Сунгари — 445 саженей.

Прямое пассажирское сообщение России с Китаем предусматривало исключительно движение скорых «Сибирских» буфетных поездов в составе спальных вагонов I и II классов. Временно согласованными на всём протяжении пути являются два поезда, отходящие из Москвы с Курского вокзала [7].

Дореволюционные газеты Владивостока пестрели публикациями о строительстве Харбина, русского города на маньчжурской земле, других станций КВЖД.

На КВЖД было более 10 станций, где исторически сложились русские общины, хотя и небольшие по численности. Жизнь русских железнодорожников проходила в завидных условиях: они имели отличное жалование,

казённые квартиры с отоплением, всевозможные привилегии. Край был богат зверем, птицей, рыбой, хлебом; жизнь была дешёвой и привольной, о какой большинство железнодорожников, приехавших в полосу отчуждения из бедных центральных и украинских губерний, не могли и мечтать. На всех станциях КВЖД и посёлках при них имелись русские школы, медицинские учреждения, церкви. Вот только два примера.

Станция Аньда располагалась на западной линии КВЖД в четырёх часах езды от Харбина. Недалеко от неё находилось русское село, жители которого в основном занимались животноводством.

Станция Чанчунь, или Куаньченцзы, — один из торговых центров Гиринской провинции, где соединялись три дороги на Гирин: русская, японская и китайская, по площади не уступала Харбину [16, с. 41].

Все поселения на КВЖД были не только опорными пунктами России, но и своеобразной витриной европейской цивилизации в Маньчжурии.

Исследуя военную политику России на рубеже XIX—XX веков в Маньчжурии через призму её геополитических интересов на Тихом океане, можно сделать ряд выводов.

Завершение строительства КВЖД ознаменовало собой решение стратегической и геополитической задачи — обретение выхода к тёплым морям Мирового океана.

Географические условия, являющиеся краеугольным камнем геополитики, определяют вектор и способ развития государств, особенно в приграничных районах.

Реализация проекта по строительству российской железнодорожной магистрали через Маньчжурию по кратчайшему расстоянию к Владивостоку исправляла недостатки географического расположения Приморского края.

Ограниченный контингент российских вооружённых сил в Маньчжурии в некоторой степени сдерживал усиление китайских войск в этом районе. Это было выгодно для России в случае ухудшения отношений с цинским Китаем.

Российское присутствие в Маньчжурии также сдерживало возможности враждебных держав по превращению этого региона в плацдарм для подготовки наступательных операций в наши Приамурье и Приморье.

Вместе с тем данное военное присутствие ещё больше обострило отношения России с Японией, которая также

имела свои военно-политические интересы в Маньчжурии. Всё это ускорило наступление Русско-японской войны.

После поражения России в Русско-японской войне южное направление КВЖД от Куаньченцзы (Чанчуня) до Даляня и Люйшуня отошло Японии и было названо Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). В 1918 году Япония ввела свои войска в район КВЖД и в 1920 году пыталась ею завладеть.

На Вашингтонской конференции 1921–1922 годов шла борьба за обладание КВЖД. Представители РСФСР и Дальневосточной республики не были приглашены на неё.

США добивались захвата господствующих позиций на КВЖД под видом её «интернационализации». Советское правительство 8 декабря 1921 года заявило протест против обсуждения вопроса о КВЖД, касавшегося исключительно Китая и Советской России. Конференция ограничилась принятием резолюций о необходимости «охраны дороги», «экономного расходования средств», а техническая подкомиссия Вашингтонской конференции вынуждена была признать, что «дорога действительно является собственностью русского правительства» [1].

В 1924 году (31 мая) по советско-китайскому соглашению КВЖД была признана чисто коммерческим предприятием, совместно управляемым СССР и Китаем. В 1929 году — военно-политический конфликт на КВЖД. После оккупации Маньчжурии Японией в 1931 году КВЖД была превращена в район антисоветских провокаций. В 1935 году СССР пришлось продать КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го за 140 млн иен.

После освобождения Маньчжурии Красной армией и поражения Японии во Второй мировой войне ЮМЖД и КВЖД по советско-китайскому соглашению от 14 августа 1945 года поступили в совместное управление СССР и Китая, получив общее название — Китайско-Чанчуньская железная дорога (КЧЖД).

14 февраля 1950 года Советское правительство безвозмездно передало правительству КНР все свои права по совместному управлению КЧЖД и всем принадлежащим ей имуществом (передача оформлена протоколом от 31 декабря 1952 года) [10].

Глядя сквозь призму прошедших лет на историю строительства и эксплуатации КВЖД, невольно приходишь к выводу: это была железнодорожная магистраль геополитических конфликтов.

Список использованных источников

- 1. Вашингтонская конференция // Дипломатический словарь. Т. 1: A–И. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва, 1984. — С. 174–175.
- 2. Вивдыч, М. А. Изыскания Амурской железной дороги в 1894—1896 годах / М. А. Вивдыч // История развития региона в документальных источниках. Третьи архивные научные чтения имени В. И. Чернышёвой: материалы межрегион. науч.-практ. конф., Хабаровск, 5 марта 2008 г. Хабаровск, 2008. С. 110–113.
- 3. Вишняков, О.В. Строительство КВЖД и предпосылки российского военного присутствия на дороге / О.В. Вишняков // Записки Гродековского музея. Вып. 13. — Хабаровск, 2006. — С. 86–91.
- 4. ДВЖД: дорога от прошлого к будущему // Тихоокеан. звезда. 2019. 9 февр.
- 5. Дубинина, Н. И. Дискуссия о русско-китайской границе в связи с военными событиями в Маньчжурии в 1900 г./ Н. И. Дубинина // Российское Приамурье: история и современность: материалы докл. науч. семинара, 24–25 нояб. 1999. Хабаровск, 1999. С. 121–122.
- 6. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер: док.-ист. повествование / Н. И. Дубинина. — Хабаровск: РИОТИП, 2008. — 399 с.
- 7. Железные дороги // Манчжурия / сост. А. Домбровский и В. Ворошилов. 2-е изд., испр. и доп. соответственно последним событиям на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург, 1904. С. 127–128.

- 8. Золотарёв, В. А. Военная безопасность Государства Российского / В. А. Золотарёв. Москва: Кучково поле, 2001. IV, 478, [5] с.
- 9. Зуев, В. Ф. Первопроходцы восточных магистралей России / В. Ф. Зуев; Приамур. геогр. о-во, Комс. отд-ние Дальневост. ж. д., Тындин. отд-ние Дальневост. ж. д. Комсомольск-на-Амуре, 1999. 447 с.
- 10. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) // Приморский край: крат. энциклопед. справ. Владивосток, 1997. С. 232.
- 11. Лисицын, А. А. Дальневосточная железная дорога в период её становления (1891–1917) / А. А. Лисицын. Хабаровск: ДВЖД фил. ОАО РЖД, 2017. 254 с.: ил., портр.
- 12. Мелихов, Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая / Г. В. Мелихов. Москва : Наука, 1991. 319 с.
- 13. Мясников, В. С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв./В.С. Мясников; Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока; Приамур. геогр. о-во. Хабаровск: Б. и., 1997. 543, [16] с.
- 14. Русско-китайские договоры и соглашения // Дипломатический словарь: в 2-х т. Т. 2: Л–Я. Москва, 1950. С. 53–543.
- 15. Транссибирская магистраль // Приморский край: краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 482.
- 16. Хисамутдинов, А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет [Текст] / А. А. Хисамутдинов. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 639 с.

Материал поступил в редакцию 01.03.2022.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, председатель Приамурского географического общества, почётный гражданин города Хабаровска (г. Хабаровск).

ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КНИГИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 20-E – 30-E ГОДЫ XX ВЕКА

Статья рассказывает о формировании системы книжной торговли на российском Дальнем Востоке в 1920-е — 1930-е годы, о создании Дальневосточно-Сибирского акционерного общества книгоиздательства, книжной и писчебумажной торговли «Книжное дело». «Книжное дело» было советским акционерным предприятием, созданным в период НЭПа.

Ключевые слова: НЭП, книгораспространение, книжная торговля, книжные магазины, акционерное общество «Книжное дело», Дальний Восток.

Keywords: New Economic Policy (NEP), book distribution, book trade, bookstores, joint-stock company "Knizhnoe delo", Far East.

стория книгораспространения, книжной торговли является неотъемлемой частью истории культурной жизни страны, региона. Книгораспространение выступает важнейшей отраслью книжного дела, обеспечивающей доведение книжной продукции до потребителя. В 1920-х – начале 1930-х годов закладывались основы советской книжной торговли, которая рассматривалась как составная часть партийной и государственной работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, проблемы реализации книжной продукции брало на себя государство. Формировалась система книгоиздания и книгораспространения в масштабах страны, тогда же были заложены основы организационно-пропагандистской работы с книгой, велись поиски новых путей и форм продвижения книги к читателю.

С первых лет советской власти была принята принципиально новая позиция государства по отношению к просвещению населения с помощью пропаганды чтения и распространения доступных книг, все издательства, типографии, бумажные фабрики и другие полиграфические предприятия были переданы государству. Советские издательства выпускали массовыми тиражами и по доступным ценам издания, отражающие потребности строительства нового общества, были заложены основы книгопроизводства, которые просуществовали до конца XX века [2].

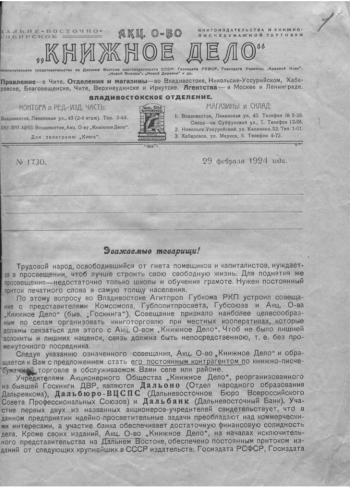
В Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) собрано большое количество документов, раскрывающих историю создания в советское время государственной системы книжной торговли в самом восточном регионе страны, о приоритетах идеологической и культурно-просветительной работы над получением экономической прибыли.

После окончания Гражданской войны, освобождения от иностранной интервенции, ликвидации Дальневосточной республики Дальний Восток вошёл в состав РСФСР, была образована Дальневосточная область (ДВО), в 1926 году она была упразднена и образован Дальневосточный край (ДВК). Первоочередными задачами были восстановление разрушенного хозяйства, стабилизация политической и экономической ситуации, развитие экономики региона, создание военно-промышленного потенциала. Однако без подъёма культуры, ликвидации неграмотности, введения обязательного начального, а затем и семилетнего образования, подготовки кадров для народного хозяйства, просветительной работы решение данных задач было крайне затруднительным. Самым главным подспорьем в этом была книга, необходимо было наладить каналы снабжения книжной продукцией всего Дальнего Востока, всех самых широких слоёв населения региона, сделать её доступной.

С принятием новой экономической политики (НЭП) произошли коренные изменения в книжном деле страны, началась перестройка организационных и экономических

основ издательской и книготорговой систем, была введена платность произведений печати, допущен частный капитал в данную отрасль, ряд издательств перешёл на хозрасчёт и другое. Стали создаваться территориальные издательско-книготорговые объединения, акционерные общества, денежные средства которых состояли из взносов партийных, государственных и общественных организаций, такие как Сибкрайиздат, Уралкнига, Средазкнига и проч.

В соответствии с новыми задачами и новыми требованиями руководством Дальнего Востока было принято решение ликвидировать Госкнигу¹ и создать единое предприятие, занимающееся полиграфической, книгоиздательской и книготорговой деятельностью. Дальревком — главный орган государственной власти на Дальнем Востоке, ознакомившись с уставом будущего акционерного общества «Книжное дело», не только одобрил этот документ и препроводил его в Главный концессионный комитет страны, но и своим постановлением от 2 октября 1923 года

Обращение акционерного общества «Книжное дело» к трудящимся об организации книготорговли при местных кооперативах [3].

¹ Госкнига — государственное торгово-промышленное предприятие, действующее на коммерческих началах и подчиняющееся Министерству просвещения Дальневосточной республики.

разрешил Дальневосточно-Сибирскому акционерному обществу книгоиздательства, книжной и писчебумажной торговли «Книжное дело» открыть свою деятельность с 1 октября 1923 года. Устав был утверждён позже — 8 февраля 1924 года, а регистрация общества состоялась только 26 февраля 1925 года [4, л. 131–132].

Акционерами, то есть учредителями, общества «Книжное дело» стали Дальневосточный отдел народного образования (ДальОНО), Дальневосточное бюро ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов), Дальбанк. Участие первых двух акционеров свидетельствовало о том, что в данном предприятии идейно-просветительные задачи преобладали над коммерческими интересами, а участие банка обеспечивало достаточную финансовую солидность дела [3].

Председателем правления общества стал М. Н. Малышев, заведующий ДальОНО, членами правления — К. Я. Лукс, В. И. Шиляев. Обязанности были распределены следующим образом: М. Н. Малышев обеспечивал представительство и общее руководство работой общества и заведывание издательской работой, К. Я. Лукс ведал административной и финансовой работой, был заместителем председателя, В. И. Шиляев отвечал за торговые операции и наблюдал за Читинским отделением.

Правление поначалу располагалось в Чите, затем переехало в Хабаровск, который к тому времени стал административным центром Дальневосточной области. Самостоятельные отделения общества были открыты в городах Благовещенске, Владивостоке, Чите, агентства — в Москве, Ленинграде, было запланировано открытие агентства в Харбине. Из ведения ликвидированного государственного предприятия Госкнига обществу «Книжное дело» были переданы действовавшие книжные магазины в городах Благовещенске, Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), Владивостоке, Никольск-Уссурийске (ныне Уссурийск), Хабаровске, Чите.

Сеть предприятий и контрагентств акционерного общества «Книжное дело» [4, л. 134].

Акционерное общество «Книжное дело» ставило своей задачей развитие просветительного дела путём планомерной организации снабжения книгой и предметами школьного оборудования широких слоёв населения, а также снабжения писчебумажными и канцелярскими товарами [5]. Главными задачами акционерного общества в области книгораспространения были, во-первых, поддержание всей торговой и административной деятельности переданных новому обществу существовавших торговых предприятий, во-вторых, распространение сети книготорговли из губернских центров на уездные и другие крупные населённые пункты, обеспечение продвижения книги в деревню, в-третьих, установление одинаковых расценок на книги во всех торговых предприятиях общества.

Для выполнения главной задачи — продвижения книги к массовому читателю — «Книжное дело» принимало следующие меры: были сделаны большие скидки при оптовой продаже: для губернских отделов народного образования — 26-30%, государственным учреждениям и организациям от 5 до 30%, школам — 5%, кооперативам — 10%, вводилось широкое кредитование. Был разработан план реализации книжных залежей, доставшихся от Госкниги, все книги подлежали уценке. Была организована широкая рекламная работа, рассылались книжные каталоги, комплектовались библиотечки на льготных условиях. Во Владивостоке был открыт магазин «Книжный базар», где по значительно сниженным ценам продавались книги прошлых лет изданий, общественным организациям и коллективным покупателям делалась ещё большая скидка. Для продвижения книги в сельскую местность активно использовали кооперацию, избы-читальни, клубы, учительство, органы народного комиссариата почт и телеграфа. В качестве эксперимента были изменены часы работы книжного магазина в Чите, которые совпадали с часами работы советских служащих: вместо распорядка торговли с 8 до 16 часов, магазин стал работать с 9 до 17 часов.

Благодаря таким мерам «Книжное дело» достигло значительных успехов уже в первый год работы, сеть книжных магазинов была увеличена с 6 до 20. В Приморской губернии три магазина работали во Владивостоке, по одному в Никольск-Уссурийске и Спасске; в Забайкалье — три в Чите и по одному в уездных городах Нерчинске, Сретенске, Петровском заводе; в Амурской области магазины были в Благовещенске, Свободном, Бочкарёво. Магазины действовали в Верхнеудинске, Иркутске, Хабаровске, Харбине [4, л. 133–133 (об.)].

Так были решены первые две задачи, для разрешения третьей была установлена продажа книг по издательскому номиналу во всех магазинах, независимо оттого, что торговля книгами при дороговизне провоза и в силу ряда

неблагоприятных географических и климатических обстоятельств была заведомо убыточной. Снижение себестоимости книжной продукции стало положительным фактором, так как давало возможность приобретения литературы мало-имущим гражданам.

В августе 1924 года общество «Книжное дело» заключило договор с Госиздатом РСФСР, в соответствии с которым имело право на исключительных началах распространять издания Госиздата РСФСР на территории региона. Этот договор также позволял распространять издания по региону ряда крупнейших издательств страны, таких как «Красная новь», «Новая деревня», «Новая Москва» и других. Однако книг оставалось крайне недостаточно, насытить огромный покупательский рынок не удавалось. Поэтому руководством акционерного общества было принято решение закупать литературу в других регионах страны, агенты общества отправились в Минск, Нижний Новгород и другие города СССР.

В 1924 году «Книжное дело» было включено в Объединение советских и партийных издательств, Центральное бюро советских и партийных издательств изучило издательский план дальневосточного общества и признало его соответствующим основным нуждам и потребностям дальневосточников, что было серьёзным достижением в признании акционерного общества.

Правление «Книжного дела» налаживало и поддерживало тесные связи с партийными и советскими органами, заключало договоры о снабжении книгами, учебниками с губисполкомами, губОНО, для продвижения книги в сельскую местность тесно работало с кооперативами, приняло на себя культурное шефство над дальневосточными подразделениями РККА.

Общество передавало в воинские части и соединения книги, бесплатно комплектовало фонды сотен армейских библиотек. Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности в армии. Если ко времени призыва в армию 30% молодых людей было неграмотными, то при мобилизации отмечалась не только поголовная грамотность, но и сформированная у более чем 70–75% демобилизованных воинов привычка к постоянному чтению. Каждый уволенный в запас красноармеец увозил с собой по маленькой библиотечке из 10–15 книг, а члены партии и комсомола, как наиболее сознательные и подкованные, по 30–40 книг.

Снабжение учебной литературой всех школ региона также было возложено на акционерное общество «Книжное дело», были заключены договоры с ДальОНО, окружными отделами народного образования, губернскими исполкомами, в соответствии с которыми «Книжное дело» приняло на себя обязанности по закупке учебников, учебных пособий, канцелярских принадлежностей и снабжению ими всех школ и других просветительных учреждений. К 1926/27 учебному

году положение с учебниками более или менее стабилизировалось, наилучшим средством продвижения учебников и канцтоваров в школы стали ученические кооперативы, которые помогали разгрузить магазины от мелкой, копеечной продажи. Школьные кооперативы начали активно создаваться с 1923 года, «Книжное дело» под поручительство ДальОНО отпускало им товары в кредит. Вступительный взнос в кооператив был доступным для школьников — 5 копеек, 20 копеек составлял ежегодный паевой взнос. Особенно разветвлённая сеть школьных кооперативов была на Уссурийской железной дороге. Большая статья о них была опубликована в 12 номере газеты «Просвещение на Дальнем Востоке» за 1925 год. Почти во всех школах на станциях и в населённых пунктах вдоль железной дороги действовали школьные кооперативы, в них было вовлечено более 50% школьников, торговый оборот был до 1 000 рублей, школьные кооперативы распространяли книги и канцтовары и среди местного населения. К 1926 году на Дальнем Востоке действовало более 200 школьных кооперативов, которые охватывали 11 тысяч человек.

«Книжное дело» продолжало наращивать количество книжных магазинов, охватывая всё новые и новые населённые пункты, открывались магазины в Николаевске-на-Амуре, Завитой, на Северном Сахалине, было запланировано открытие магазина на Камчатке. Налаживался книгообмен с Сибирью, «Книжное дело» заключило соглашение с акционерным обществом «Международная книга» для выписки заграничной литературы по просьбам заказчиков.

К 1929 году книготорговая сеть общества состояла из 23 магазинов: 4 центральных — в Благовещенске, Владивостоке, Хабаровске и Чите, магазины-филиалы в Александровске-на-Сахалине, Имане (ныне Дальнереченск), Николаевске-на-Амуре, Нерчинске, Сретенске, ст. Рухлово (Сковородино), ст. Даурия и другие. Помимо книжных магазинов, сбыт литературы проводился через посредническую сеть, состоявшую из около 200 полок при сельпо (магазин-кооператив сельского потребительского общества), через 20 постоянных книжных полок при воинских частях, через киоски Госиздата. Через сельпо книги продвигались с большим трудом, большинство полок при них оставались бездеятельными, редко которые из них давали реальную прибыль, больше было таких, оборот которых исчислялся рублями.

Общество искало всё новые формы продвижения книги, небольшая торговая сеть при огромных дальневосточных пространствах требовала активного использования внемагазинных методов работы. Устраивались ежемесячные выставки книг с их продажей во всех городах ДВО, которые чаще всего приурочивались к районным, городским партийным, профсоюзным совещаниям, собраниям и конфе-

ренциям. Все отделения общества и магазины принимали самое активное участие в проведении Всесоюзных дней книги. Планировалось как открытие книжных киосков на предприятиях, так и выезды с ассортиментом литературы по организациям и предприятиям. В магазинах витрины оборудовались специальными выставочными щитами, полками и макетами. Реклама в прессе включала обязательную информацию о книгах с подробными аннотациями.

Несмотря на достигнутые успехи, акционерное общество не могло удовлетворить всё возрастающий спрос на книжную продукцию. В 1925-1926 годах проданная литература распределялась следующим образом: партийно-политическая, экономическая — 25-30%, беллетристика — 12-15%, детская — 10%, учебники — 30%, техническая — 5%, массовая — 5-6%, прочая — 5%. Спрос же был следующим: партийно-политическая, экономическая — 30%, детская — 15%, учебники — 40%, прочее — 15%. Общая ёмкость рынка, по подсчётам специалистов общества, составляла 750-800 тысяч рублей. Недостаточный объём собственной издательской продукции, невыполнение планов и договорных обязательств Госиздата РСФСР, других издательств не позволяли полностью насытить книжный рынок региона. Госиздат РСФСР в 1925–1926 годах отправил на Дальний Восток литературы всего на 114 тысяч рублей [1, л. 102–103].

Правление акционерного общества пришло к выводу, что книжная торговля — убыточное дело и не может существовать без торговли писчебумажными и канцелярскими товарами. Причины убыточности были как объективными, так и крылись в деятельности общества. Среди объективных причин были следующие: 1) дальность расстояний от центральных издательств (издания находились в дороге до полутора месяцев, а до Николаевска-на-Амуре, Сахалина, Камчатки — до трёх месяцев) и вытекающий из этого дорогой тариф (12% по отношению к общему товарообороту); 2) неосвобождённость книжной торговли «Книжного дела» от уплаты уравнительного и гербового сборов (до 2% к общему товарообороту); 3) необходимость делать большие скидки покупателям (до 8%); 4) значительные расходы на помещения и аппарат. Среди внутренних причин были такие, как: значительная затоваренность малоходовыми и неликвидными книгами, доставшимися от Госкниги, которые потеряли свою актуальность и товарный вид, и, как следствие, медленная обращаемость капитала [4, л. 141-141 (об.)]. В 1924-1925 годах убыток по книготорговле выразился в 12,85% к обороту, в сумме 80 000 рублей, не считая книжных залежей [1, л. 102].

Для изменения ситуации на местном книжном рынке, усиления книжной торговли на востоке страны необходимо было хорошо изучать рынок, знать потребности покупателя, уметь выписывать и вовремя получать требуемые издания,

привлекать к себе постоянного покупателя аккуратностью, держать потребителя в курсе всех новинок, учитывать потребности образовательных учреждений. Для упорядочения состояния книготорговли были предприняты следующие меры: сокращена книгопроводящая сеть (ликвидированы Иркутское, Верхнеудинское, Хабаровское, Харбинское отделения и ряд нерентабельных магазинов, в том числе на Сахалине и Камчатке); прекращено кредитование частных предпринимателей; начато издание литературы, пользующейся большим спросом, такой как актуальные учебники, краеведческие издания. Выходили книги следующих серий: «Библиотечка дальневосточного крестьянина», «Библиотека сельского хозяина ДВО», тематические выпуски «Животный мир», «Человек», «Транспорт и строительство», книги историко-революционного, учебного, научного характера.

По техническому исполнению издания общества занимали одно из лучших мест в стране, по дешевизне выпускаемых книг — 8 место среди 32 самых крупных издательств СССР [1, л. 103]. Был введён новый порядок снабжения, когда сами отделения и магазины заключали договоры с центральными издательствами и книжными складами и заказывали необходимую литературу. Был выполнен план по ликвидации книжных залежей и приняты меры к недопущению дальнейшей затоваренности. Принято решение уделять больше внимания вопросам подборки и закрепления кадров, правильной расстановке сил в книготорговой сети, проводить работу по повышению квалификации. Для этого организовывались обучение на местах, командировки для стажировки в образцовые предприятия, стипендиатов направляли на учёбу в книжный техникум в Москву, повышались оклады книготорговым работникам по мере совершенствования их квалификации и улучшения работы предприятий.

Принятые меры значительно изменили состояние книжной торговли, вывели её из кризиса, акционерное общество обслуживало центральные районы, города региона на 90%, но проблемы со снабжением сельского населения, отдалённых северных районов оставались острыми.

План 1929 года был перевыполнен, потребление книги на душу населения выросло почти в два раза по сравнению с серединой 1920-х годов. Реализовано было литературы центральных издательства — 52,4%, издательства «Книжное дело» — 4,2%, учебников центральных издательств — 19,3%, своего издательства — 18,4%, наглядных пособий — 5,7%.

План 10 месяцев 1930 года был выполнен на 3 769 тысяч рублей, из них по сектору культтоваров — на 93%, по канцтоварам — на 99,4%, по книгам — на 74,9%. Реализованная книжная продукция распределялась следующим образом: учебники — 50%, художественная литература — 25%, политическая — 15%, «кампанейская» — 10% [6, л. 14].

Постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя», принятое в 1928 году, поставило задачу коренной перестройки книгоиздания и книгораспространения в условиях социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Постановлением Совнаркома РСФСР от 12 сентября 1929 года акционерное общество «Книжное дело» было реорганизовано, стало обеспечивать книгой только Дальний Восток, а с Сибирью вести книгообмен. В июле 1929 года было принято постановление «О работе Госиздата РСФСР и объединении издательского дела», в котором было сказано, что задачи социалистической реконструкции требуют организационной перестройки книгоиздательского дела. В соответствии с этим постановлением «Книжное дело» было ликвидировано. Было создано Дальневосточное отделение ОГИЗа (Объединение государственных книжно-журнальных издательств), которому передали актив и пассив «Книжного дела». Распространением книги стал заниматься Центр книжно-журнального распространения — Книгоцентр.

Помимо акционерного общества «Книжное дело», книжной торговлей на Дальнем Востоке занимались магазины ряда центральных издательств, таких как «Двигатель», «Транспечать», «Молодая гвардия», в Чите был магазин

Дальцентросоюза. Контрагентство печати имело свою книготорговую сеть на Уссурийской железной дороге, состоявшую из 11 киосков. Кроме того, на территории региона действовали частные книжные магазины, оборот которых составлял мизерные показатели. Всего в данных о книготорговой сети СССР на Дальнем Востоке в середине 1920-х годов насчитывалось свыше 35 книготорговых предприятий.

В период 1923-1930 годов на Дальнем Востоке основной книготорговой организацией было акционерное общество «Книжное дело», которое целенаправленно претворяло в жизнь задачи, поставленные перед ним руководством Дальневосточной области, а далее — Дальневосточного края, в том числе по ликвидации неграмотности, приобщению народа к книге, чтению, содействию решению народно-хозяйственных задач в регионе. В целом книготорговая система в эти годы была ориентирована на реальный покупательский спрос, однако о полном охвате населения Дальнего Востока книгой говорить нельзя. Регион имел крайне ограниченный книжный рынок, оставался высок процент неграмотных, были недостаточными материальные возможности населения. Однако в этот период удалось заложить основы для дальнейшего развития государственной системы книгоиздания и книготорговли.

Список использованных источников

- 1. Доклад о книготорговой деятельности акционерного общества «Книжное дело» // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 40. Л. 99–103.
- 2. Иванов, С. О книге с горечью и надеждой: книгоиздание в СССР и РФ / С. Иванов. Текст: электронный // Одно-классники: социальная сеть. URL: https://ok.ru/politepeople/topic/71264769832401.
- 3. Обращение акционерного общества «Книжное дело» к трудящимся об организации книготорговли при местных кооперативах // ГАХК. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- 4. Объяснительная записка к отчету акционерного общества «Книжное дело» за 1-й 1923/24 операционный год // ГАХК. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 2. Л. 129–152.
- 5. Операционный план предприятий акционерного общества «Книжное дело» на 1924/25 хозяйственный год// ГАХК. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
- 6. Оценка структуры и выявленные недочеты в работе отдельных частей аппарата «Книжное дело» // ГАХК. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–21.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 22.12.2021.

Сведения об авторе: Ходжер Елена Григорьевна, ведущий архивист сектора по работе с пользователями архивной информации Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: oip@archiv.khv.ru; тел. (4212) 32-66-97 (доб. 105).

ХАБАРОВСКИЙ ПОХОД 1921–1922 ГОДОВ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ, ЗАНЯТОЙ БЕЛОПОВСТАНЦАМИ

Статья посвящена изучению политического положения на территории, занятой белоповстанцами зимой 1921—1922 годов. Основное внимание уделено освещению Хабаровского похода в официальном правительственном органе, организации политической жизни в занятых районах и поездке делегации Приамурского Народного собрания в Хабаровск.

Ключевые слова: Хабаровский поход, Временное Приамурское правительство, белоповстанцы, Дальневосточная республика.

Keywords: Khabarovsk campaign, Provisional Amur government, white insurgents, Far Eastern Republic.

оевые действия вооружённых сил Временного Приамурского правительства, сражавшихся под названием «белоповстанцы», и Народно-революционной армии Дальневосточной республики 1921–1922 годов известны как Хабаровский поход. Наиболее подробным исследованием, посвящённым ему, до настоящего времени остаётся труд его участника — поручика Б. Б. Филимонова — «Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов». Разные аспекты истории Хабаровского похода изучены в работах Ю. Н. Ципкина [22], Н. П. Бучко [4], В. Ж. Цветкова [21], Ф. А. Попова [15] и других исследователей. Оставили воспоминания и участники похода, в том числе глава белоповстанцев генерал-майор В. М. Молчанов, полковник П. П. Петров.

Хабаровский поход начался в конце ноября 1921 года и закончился возвращением белоповстанцев за установленную линию, занимаемую японскими войсками, в апреле 1922 года. О подготовке к походу осенью 1921 года не имели представления ни депутаты парламента Приамурского государственного образования — Приамурского Народного собрания, ни члены высшего исполнительного органа власти — Совета управляющих ведомствами, ни даже некоторые члены правительства (Е. М. Адерсон и И. И. Еремеев). Как отмечает близкий к главе Временного Приамурского правительства С. Д. Меркулову депутат Народного собрания С. П. Руднев, «поход был делом исключительно братьев Меркуловых и каппелевского командования... Только через несколько лет, уже в Китае... я узнал, что вся эта авантюра была делом небольшого круга безответственных японцев» [19, с. 424]. Возглавивший белоповстанцев генерал-майор В. М. Молчанов указывал, что решение о походе было политическим и разрабатывалось в штабе управляющего военно-морским ведомством генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого [4, с. 78].

Официальная правительственная версия зарождения и хода белоповстанческого движения публиковалась в начале 1922 года в «Вестнике Временного Приамурского правительства». Статьи вышли под названиями «Белоповстанческое движение в Приморье» и «Повстанческое движение в Приамурье».

Правительство сообщало, что белоповстанческое движение началось в ноябре 1921 года с Сучана. Особо отмечалось, что при занятии населённых пунктов крестьяне присоединялись к повстанцам. 23 ноября 1921 года белоповстанцы заняли Анучино, тем самым полностью освободив территорию Временного Приамурского правительства от партизанских большевистских отрядов. После Анучино белоповстанческое движение перенеслось на территорию Дальневосточной республики. Правительство указывало, что «крестьяне многих деревень берут в свои руки инициативу борьбы, так, крестьяне сел Ракитного и Котельникова

присоединились к оперировавшему в этом районе белому отряду, наголову разбили выступивший против них красный карательный отряд» [1, с. 1]. По версии правительства, крестьяне отказывались от мобилизации в Народно-революционную армию Дальневосточной республики и группами переходили в расположение повстанцев.

4 декабря 1921 года повстанцы взяли Иман. «Вестник Временного Приамурского правительства» отмечал, что местное население самостоятельно организовывало отряды для борьбы с красными. Так, в районе Владимиро-Александровска отряды создавались под руководством старых унтер-офицеров. Правительство указывало, что после освобождения территорий от большевиков «жизнь входит в нормальную колею». В качестве примеров сообщалось, что на Сучане шахтёры приступили к работе, а после освобождения Имана на следующий день было восстановлено железнодорожное сообщение [1, с. 2].

Полковник П. П. Петров перечислял следующие проблемы занятия территории до Хабаровска: усиление агитации большевиков в тылу; необходимость оставлять гарнизоны для охраны занятой территории; расходы на восстановление железной дороги, мостов и других сооружений; снаряжение, обмундирование и средства на содержание армии, которые Временное Приамурское правительство не могло выделить в необходимом количестве по той причине, «что все рассчитано было на партизанский набег» [11, с. 218].

22 декабря 1921 года белоповстанцы захватили Хабаровск. На следующий день указом № 59 правительство объявило военное положение на территории к северу от станции Уссури с пятивёрстной полосой по обе стороны от границ полосы отчуждения, включающей Иман и другие поселения. Обязанности по охране государственного порядка и общественного спокойствия на указанной территории возлагались на командира 3-го стрелкового корпуса генерал-майора В. М. Молчанова или его заместителя по должности. В указе же сообщалось, что «доведенное до отчаяния игом советской власти население некоторых районов Приморья, будучи не в состоянии переносить дальше режим насилий, произвола и реквизиций, с оружием в руках восстало против угнетателей и свергло ненавистную власть» [20, с. 1; 21, с. 875–876].

Политическая ситуация в Хабаровске в тот период, когда его контролировали белоповстанцы, подробно представлена в интересном источнике — отправленном хабаровскими эсерами Кандиано, Я. Е. Василенко и И. А. Плехановым сообщении в Дальневосточное бюро Всесибирского краевого комитета партии социалистов-революционеров, датируемом февралём — октябрём 1922 года. Эсеры в первую очередь отметили «удивительно выдержанную линию» В. М. Молчанова и начальника штаба полковника Ловцевича по отноше-

нию к горожанам. При занятии Хабаровска белоповстанцы быстро восстановили образцовый порядок и искоренили преступность. Отсутствовали аресты и массовые обыски, представители левых партий не подвергались гонениям, к пленным относились гуманно [8, л. 16]. Новая власть платила за мобилизуемые для перевозки военного груза крестьянские подводы по одной йене в день, предоставляя извозчикам и лошадям продовольствие и фураж.

В воззваниях за подписью В. М. Молчанова использовались демократические лозунги, вплоть до термина «трудовой народ». Эсеры подмечали: «К публике в городе и к крестьянам в деревне проявлялась внимательность и джентльменство... Антикоммуниствующий мещанин от радости готов был продать последнее белье и поставить святым угодникам свечку в благодарность за избавление от большевиков» [8, л. 16–16 (об.)]. Приводились сведения и об исключении члена городской организации Туманова, начавшего агитировать за активное содействие белоповстанцам.

«Либерализм» белоповстанцев продолжался вплоть до приезда представителей «информационного отдела», но и эсеры отмечали, что «меркуловская охранка со скромным именем "информационного отдела" была значительно скромнее ДВРовской "красавицы" ГПО и в такой степени население не терроризировало» [8, л. 16 (об.)]. Белоповстанцы восстановили избранную в 1919 году городскую думу. Началось восстановление городского хозяйства. Правительство назначило особоуполномоченного по Хабаровскому району, им стал Д. П. Ступин [22, с. 101–102]. Как отмечают Н. П. Бучко и Ю. Н. Ципкин, пропагандистские материалы белоповстанцев отличались религиозным фанатизмом, национализмом и антисемитизмом. Издавались газеты «Приамурский край», «Белоповстанец», «Назад» [3, с. 219–220].

Несмотря на пропагандистскую информацию о благополучном ходе Хабаровского похода, находились лица, подвергавшие сомнению правительственные сообщения. 11 января 1922 года правительство приняло постановление № 126 о применении к лицам (в постановлении они назывались «изменники национального дела Возрождения России»), распространявшим ложные слухи о беспорядках, грабежах, убийствах и проч. после «занятия армией правительства г. Хабаровска», действие указа от 13 октября 1921 года № 49 [16, с. 1]. Указ восстанавливал действие Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (1881 г.).

Парламентарии желали лично увидеть обстановку в занятых белоповстанцами землях. В середине декабря 1921 года некоторые депутаты отправилась в близлежащие районы, причём часть их, в частности отец И. Кудрин, считали

нецелесообразным создание парламентской делегации по принципу пропорциональности [15, с. 564]. 21 декабря из Имана возвратились депутаты во главе с В. П. Донченко и вечером того же дня прочитали доклад Совету съезда несоциалистических организаций [6, с. 2]. На заседании Приамурского Народного собрания 23 декабря В. П. Донченко сообщил, что он был послан на Иман от Совета съезда и не именовал себя делегатом от Народного собрания [9, с. 2].

24 декабря 1921 года парламентарии избрали комиссию для приветствия населения в местностях, освобождённых от коммунистов, в составе В. Г. Болдырева, К. Т. Лихойдова, В. П. Донченко, С. Т. Улитина и И. В. Пашкеева [2, с. 453]. 5 января 1922 года делегация выехала из Владивостока. Депутаты планировали устроить публичные доклады о работе парламента в первую сессию в Спасске, Имане, Хабаровске и других населённых пунктах [10, с. 3]. Во время поездки местные жители неоднократно в разговорах с членами делегации говорили о необходимости возобновления функционирования железной дороги как средства восстановления хозяйственно-экономической жизни Приморья. По прибытии в Хабаровск делегация отметила лучшее, чем во Владивостоке, содержание улиц в городе [5, № 21, с. 3].

Генерал-майор В. М. Молчанов принял делегацию на следующий день после её приезда — 14 января 1922 года. Председатель делегации приветствовал белоповстанцев от имени Народного собрания. Узнав о необходимости вернуться во Владивосток, делегация отменила запланированные мероприятия (поездки по фронту, выступления и проч.) [18, № 23, с. 3]. 15 января делегация Народного собрания приняла участие в торжественном заседании Хабаровской городской думы. Председатель делегации Донченко рассказал собравшимся о политической обстановке в Приморье с момента несоциалистического переворота. Выступивший депутат Народного собрания генерал-лейтенант В. Г. Болдырев рассказал о задачах парламента, а С. Т. Улитин затронул тему отношения населения к коммунистам [18, № 24, с. 3]. 24 января делегация вернулась во Владивосток [14, с. 3]. Как сообщил на заседании Народного собрания вернувшийся из Хабаровска В. Г. Болдырев, «население осторожно. Вы не видите в нем желания к активному участию, вы не видите в нем энергии к новым начинаниям. Оно сосредоточилось, оно молчит, оно ждет» [18, № 28, с. 3].

Кроме депутатов в начале января в поездку по захваченной белоповстанцами территории отправились члены правительства Н. Д. Меркулов и Е. М. Адерсон [12, с. 3].

В конце января 1922 года в «Вестнике» вышла статья «Повстанческое движение в Приамурье». В ней говорилось, что жители Хабаровска «с восторгом приветствовали освободителей». Горожане жертвовали армии продукты, фураж и занялись организацией добровольной дружины. Белопо-

встанцы захватили корабли Амурской речной флотилии. Как отмечалось в статье, «кроме чисто военного успеха, овладение Хабаровском имело большое значение в смысле развития антикоммунистических идей у крестьянского населения». Крестьяне не только воспрянули духом, но и начали активную борьбу с красными отрядами [13, № 5, с. 3].

Продолжение статьи вышло 31 января 1922 года. В нём содержалась информация о налёте отряда Д. И. Бой-ко-Павлова 12 января на Хабаровск. Сообщалось, что попытка красных партизан провалилась и они потеряли убитыми 111 человек из отряда числом около 300 человек [13, № 6, с. 3]. Отмечалось, что после освобождения от войск Дальневосточной республики местностей к власти подчас приходили неподготовленные местные деятели, которые к тому же оставались на местах при коммунистах [10, с. 3]. Последнее уточнение говорило о существенных проблемах с кадрами на местах.

Пример жизни территорий, вошедших в состав Приамурского государственного образования, показывает Иман. Как указывалось в несоциалистической прессе, с появлением денег крестьяне Иманского уезда стали подвозить продукты сельского хозяйства (до этого момента существовал товарообмен) в город. Заработал завод Скидельского. В начале января 1922 года планировалось провести выборы в городскую думу Имана [10, с. 3]. В занятых белоповстанцами районах восстанавливалась деятельность крестьянских кооперативов [12, с. 2].

Важным моментом включения населения новых территорий в политическую жизнь Приморья должно было стать избрание новых депутатов в Приамурское Народное собрание. В середине января особоуполномоченный Временного Приамурского правительства по Хабаровску Д. П. Ступин сообщил, что выборы в Народное собрание в городе решено отложить [5, № 13, с. 3]. Выборы смогли произвести только в Имане. Кандидаты представляли Национальный комитет, Союз домовладельцев и профсоюз. Депутатами стали представители Иманского Национального комитета [7, с. 4]. Поражение белоповстанцев под Хабаровском и их

постепенный уход в Приморье означал и крушение всех введённых властных институтов правительства.

9 апреля 1922 года вышло официальное обращение правительства к офицерам и солдатам белоповстанческих отрядов. В нём указывалось, что лозунг белоповстацев — «За Всероссийское Учредительное собрание». Отдав дань уважения армии: «Вы — горсточка русских героев, чудо-богатыри, верные и честные сыны своей Великой Родины — во главе с своим вождем генералом Молчановым в неравной борьбе с численно превосходящим Вас врагом проявили чудеса беззаветной храбрости и беспредельной жертвенности», правительство перечислило причины провала Хабаровского похода: злостная работа антинациональных и антигосударственных сил и политических групп, а также преступная бездеятельность ответственных лиц в тылу [17, с. 1].

Таким образом, Временное Приамурское правительство в официальном печатном органе отмечало, что население занятых белыми отрядами территорий самостоятельно организовывалось и добровольно присоединялось к белоповстанцам. В «Вестнике» публиковалась информация о налаживании мирной жизни, восстановлении экономики. После взятия Хабаровска правительство на всей занятой территории объявило военное положение. Первоначально в Хабаровске генерал-майор В. М. Молчанов установил «образцовый порядок», что признали и эсеры. Возобновила деятельность избранная в 1919 году городская дума. При этом население не спешило вступать в ряды белоповстанцев, а правительство отказалось от проведения мобилизации.

В начале января в Хабаровск отправилась делегация Народного собрания с целью узнать положение на фронте и в занятых местностях. Особое внимание депутаты обращали на повседневную жизнь населения. Делегация смогла выступить на заседании Хабаровской городской думы. После возвращения во Владивосток В. Г. Болдырев информировал парламентариев о пассивности населения. Запланированные выборы в Народное собрание из всей занятой местности прошли только в Имане.

Список использованных источников

- 1. Белоповстанческое движение в Приморье // Вестн. Времен. Приамур. правительства. 1922. 4 янв. № 1.
- 2. Болдырев, В. Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / В. Г. Болдырев; под. ред., с предисл. и примеч. В. Д. Вегмана. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
- 3. Бучко, Н. П. Агитация и пропаганда в политике антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке в годы гражданской войны 1918–1922 гг. / Н. П. Бучко, Ю. Н. Ципкин // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. 2014. № 3 (34). С. 213–222.
- 4. Бучко, Н. П. «Последний белый генерал»: политический портрет генерала В. М. Молчанова / Н. П. Бучко // Теория и практика обществ. развития. 2015. № 5. С. 75–79.

- 5. В Народном собрании // Русское дело. Владивосток, 1922. № 13 (21 янв.) ; № 21 (31 янв.).
- Возвращение делегации // Слово. Владивосток, 1921. № 484 (22 дек.).
- 7. Выборы в Имане // Русский край. Владивосток, 1922. № 25 (10 февр.).
- 8. Материалы Харбинской организации партии эсеров (протоколы общих собраний, переписка и другие) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 212.
- 9. Народное собрание. 42-е очередное заседание 23 декабря (окончание) // Слово. Владивосток, 1921. № 487 (25 дек.).
- 10. О власти в освобожденных местах // Русское дело. Владивосток, 1922. № 3 (4 янв.).

- 11. Петров, П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых : воспоминания, документы / П. П. Петров ; сост. С. П. Петров, Л. Ю. Тремсина. Москва : Айрис-пресс, 2011. 544 с.
- 12. По области // Русское дело. Владивосток, 1922. № 4 (5 янв.).
- 13. Повстанческое движение в Приамурье // Вестн. Времен. Приамур. правительства. 1922. № 5 (27 янв.); № 6 (31 янв.).
- 14. Политическая хроника // Русское дело. Владивосток, 1922. № 16 (25 янв.).
- 15. Попов, Ф. А. К вопросу об усилиях Временного Приамурского правительства наладить межрегиональные связи для борьбы с большевиками в конце 1921 года / Ф. А. Попов // Земля и Власть в истории России: сб. науч. ст. участников Всерос. науч. конф. памяти проф. А. Г. Кузьмина, В. Г. Тюкавкина и Э. М. Щагина / под общ. ред. А. В. Лубкова. Москва, 2020. С. 559–567.
- 16. Постановление Временного Приамурского правительства № 126// Вестн. Времен. Приамур. правительства. — 1922. — № 4 (24 янв.).
- 17. Приказ Временного Приамурского правительства № 287 // Вестн. Времен. Приамур. правительства. 1922. № 30 (16 мая).
- 18. Речь Болдырева // Русское дело. Владивосток, 1922. № 23 (2 февр.) ; № 24 (3 февр.) ; № 28 (8 февр.).
- 19. Руднев, С. П. При вечерних огнях / С. П. Руднев. Харбин : Заря, 1928. 467 с.
- 20. Указ Временного Приамурского правительства № 59 // Вестн. Времен. Приамур. правительства. 1921. № 32 (23 дек.).
- 21. Цветков, В. Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. / В. Ж. Цветков. Москва: Яуза: Якорь, 2019. 1056 с.
- 22. Ципкин, Ю. Н. Хабаровск в годы гражданской войны / Ю. Н. Ципкин // История и культура Приамурья. 2008. № 2 (4). С. 86–105.

Материал поступил в редакцию 13.01.2022.

Сведения об авторе: Землянский Вадим Леонидович, старший научный сотрудник федерального казённого учреждения «Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные: e-mail: groningen1991@gmail.com; тел. 8-911-977-18-12.

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНО ЗАФИКСИРОВАННЫЙ КОНТАКТ МЕЖДУ РУССКИМИ И КОРЕЙЦАМИ — СРАЖЕНИЕ НА СУНГАРИ 6 (16) ИЮНЯ 1654 ГОДА

В статье рассматривается вопрос проникновения русских первопроходцев в бассейн Амура в середине XVII века в свете военных действий, спровоцированных действиями Е. П. Хабарова в отношении местного населения, незадолго до этого вынужденного принять вассальную зависимость от маньчжурской империи Цин. На основании впервые вводимого в научный оборот документа освещается первый достоверный контакт между русскими и корейцами, произошедший в ходе сражения на реке Сунгари 6 (16) июня 1654 года, а также оцениваются его последствия для развития ситуации на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Амур, землепроходцы, Онуфрий Степанов Кузнец, корейцы, Пён Гып, маньчжуры, Шархуда.

Keywords: Amur, path-breakers, Onufrij Stepanov Kuznecz, Koreans, Byung Geup, Manchu people, Sharhuda.

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

рисоединение Сибири и Дальнего Востока к России — крайне важный и не до конца осмысленный процесс в истории нашей страны. Точка зрения отечественных историографов на эти события неоднократно менялась. Так, если дореволюционная историография, в целом положительно относясь к включению Приамурья в состав России, не считала действия Е. П. Хабарова разумными, оправданными и несущими пользу русскому государству, то после Великой Октябрьской социалистической революции началось переосмысление действий Хабарова со всё более усиливающейся с течением времени тенденцией к преувеличению значимости его похода и одновременным затушёвыванием его негативных последствий, исключением из описаний всего, что говорило о кровопролитных Амурских войнах (1650–1660 гг.), которые пришлось вести против местного населения и пришедших ему на помощь цинских и корейских войск русским землепроходцам сначала под руководством Хабарова, а затем — Онуфрия Степанова Кузнеца по причине действий Хабарова в 1649–1650 годы¹.

Русские служилые люди Восточной Сибири, середина XVII века. Реконструкция Л. А. Боброва.

В последних по времени образцах советской историографии по данному вопросу некоторые авторы шли не только на прямой подлог, урезая цитаты из документов или обрывая рассказ о тех или иных событиях на выгодном для создания положительной и эффектной картины моменте, но и на совершенно неоправданное теоретизирование, призванное убедить читателя в том, что никаких военных столкновений, за исключением тех, что происходили по вине маньчжуров, не было, а сопротивление русским землепроходцам, вызванное жестоким, грубым и бесцеремонным обращением некоторых предводителей казачьих отрядов с местным населением, было не в интересах этого самого населения.

Так, Ф. Г. Сафронов писал следующее: «"Нужно помнить, — подчеркивал советский историк А. М. Сахаров, — что русский крестьянин, посадский человек, казак (в массе своей) никогда не был врагом нерусского человека на вновь присоединяемой земле <...> Поэтому выступления против русских вообще, которые инспирировались местной знатью, никак не могут быть отнесены к числу исторически прогрессивных, справедливых движений, даже если в них участвовали широкие массы и если в этом выступлении стихийно проявлялся их протест против гнета и эксплуатации <...> Выступления против России не только не приближали освобождения нерусских народов от гнета и эксплуатации, но, наоборот, отдаляли это освобождение, потому что результатом их могло стать только утверждение глубоко отсталых форм общественной организации".

Это высказывание справедливо и по отношению к части даурских и дючерских "князцов", действия которых серьезно ослабили способность амурских племен к отражению маньчжурских набегов» [4, с. 53–54].

Однако находившиеся с конца 1630-х годов в вассальной зависимости от маньчжурской империи Цин (1636—1912 гг.) даурские и дючерские племена верхнего и среднего течения Амура были готовы принять русское подданство при первом появлении отряда Хабарова во владениях князца Лавкая при условии, чтобы казаки защищали их земли от маньчжур и не допускали грубости и жестокости по отношению к местному населению, но необдуманные и часто выходящие за рамки понимания современного исследователя действия Хабарова оттолкнули местное население от русских.

В результате последовавших за этим военных действий сложилась весьма редкая ситуация для всего процесса освоения русскими огромных просторов Сибири и Дальнего Востока — отряд Хабарова оказался в изоляции и был вынужден рассчитывать исключительно на свои силы, не имея союзников среди местных племён.

В то же время практически везде успех русского проникновения на новые земли и закрепления их за русским государством был обусловлен сотрудничеством между земле-

¹ Явлению замалчивания военной составляющей походов русских землепроходцев посвящена специальная статья В. А. Тураева (1938–2020 гг.) «О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в.» [5].

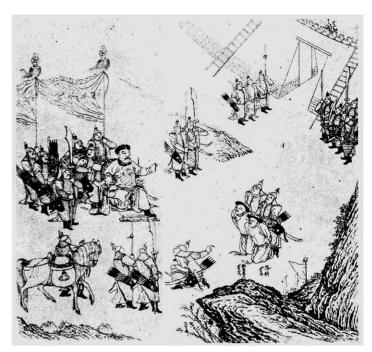
проходцами и влиятельными представителями местных племён. Так, в Якутии русские землепроходцы сумели опереться на борогонских тойонов, на Чукотке союзниками русских стали коряки, отдельные группы тунгусских племён содействовали русским в самых разных ситуациях, что в сочетании с разумной государственной политикой в отношении вновь присоединяемых земель позволяло достаточно быстро и без большого кровопролития закрепить за Россией вновь открытые земли.

Фактически во всей Сибири и на Дальнем Востоке оказалось только три очага сопротивления, совладать с которыми русские землепроходцы оказались не в силах:

- «Хонгорай» (земли енисейских кыргызов), который оставался недоступным для проникновения служилых людей до самого 1702 года, когда кыргызы были переселены в Джунгарию своим сюзереном джунгарским хунтайджи Цэван Рабданом (правил в 1697–1727 гг.);
- Чукотка, где воинственные оленные чукчи оказали упорное сопротивление не только русским землепроходцам, но и присланным на Чукотку частям регулярной армии. Впоследствии «Уставом об управлении инородцев Сибири» от 1822 года чукчи были признаны «инородцами, несовершенно зависящими от правительства», которые «платят дань по собственному их произволу, как в количестве, так и в качестве» и «управляются и судятся по своим обычаям и обрядам»;
- третьим очагом оказалась территория Приамурья местное население (дауры и дючеры) предпочло по большей части добровольно переселиться в «земли Нингуты» или «Наунские села»², под защиту своих недавних врагов маньчжуров, нежели пытаться искать общий язык с вероломным Хабаровым и его преемником Онуфрием Степановым Кузнецом³, вынужденным продолжать политику своего предшественника, «потому что земля вся сколыбалась, драки стоят частые» [3, с. 195].

Однако в течение длительного времени военное счастье оставалось на стороне казаков — организованный и сплочённый, хорошо вооружённый отряд, к тому же в большинстве случаев и в численном отношении не уступавший противнику, оказался не по зубам ополчениям дауров и дючеров, имевших на вооружении исключительно холодное и метательное оружие: луки, копья, пальмы, сабли, топоры, и некоторое количество защитного вооружения — куяков.

Первое же вмешательство в конфликт маньчжуров, являвшихся сюзеренами дауров и дючеров, завершилось разгромом высланного из Нингуты отряда у стен Ачанского городка 24 марта 1652 года [3, с. 135–136]. Поражение, хотя

[Император] Тайцзу прощает [своих врагов] Эргони и Локэ. Иллюстрация из ксилографического издания «Маньчжоу шилу» («Хроники маньчжуров»), 1630-е годы.

и поколебало авторитет маньчжурского оружия, не стало причиной для перехода местного населения на сторону русских, наоборот, сопротивление даже усилилось.

Во многом это было связано с прибытием в Нингуту в 1652 году нового наместника — известного цинского военачальника Шархуды (1599–1659 гг.), бывшего уроженцем сунгарийского селения Нельба, «объясаченного» землепроходцами⁴.

21 августа 1652 года на фоне развивавшегося на Амуре военного конфликта от имени императора Шуньчжи⁵ был издан указ о назначении Шархуды: «Велено *мэйрэн-джангину*⁶ Шархуде, *дзала-джангинам*⁷ Хайта и Нигали повести правительственные войска и встать гарнизоном в Нингуте» [6, цз. 66, л. 13а].

² Соответственно район современных китайских городов Нинъаня и Цицикара.

³ В отечественной литературе его часто неправильно именуют Онуфрием Степановым, но Степанов [сын] — это его отчество, а прозвище, заменявшее фамилию, — Кузнец.

⁴ При этом не был принят во внимание статус этого поселения, представитель верхушки которого занимал высокое положение при дворе «богдойского царя».

⁵ Личное имя Фулинь (1638—1661 гг.). Правил под девизом Шуньчжи (順治, 1644—1661 гг.). Как все последующие цинские императоры, упоминается в синологической литературе преимущественно по девизу правления.

⁶ До замены маньчжурских званий китайскими мэйрэн-джангин (梅勒章京) соответствовал званию помощника командующего знамённым корпусом Восьмизнамённых войск — основной военно-административной единицы маньчжуров. Впоследствии это звание было заменено его китайским эквивалентом фу дутун (副都統), соответствовало чиновному рангу 2а.

⁷ Дзала-джангин (甲喇章京) — звание в маньчжурских Восьмизнамённых войсках, примерно соответствующее европейскому званию полковника. В цинской системе чинов и рангов соответствовало чину цаньцзян (參將) китайских войск зелёного знамени, имевшему чиновный ранг За.

Вскоре наместник прибыл в Нингуту вместе с испытанными в боях помощниками, энергично взявшимися за преобразование края в военно-политическом отношении.

Таким образом, не сумев привлечь на свою сторону местное население, землепроходцы встретили на своём пути, несомненно, талантливого и волевого противника, имевшего к ним личные счёты.

Шархуда был опытным воином: он участвовал не только в многочисленных набегах на мелкие чжурчжэньские племена в те годы, когда второй маньчжурский хан Хуантайцзи (1599—1643 гг.) проводил политику угона местных жителей с Амура на подконтрольные маньчжурам территории для увеличения численности своих войск и работников, но и принимал участие в походах в Корею, на монголов чахарского Лигдан-хана (1600—1634 гг.), бывшего сильнейшим из монгольских феодалов и претендовавшего на титул «Чингис-хан», а также воевал в застенном Китае⁸.

Проанализировав ситуацию, он быстро понял, что для успешного противоборства с русскими надо иметь не только численное превосходство, но и обладать хорошим речным флотом, а также уравнять вооружение своих войск с вооружением казаков, у которых, помимо кремневых ружей, были также и пушки, способные вести огонь ядром на расстояние около одной версты.

Однако ресурсы Нингуты были ограничены. После того как в 1644 году первые цинские отряды вошли в Пекин и туда был перемещён малолетний император Фулинь (1638–1661 гг.), коренные земли маньчжурского домена обезлюдели. Основная часть маньчжурских воинов со своими семьями, слугами и рабами была переселена в застенный Китай. Положение усугубляло ещё и то, что как раз на первую половину 1650-х годов приходится активный всплеск антицинской борьбы на землях застенного Китая.

В сложившейся обстановке Шархуде приходилось опираться преимущественно на местные ресурсы. Он активно привлекал к участию в походах ополченцев из местных племён и даже обучал их стрельбе из огнестрельного оружия, но эти экстраординарные меры не могли радикально поправить положение в обозримом будущем [2, с. 291]. В этих условиях важное значение приобретала позиция Кореи, с февраля 1637 года являвшейся вассалом империи Цин.

Цины уже имели опыт использования корейских войск в своих внешне- и внутриполитических акциях: с 1637 по 1643 год корейские войска неоднократно принимали участие в

Встреча корейского монарха с цинским послом. Фрагмент корейской картины XVIII века.

походах маньчжуров против китайских войск, сражавшихся против маньчжуров в Ляодуне⁹, а в 1639 году корейский отряд подавил восстание чжурчжэньского племени восточных *хурха* против власти Цинов.

Помощь хорошо оснащённых огнестрельным оружием корейских войск становилась важным фактором успехов Шархуды. К помощи Кореи было решено прибегнуть и на этот раз.

20 марта 1654 года в Корею прибыл старший *тунгуань* Хань Цзюйюань¹⁰, доставивший послание Ведомства Обрядов¹¹, требовавшее от Кореи присылки вспомогательных войск для борьбы с войсками неизвестного ранее народа, названного во всеобъемлющей корейской хронике «Чосон ванджо силлок» *насон*.

⁸ Застенный Китай — традиционное в отечественной востоковедческой литературе название для собственно китайских земель, расположенных к югу от Великой Китайской стены.

⁹ Обширная территория к востоку от р. Ляохэ, включающая земли современной провинции Ляонин.

¹⁰ Хань Цзюйюань был цинским старшим переводчиком, регулярно со времён государя Инджо (1623—1649 гг.) исполнявшим дипломатические поручения между Кореей и Маньчжурией.

¹¹ Рутинная дипломатическая переписка между Кореей и империей Цин происходила через цинское Ведомство Обрядов, а в качестве гонцов и посланников часто выступали цинские тунгуани (переводчики).

До 1654 года никаких сведений об этом народе в корейских документах не встречалось. Корейский монарх, получив требование сюзерена оказать помощь против нового врага, даже был вынужден недоумённо спросить цинского посланца о том. кто же такие эти неведомые насон?

Запись в «Чосон ванджо силлок» от 20 марта 1654 года гласит:

«[День под циклическими знаками] кехэ. Цинский посланник Хань Цзюйюань прибыл в столицу. Государь принял его в жилом дворце. Также пришли и сановники. [Хань] Цзюйюань подал послание от Ведомства Обрядов, в котором говорилось:

"Корее [повелевается] отобрать 100 хороших стрелков из ружей из Хверёна, подчинить руководству *амбань-джангина*¹² и выступить в карательный поход на насон. К 10-му дню 3-го месяца (26 апреля 1654 г.) [корейскому отряду] прибыть в Нингуту".

[Хань] Цзюйюань встал с циновки и сделал поклон, государь в знак благодарности поднес [ему] чай. Государь спросил:

"Что за страна Насон?"

[Хань] Цзюйюань ответствовал:

"Возле Нингуты есть особое племя — это и есть *Насон*".

[Хань] Цзюйюань попросил [дать] послание [цинскому императору] в ответ. *Ёнъыйджон*¹³ Чон Тхэхва [1602–1673 гг.] молвил:

"Кого же послать военачальником?"

[Хань] Цзюйю юань ответствовал:

"[Кого-нибудь] из пограничных военачальников или управителей северных провинций — так будет удобнее".

[Хань] Цзюйюань покинул [аудиенцию], и [Чон] Тхэхва молвил:

"Послетого, как наши войска перейдут

Кисан (Ким Джунгын), жанровая зарисовка «Корейские офицеры». XIX век.

реку, если они [Цины] не будут снабжать нас, обязательно возникнут опасения, что будет нехватка продовольствия. Если, рассчитав их путь, выделят и пошлют рис в достаточном количестве — это будет правильно".

Государь изрек:

> "Воистину!" [Чон] Тхэхва

Кисан (Ким Джунгын), жанровая зарисовка «Корейские охотники». XIX век.

молвил: "Северный уху¹⁴ Пён Гып способен возглавить войска"» [7, *квон* 12, л. 7a].

Так состоялось заочное знакомство корейцев с Россией и русскими. По цинским данным, русские являлись ещё одной разновидностью соседствующих с Нингутой монгольских племён — жестокой, дикой и беспощадной, но принципиально не отличавшейся от известных в Корее с самой плохой стороны монголов¹⁵. Соответственно, через призму заданного Цинами видения корейцы рассматривали и русских, не делая никаких самостоятельных попыток узнать что-либо об их стране.

Получив приказ из Пекина, корейцы тут же начали подготовку к походу. Обсуждение его деталей было проведено с чиновниками Пибёнса¹⁶ в тот же самый день, что и аудиенция с Хань Цзюйюанем. Во главе отряда был поставлен *пёнма уху* Пён Гып, служивший в 1654 году в северной провинции Хамгён. Согласно документам Пибёнса, в отряд Пён Гыпа входило 152 человека из разных приграничных гарнизонов и не менее 20 коней¹⁷:

¹² Высшая военная должность у маньчжур, обычно переводимая как генерал по отношению к военным чинам и генерал-губернатор по отношению к гражданским чинам.

¹³ Должность в корейском феодальном кабинете министров, условно соответствующая премьер-министру.

¹⁴ Военная должность 3 ранга в феодальной Корее.

¹⁵ Последний раз корейцы противостояли монголам в ходе вторжения цинских войск зимой 1636/1637 гг. — значительную часть войска маньчжурского богдохана Хуантайцзи (1599–1643 гг.) составляли монголы.

¹⁶ В отечественной историографии название этого ведомства обычно переводят как «Ведомство окраинных/пограничных земель». Буквальный перевод — «Ведомство подготовки рубежей». В сферу ответственности Пибёнса входило освоение приграничных земель и обеспечение их обороны.

¹⁷ Подсчёт точного количества коней невозможен, так как непонятно, исходя из каких норм обеспечивались конями члены офицерской свиты, а также следует ли применять норму 1 конь на 7 человек для кашеваров? Также неизвестно, имелись ли верховые кони у самих офицеров.

- командир отряда, два вьючных коня;
- сотник, один вьючный конь;
- 22 человека свиты командира отряда, включая переводчика;
 - 8 человек свиты сотника:
 - 100 стрелков, по одному вьючному коню на 7 человек;

- 20 кашеваров.

Как следует из этих же документов, продовольствие для отряда было выделено только до Нингуты, далее стрелки становились на цинское довольствие. Приготовления к походу делались очень быстро — в течение примерно месяца (с 20 марта по 17 апреля 1654 г.) сводный отряд был готов к отправке. В апреле 1654 года корейские войска выступили в поход¹⁸.

Тем временем отряд Онуфрия Степанова Кузнеца стал испытывать затруднения со снабжением, так как берега Амура были сильно опустошены в ходе предыдущих рейдов, и собрать нужное количество провианта было легче на притоках Амура, куда казаки ранее почти не заходили и откуда местное население ещё не бежало.

Основные силы казаков начали подъём вверх по Сунгари 20 мая 1654 года. В течение 17 дней отряд Кузнеца медленно шёл против течения, задерживаясь в прибрежных селениях, с которых собирал ясак. В этом и состояла стратегия амбань-чжангиня Нингуты Шархуды — заставить казаков двигаться исключительно в том направлении, где их заранее ожидали бы превосходящие силы цинских войск.

В районе современного Гирина корейский отряд соединился с цинскими войсками Шархуды. Далее союзники, имевшие 800 воинов (против примерно 400 казаков), направились вниз по Сунгари, навстречу противнику. Цинские воины, набранные из состава местных племён, плыли в лодках-оморочках (маньчж. вэйху), часть воинов шла по берегу.

Согласно сведениям, сообщаемым Кузнецом, бой начался 6 июня 1654 года [3, с. 193]. О продолжительности его мы узнаём из челобитной Я. Никитина и казаков присоединившегося весной 1654 года к Кузнецу отряда М. Кашинца: «И с богдойскими людьми дрались мы, холопи твои, по 3 дни» [3, с. 197]. Казаки, начав бой на воде, быстро добились перевеса. Казачья речная флотилия, насчитывавшая 13 дощаников и 16 малых стругов, существенно превосходила маньчжурские лодки в боевом отношении.

Вынудив противника высадиться на берег, казаки начали совещаться о дальнейших действиях. В результате бурного обсуждения предполагаемого плана действий возобладала

Празднование гиляками вскрытия Амура. Иллюстрация из книги Л. Шренка «Об инородцах Амурского края», том 2, 1899 год.

Мангуны на Амуре. «Всемирная иллюстрация», № 50, 1881 год.

вольница — рядовые казаки отказались повиноваться своим есаулам и решили продолжить бой на суше [3, с. 196]¹⁹.

Однако пока они спорили о том, что делать дальше, маньчжуры вырыли рвы и укрепились. Попытки казаков выбить их из укреплений оказались безуспешными. В ходе боя казаки быстро израсходовали значительную часть своего пороха, атака захлебнулась [3, с. 193–194].

В этот момент корейский отряд Пён Гыпа, заранее занявший позицию на прибрежном утёсе, обстрелял казаков с короткой дистанции, заставив их отступить на корабли. Маньчжуры привели свой отряд в порядок и начали преследование.

Лишь выйдя в Амур, казаки смогли оторваться от противника и затеряться среди речных островов. Набег казаков был отражён, потери союзников оказались минимальны, в корейском отряде не было ни убитых, ни раненых. В июле 1654 года Пён Гып с отрядом вернулся в Корею.

Хотя потери казаков в ходе сражения на Сунгари вряд ли можно считать большими, положение сложилось для них действительно угрожающее: «А хлеба нам в Шингале взять не дали» [3, с. 194].

В довершение всех бед казаки узнали, что после сражения на Сунгари маньчжуры «крепь ставят и в Шингал-реку нас для хлеба пускать не хотят» [3, с. 195]. Онуфрий Степанов

¹⁸ Согласно приказанию цинского императора, корейский отряд должен был прибыть в Нингуту в 10-й день 3-го лунного месяца 1654 г., что соответствует 27.04.1654. В пути отряд должен был находиться 10 дней. Учитывая, что отряд выступил в 3-м лунном месяце, по расчёту получаем дату выступления 17.04.1654.

¹⁹ По всей видимости, назначенные в 1653 г. Д. Зиновьевым есаулами Т. Никитин и С. Захаров пытались удержать казаков от атаки маньчжурских позиций на берегу, что не устроило казаков.

Кузнец был вынужден подняться вверх по Амуру до устья реки Кумары. Там в ноябре 1654 года казаки построили Кумарский острог — мощное деревоземляное укрепление, и остановились на зимовку²⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в своих отписках Кузнец называет всех своих противников «богдойскими людьми», не выделяя конкретных национальностей, хотя в составе отрядов Шархуды были и маньчжуры, и монголы, и китайцы, а также большое количество воинов из местного населения. Корейские солдаты не были выделены из общей массы противника в русских документах ни своим видом, ни какими-то особенными боевыми навыками. Скорее всего, в ходе боя стрелявшие с вершины прибрежного утёса корейцы не были замечены казаками.

На следующий, 1655, год государь Хёджон инспектировал войска своей лейб-гвардии *Кымвиён*. Участвовавший в смотре Пён Гып был отмечен за умелое командование войсками [7, *квон* 14, л. 17b]. Ещё через месяц его вызвали ко двору, и Хёджон имел с ним обстоятельную беседу относительно перипетий похода на Сунгари.

Поскольку важность этого доклада для дальнейшего изучения вопроса ранних русско-корейских контактов несомненна, целесообразно привести его здесь полностью без всяких купюр²¹:

«Государь, днем обсуждал [главу] "Шицзючжан" из "Шичжуань" а закончив обсуждение, беседовал [с сановниками].

Военный сановник Пён Гып прибыл [на аудиенцию] и рассказал: "[Ваш] подданный, летом прошлого года получив приказ, выступил в поход на Нингуту. От Хверёна шли на север 8 дней и достигли Нингуты.

Пройдя 100 ли²³, дошли до реки Хурха, где сели на лодки (皮紅)²⁴. Пройдя 100 ли, дошли до места, где река Хурха сливается с рекой Ёнгоган²⁵. Отсюда все корабли с северо-востока прошли 100 ли, местность постепенно понижалась. На 5 день дошли до реки Хветхонган²⁶, река очень быстрая, очень страшно передвигаться на лодках. На 6 день достигли границ земель вальхап²⁷. Там одна река впадает с запада. Ее ширина превосходит ширину реки Имджинган.

20 Описание хода сражения за острог см.: 3, с. 205-208.

Называется река Уллаган²⁸, она сливается с Хветхонган и называется Хутхонган²⁹.

От Нингуты за 14 дней дошли до края земель *вальхап*. Дорога по суше составила бы более 2 400 *ли*!"

Государь спросил: "Каков город Нингута?" [Пён Гып] отвечал:

"Деревянная крепость довольно невелика. В крепости и вне ее едва наберется 300 домов³⁰, их начальника зовут Ихамни³¹, слегка разбирается в делах³². Также есть Саргуда³³".

Государь спросил: "Как велики лодки?"

[Пён Гып] отвечал:

"Которые поменьше — едва вмещают 4–5 человек, их было 140, те, которые большие — могут вместить 7–10 человек, таких было 20. Когда я, подданный, прибыл к вальхап, начали появляться большие вражеские корабли — 13 штук. Могут поднять 300 cok^{34} , маленькие лодки — 16 штук — напоминают японские корабли.

Цинский полководец хотел, чтобы [Ваш] подданный шел в авангарде. [Ваш] подданный сказал:

"Как такие маленькие лодочки могут отразить такие огромные корабли?"

Цинский полководец счел это верным. Следуя приказу, 300 *вальхап* и 300 цинских воинов выбрали место на берегу реки, где берег был самым высоким, и устроили там позицию. Поэтому Лю Бун³⁵ разместился на вершине скалы и приказал нашим солдатам стрелять из укрытий.

Вражеские суда постепенно отступили. У них огромные корпуса, и они не имеют весел. По этой причине они не смогли приблизиться для боя и ушли вниз по течению. Дойдя до места, где Амур сливается с рекой Хутхонган, враги

²¹ На русском языке документ полностью публикуется впервые.

²² Имеется в виду «Книга стихов» (Шицзин), входящая в состав конфуцианского канона, в одной из традиционных редакций с комментариями.

^{23 1} ли = 576 м.

²⁴ Букв. «кожаная лодка». Корейские учёные трактуют это как лодку типа оморочки, сделанную из бересты.

²⁵ Локализация затруднена. Возможно, имеется в виду продолжение реки Хурха-бира после впадения в неё другой реки.

²⁶ Возможно, один из участков течения Сунгари.

²⁷ Возможно, имеется в виду чжурчжэньское племя варка, часто упоминаемое в корейских и цинских источниках. Не исключено, что это название являлось собирательным для чжурчжэньского населения междуречья Сунгари и Уссури.

²⁸ Возможно, это река Нонни-ула.

²⁹ Возможно, это река Сунгари в своём нижнем течении, где она образует дельту при впадении в Амур.

³⁰ Интересно сравнение с описанием Нингуты, оставленным корейским военачальником Син Ню, воевавшим в составе цинского войска на Амуре в 1658 г. По его данным, Нингута насчитывала более 1 000 дворов и люди там жили зажиточно.

³¹ Нихали китайских источников. В дневнике Син Ню он назван Нигари. Помощник Нингутинского цзянцзюня, продолжал службу и при сыне Шархуды Бахае, заступившем на должность в 1660 г.

³² Скорее всего, столь пренебрежительная оценка способностей маньчжурского военачальника Нихали была дана Пён Гыпом потому, что Нихали не соответствовал конфуцианским стандартам чиновника.

³³ Шархуда китайских и Сергудай русских источников. В дневнике Син Ню именуется Харходэ. Крупный военный и административный деятель раннецинского Китая, первый Нингутинский цзяньцзюнь.

³⁴ Традиционная для стран Дальнего Востока мера объёма, равная в Корее 180 л. Мера объёма, записываемая тем же иероглифом, была в те годы и в Японии, и в Китае, но её величина сильно варьировалась.

³⁵ Предположительно, корейский сотник из состава отряда Пён Гыпа.

захотели сразиться, но тут поднялся восточный ветер, они поставили паруса и ушли³⁶.

На вражеских кораблях мужчин и женщин неполные 4 сотни человек, у которых есть только ружья, их внешность как у настоящих варваров, а одежда вся из желтого вышитого шелка³⁷.

В нижнем течении Амура есть одетые в рыбьи шкуры варвары³⁸, которые покорились Пекину. От земель *вальхап*, говорят, надо идти 15 дней, их земля очень далеко и [в пути] нельзя увидеть людей.

В верхнем течении Амура есть племя *пхякхап*³⁹. Теперь эти враги приходят посуху и грабят земли *пхякхап*, которые капитулировали [перед ними], и после этого начали делать корабли, на которых приходят [грабить]. Не используют

36 Ср. с описанием этого же боя, оставленным Онуфрием Степановым Кузнецом: «И того ж дни, как встретились с служилыми людьми с Мишкою Кашинцем с товарищи, и по совету с войским и с ясаулы, я, Онофрейко, судами пошел вверх в великую реку Шингал майя в 20 день приводить неясачных дючерских мужиков под государеву царскую высокую руку и для ради хлеба. И по Шингалу-реке бежали парусами 3 дни. И июня в 6 день тут нас встретила богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки и пищали. И с тою богдойскою силою дело поставили. И дралися те богдойские люди конные на конех. а пешие в стругах. И билися те богдойские люди из большево бою, из пушек и пищалей, а били оне из тех пушек по нашим судам, а дралися оне из-за туров и из-за увалов земляных. И я по совету со всем войским отпущал казаков в стругах. И божиею милостию, а государским щастьем тех богдойских ратных людей из стругов на берег выбили. И на берегу те богдойские люди стали в крепком месте, из-за валов учали с нами драться. И на том приступе многих служилых людей на том бою ранили. И нам с теми богдойскими людьми дратца стало невозможно, потому что в государеве казне пороху и свинцу нет, Дмитрей Иванович Зиновьев государевы казны с Тугирскаго волоку не прислал. А преж того богдойскова приходу посыланы служилые люди в поход на дючерских мужиков, и те казаки в том походе поймали языков дючерских. И те языки роспрашиваны, а в роспросе сказали, что де богдойское войско послано от царя богдойскаго наскоре, а послано де их трех земель богдойские и даурские и дючерские люди. И как v нас с теми богдойскими людьми драка была, и у них знамена всякия, белые и черные и красные и желтые, и как которые знамя пройдет, и у них у всяково знамени ротами белое знамя, где стоит на тех людех под тем знаменем на белой камке и куяки биты, а у которых знамен у черных, у красных и у желтых, и у тех ротами ж стоят, каково знамя, такие на них и куяки биты на камке на тех людех, и та вся у них драка ученая строик. И ис пушек мы по тому войску богдойскому били же. А хлеба нам в Шингале взять не дали. И мы выплыли из Шингалу-реки и побежали парусами на судах вверх по великой реке Амуру по совету со всем воиским» [3, с. 193–194].

37 Одежду из жёлтого шёлка на казаках отмечает только Пён Гып. 38 Скорее всего, это предки нанайцев. В некоторых случаях говорится, что «старым названием народа хэцзинь было юйпи дацзы».

железных гвоздей — все [сделано] из дерева и связано веревками, [это] не похоже на морские корабли. Я, подданный, думаю, эти враги непременно приходят из какой-то западной страны".

Государь спросил:

"Эти земли очень далеки от наших западных пределов— что мы можем знать про это?"

[Пён Гып] отвечал:

"Вальхап говорят, что между Амуром и Ула (то есть рекой Сунгари. — *А. П.*) — земли монголов.

Амур очень широк. В его устье есть несколько [мест, где расположены] развалины укрепленных поселений. Земли $\ddot{e}x\mathfrak{I}^{40}$ к юго-западу от Нингуты, [расположены] недалеко от нашей страны.

Вальхап стригут головы, покрывая лоб, обматывают голову тканью. На одежде только одна пуговица. Когда слышат стрельбу из ружей — мужчины зажимают уши руками и падают на землю, а женщины пугаются и [тоже] валятся на землю"» [7, квон 14, л. 22а – 22b].

Сражение на Сунгари стало ключевым моментом кампании 1654 года, после неё казакам пришлось перейти к обороне и озаботиться созданием укреплённой базы для продолжения походов. На этом кампания 1654 года была фактически завершена и для объединённого цинско-корейского войска, отошедшего на свои базы, и для отряда Кузнеца.

Деятельность Шархуды и его инициатива по привлечению ресурсов вассала для того, чтобы переломить ситуацию на Амуре, была высоко оценена в Пекине: «[30 день 2 месяца 14 года Шуньчжи (13 апреля 1657 г.)] Наградить обороняющего Нингуту амбань-джангина Шархуду одеждой с вышитыми драконами о 4 когтях, собольей шапкой, оседланным конем, саблей, шелком и прочими вещами» [6, цз. 107, л. 25а].

Через четыре года корейские стрелки из приграничных гарнизонов вновь приняли участие в походе против казаков. 30 июня (10 июля) 1658 года в сражении на так называемой Корчевской луке⁴¹ в устье Сунгари объединённые войска корейцев и маньчжуров разгромили отряд Онуфрия Степанова Кузнеца. Сам Кузнец пропал без вести, более 200 казаков погибло, более 10 человек попало в плен.

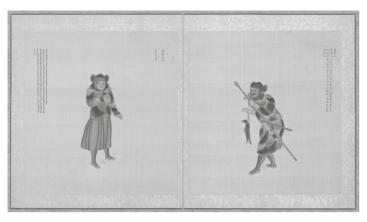
13 августа 1658 года в Пекине был получен доклад о победе:

«Обороняющий Нингуту амбань-джангин Шархуда и прочие подали сообщение, что разбили в бою русские войска. Захватили их людей, доспехи и оружие, а также другие вещи. Велено Военному Ведомству проверить обстоятельства и доложить по порядку. Что касается пленных,

³⁹ Син Ню в своём дневнике за 1658 г. упоминает нижнеамурское племя пхякка. Это соответствует фэйяка цинских источников — нижнеамурским гилякам. Однако Пён Гып, по всей видимости, путает их с даурами, помещая пхякхап в верхнее течение Амура, в земли, куда русские отряды действительно приходили посуху и которые были сильно разграблены ими к 1654 г.

⁴⁰ Племя ехэ, известное из ранней маньчжурской истории. В китайских источниках записывается другими иероглифами.

⁴¹ Название местности известно только из одного русского документа тех лет. См.: 3, с. 241.

Фэйяка (предки нивхов). Иллюстрация к живописному изданию «Хуан Цин чжигун ту» («Подношение дани августейшей Цин»), 1760-е годы.

разделить их и даровать отличившимся воинам и полководцам» [6, цз. 119, л. 4b].

Второй цинско-корейский поход 1658 года привёл к радикальному изменению стратегической ситуации — к 1660 году последние казачьи отряды ушли с Амура.

В «Цин ши гао» по этому поводу сказано: «[День под циклическими знаками] динчоу 7-го месяца осени [17-го года Шуньчжи] (29 августа 1660 г.). Цзунгуань Нингуты Бахай⁴² разбил русских в землях "собачников"⁴³, умиротворил 15 поселков фэйяка во составе 120 с лишним дворов» [8].

Таким образом, поход Шархуды 1654 года, в котором приняли участие корейские войска под командованием Пён Гыпа, положил начало стратегическому перелому в русско-цинском противостоянии на Амуре.

В совокупности с общей вовлечённостью Кореи в цинскую политику в качестве военного вассала это обстоятельство сыграло свою роль в формировании среди корейской интеллектуальной элиты негативного, враждебного образа России [1, с. 288–289]. Последствия этого случайного стечения обстоятельств продолжали сказываться на русско-корейских отношениях в течение долгого времени, не способствуя развитию конструктивных и доверительных отношений на Дальнем Востоке.

Список использованных источников

- 1. Ли, Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Ли Ги Бэк; пер. с кор. под ред. С. О. Курбанова. Москва : Первое марта, 2000. 463 с.
- 2. Мазуров, И.В. Очерки истории Российского Дальнего Востока: [учеб. пособие]. Кн. 1: Русская колонизация Приамурья, Северо-Восточной Сибири и Америки XVI—XVIII вв. / И.В. Мазуров, А.М. Пастухов; Дальневост. акад. гос. службы. Хабаровск: ДВАГС, 2009. 382 с.
- 3. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы: в 2 т. Т. I: 1608–1683. Москва: Наука, 1969. 614 с.
- 4. Сафронов, Ф. Г. Ерофей Хабаров: рассказ о судьбе русского землепроходца / Ф. Г. Сафронов. Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 112 с.
- 5. Тураев, В. А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. / В. А. Тураев // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: (историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 154–169.
- 6. 大清世祖章皇帝實錄 = Хроника [правления императора] Шицзу Чжан-хуанди великой династии Цин. Б. м., б. г. Ксилографическое издание, на кит. яз.
- 7. 孝宗實錄 = Хроника [правления государя] Хёджона, 1649–1659. Б. м., б. г. Ксилографическое издание, на кит. яз.
- 8. 清史稿 = Черновой свод истории [империи] Цин / Чжао Эрсюнь. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF/%E5%8D%B75 (дата обращения: 12.11.2021). Текст: электронный.

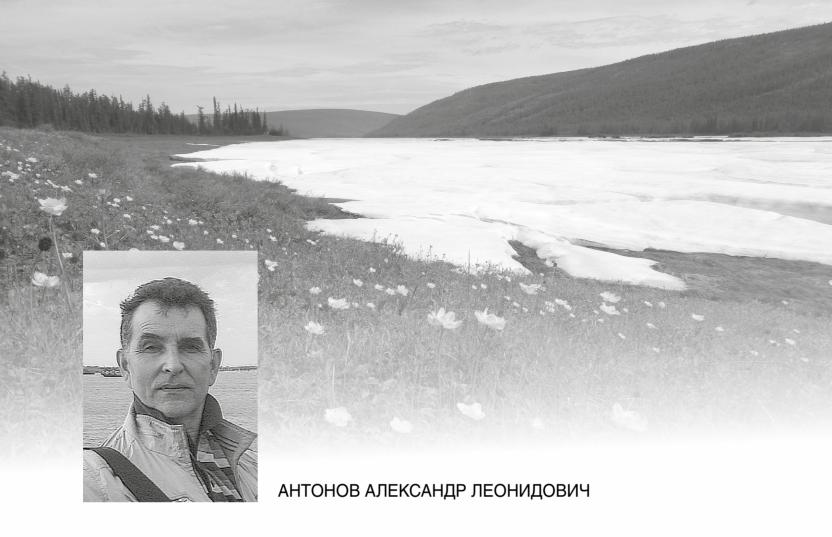
Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 12.11.2021.

Сведения об авторе: Пастухов Алексей Михайлович, член Российской ассоциации университетского корееведения (PAVK), научный консультант Фонда «Петропавловск», инженер лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, автор более 50 статей по истории военного дела стран Дальнего Востока, соавтор книг на военно-историческую тематику «Золотой блеск эпохи. Крепости и вооружение Азии» (Москва, «Бук-Хаус», 2006 г.), «Очерки истории российского Дальнего Востока XVII—XVIII вв.» (Хабаровск, ДВАГС, 2009 г.), «Побеждённый дракон. Китайский флот в войне против Японии (1894—1895 гг.)» (Москва, «Яуза-Эксмо», 2016 г.), «Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть» (Москва, «Пятый Рим», 2022 г.), автор китайской части раздела каталога Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) «Смертельная красота. Оружие Индии и Китая» (Москва, 2015 г.), (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: chinesewarfare@inbox.ru.

⁴² Сын умершего в 1659 г. Шархуды, унаследовавший должность отца.

⁴³ Букв. «цюаньбу ди» (земли собачьего племени). В дневнике Син Ню эти же места называются «кёнпурак» (собачьи племена). Имеются в виду земли нижнеамурских племён — предков современных нивхов и нанайцев, ездивших зимой на собаках.

ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ «ГЕРБЫ СИБИРСКИЙ И БЕНГАЛЬСКИЙ...» (фауна позвоночных животных окрестностей Хабаровска по исследованиям Р. К. Маака)

В статье изложены основные результаты зоологических исследований в Нижнем Приамурье Р. К. Маака, выдающегося российского учёного и путешественника, уроженца эстонского острова Сааремаа, исследователя природы Сибири и Дальнего Востока, прошедшего по реке Уссури в 1859 году, через год после М. И. Венюкова, труды которого, как указывает сам Р. К. Маак, имели большую ценность для него. Кратко рассмотрены маршруты исследований, представлены и проанализированы материалы, собранные Р. К. Мааком во время экспедиций на Амур (1855 г.) и на Уссури (1859 г.) и опубликованные в двух трудах: «Путешествие на Амур...» и «Путешествие по долине реки Уссури...». Особое внимание уделено эколого-фаунистическим и зоогеографическим данным, а также материалам о современных редких и исчезающих видах.

Ключевые слова: Амур, Уссури, Р. К. Маак, путешествие, исследование, фауна, распространение, экология, позвоночные животные.

Keywords: Amur, Ussuri, R. K. Maack, travel, research, fauna, distribution, ecology, vertebrate animal.

естом, «где встречаются гербы сибирский и бенгальский», назвал Приамурье первый исследователь животного мира Хабаровского края, выдающийся российский путешественник, географ, зоолог, этнограф и ботаник

Исследователь Амурского края Ричард Карлович Маак (1825–1886 гг.).

академик А. Ф. Миддендорф, который в 1844 году совершил сложнейшую экспедицию из Якутска в устье Уды и далее до залива Николая, а затем через Тугур, Нимелен, Керби и Бурею — в бассейн реки Зеи [11]. В своём фундаментальном труде «Путешествие на север и восток Сибири» он впервые обратил внимание на удивительное смешение

северных и южных элемен-

тов флоры и фауны в север-

ной части бассейна Амура.

по которой поздней осенью проходил его маршрут, и весьма сожалел, что ему не удалось побывать южнее — на самом Амуре, в его среднем и нижнем течении. Но это удалось сделать его последователю, не менее известному путешественнику и учёному-натуралисту Р. К. Мааку, который является одним из первых зоологов, представивших миру в 1859 году в своей работе «Путешествие на Амур...» [9] научные сведения о животном мире юга Хабаровского края¹. По заданию Сибирского отдела Императорского Русского географического общества он провёл две продолжительных экспедиции: первую — в 1855 году по Амуру и вторую — в 1859 году по Уссури. Несомненно, некоторые данные о фауне края были известны и ранее, за 200 лет до путешествий этих учёных. Русские казаки-землепроходцы В. Поярков и Е. Хабаров в середине XVII века впервые сообщили миру о небывалых богатствах и разнообразии природы Амура, в том числе об уникальности его животного и растительного мира. Василий Поярков, пройдя по Амуру с верховий до его устья в 1644-1645 годах, сообщал: «Те землицы... собольны, и всякого зверя много... и те реки рыбны» [5, с. 56]; «а по великия реке Амуре по берегам и островам сам собою виноград растет кроме человеческаго труда; в великия реке Амуре... рыб, белуг... больших, калужек, осетров... сазанов, лососей и всякой мелкой бесчисленно много и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же имени не знати. А с левой стороны великия реки Амура

зело великие леса и всякого зверья без числа лесного и по рекам рыбы такодже много» [14, с. 390].

Но всё же первые научные материалы о животном мире края появились лишь во второй половине XIX века, после экспедиций выдающихся исследователей и путещественников А. Ф. Миддендорфа, Р. К. Маака, Л. И. Шренка, Г. И. Радде. Именно на территории нашего края, на берегах Амура, в низовьях Уссури и на хребте Хехцир, первые исследователи увидели и показали всему миру уникальное сочетание севера и юга, где маньчжурский орех и амурский бархат растут рядом с берёзой и лиственницей, ель или кедр обвивают лимонник, актинидия и виноград, а «южане» — тигр, гималайский медведь, уссурийский кабан, мандаринка, голубая сорока, райская мухоловка, маньчжурский фазан, дальневосточная черепаха, амурский полоз, ауха, змееголов, верхогляд — живут рядом с «северянами» — бурым медведем, соболем, лосем, зайцем-беляком, рысью, тетеревом, кедровкой, сибирским углозубом, живородящей ящерицей, налимом и сигами...

Р. К. Маак во время первого своего путешествия мимо места, где ныне расположен Хабаровск, проплывал на лодке дважды: в середине июля, когда спускался вниз до Мариинского поста, и в начале сентября, когда возвращался назад. Во второй экспедиции он делал продолжительную остановку

PACTUTEALMUCYS YCYPIÄCHAPO MPAN.

Титульный лист ко второму тому «Путешествия по долине реки Уссури» 1861 года издания.

¹ На год раньше, в 1858 г., была опубликована на немецком языке работа Л. Шренка, в которой содержатся весьма обширные сведения о фауне Нижнего Приамурья.

Мыс Кырма, июнь 2009 года.

в устье Уссури в первой половине июня. Хотя он оставил весьма краткие заметки о животном мире этого района, многие данные, собранные им, имеют большую ценность и в наши дни и, полагаю, будут интересны читателям.

«8 июля... еще утром нам на горизонте показались горы..., но мы не могли достигнуть их сегодня» [9, с. 156], — так впервые он упоминает о хребте Хехцир, к которому приближалась экспедиция сверху по волнам Амура.

На следующий день у правого берега Амура, близ скалистого мыса Кырма (примерно в 5 км ниже нынешнего китайского города Фуюань), Маак встретил своего «Дерсу Узала» — представителя тунгусского племени ходзенгов: «...Мы внезапно увидели лёгкую берестянку, в которой сидел тунгус; ловко управляя веслом, он быстро несся к нам; при нем была острога, которая составляет принадлежность каждого рыболова... Тунгус подъехал к нам, и мы узнали, что его зовут Эльзибахом... нам нетрудно было уговорить его быть нашим проводником до устья р. Уссури» [9, с. 159]. В течение нескольких последующих дней Эльзибах был непременным участником путешествия, показал много животных и сообщил важные сведения о животном мире этого района Приамурья.

Двигаясь вниз, «...мы оставили главный рукав Амура и, въехавши в узкий проток, ведущий к устью Уссури, причалили к небольшому острову» [9, с. 161]. Скорее всего, это был один из островов, примыкающих к острову Тарабаров, или Большой Уссурийский. «До поздней ночи Эльзибах развлекал нас очень интересными рассказами о животных, которые водятся в этой местности. От него мы в первый раз узнали, что здесь есть черепахи; сначала мы долго не могли его понять, но сметливый Эльзибах взял карандаш и по рисунку, начерченному им очень быстро, мы тотчас же догадались, что он говорит об этом животном, которое называл "Кхаила". Впоследствии по исследованию эта черепаха оказалась нового вида Trionix maaki Brandt; она водится в Сунгари, Уссури и в Амуре... но, по словам нашего проводника, в Амуре встречается редко...» [9, с. 161]. Мааку для зоологической коллекции были необходимы

черепахи, и «ещё вчера [10 июля] я объявил тунгусам, что награжу того из них, кто первый принесет мне черепаху» [9, с. 166]; на следующий день возле стоянки он встретил «...одного тунгуса с черепахой, но он, думая воспользоваться моим желанием иметь ее, запросил очень дорого, тогда как обыкновенно местные жители ни во что не ценят черепах; впрочем, тунгус вскоре сбавил цену, и я выменял черепаху на несколько безделиц» [9, с. 166-167]. Несколько дней спустя, 17 июля, ниже хабаровского утёса ему удалось купить ещё несколько черепах: «возвратившись к стоянке, я застал толпу тунгусов; они принесли с собой для продажи нескольких черепах, пойманных в водовороте возле выступа Быри², где, по словам тунгусов, водилось их очень много» [9, с. 176]. В главе «Обзор животных» своей книги «Путешествие на Амур...» [9] Маак указывает, что он «находил ее в 50 верстах ниже устья Уссури» [9, с. 153]. Так, в бассейне Амура была обнаружена дальневосточная черепаха — Pelodiscus maackii (Brandt, 1857); ныне она внесена в Красные книги России и Хабаровского края, изредка ещё встречается близ Хабаровска.

«Еще интереснее были для нас рассказы Эльзибаха про барса и тигра... Говоря про них, он указал нам рукою по направлению к устью Уссури, где тянется горный хребет Хукчир-Хурин [Хехцир]... там живут три из этих животных, которые в прошедшем году съели его последнюю лошадь» [9, с. 162]. Под названием «барс» Р. К. Маак понимал, скорее всего, снежного барса (современное латинское название этого вида *Uncia uncia*), а не амурского леопарда (барса) Panthera pardus orientalis³. Следует заметить, что в России леопард издавна назывался «барс». Так, в фундаментальной работе Гептнера и Слудского «Млекопитающие Советского Союза» [4] сказано, что русское «правильное название вида именно барс, а не леопард, которое в последние десятилетия усиленно стараются внедрить в нашу литературу» [4, с. 159]. В настоящее время отечественные зоологи-систематики снова возвращаются к названию «барс» [7; 12].

Но вернёмся к Мааку. Далее, в разделе «Естественно-исторические статьи. Обзор животных»⁴, он указывает, что «барс у гольдиев при устье Уссури называется ярга», и приводит латинское название *Felis irbis* [9, с. 102] — так в те времена назывался снежный барс (ныне *Uncia uncia* Schreber, 1776). Маак, не имея каких-либо вещественных свидетельств в Приамурье об этом звере и, вероятно, опираясь на авторитет П. С. Палласа, который весьма осторожно упоминал о заходах снежного барса севернее Амура на Олёкму и даже

² Это утёс выше речного вокзала, у площади Славы.

³ Название дано по справочнику Павлинова И. Я. и Лисовского А. А. «Млекопитающие России» [6].

⁴ Этот раздел имеет свою нумерацию страниц, начинающуюся со страницы 1.

на Уду [4], решил, что на юге Приамурья обитает снежный барс. Конечно, это было заблуждением, возникшим, по мнению Гептнера и Слудского [4], под влиянием данных П. С. Палласа: в этой же работе обоснованно показано. что снежный барс обитал намного западнее — на восток не далее Байкала. Таким образом, под названием Felis irbis Маак пишет об амурском леопарде (барсе). Он приводит данные о его ареале: «...на пространстве от устья р. Сунгари до... немного выше устья р. Горин, туземцы, кроме тигра, знали еще другой вид из рода кошек, и, судя по сообщённым ими признакам, это вероятно, Felis irbis» [9, с. 102]. Позже Гептнер и Слудский этот участок обозначили как «вероятная область заходов в середине XIX века» [4, с. 221, рис. 136]. Примерно такую же информацию о «джерге» (ирбисе Felis *irbis*)⁵ мы находим у Л. Шренка, который указывал, что этот вид встречается по Амуру до устья, но всё же чаще у устья Уссури [15, с. 96-97]. Во время следующего путешествия по Уссури Маак уточнил особенности распространения леопарда по долине этой реки: «Барс или ирбис водится по всему протяжению уссурийской долины, от устья до верховьев... Но, по словам туземцев, он встречается здесь далеко не так часто, как тигр... Ирбис хорошо им известен» [10, с. 115]. Он сообщает о случае, произошедшем зимой 1858-1859 годов: «В ходзенское селение Дзоадза, находящееся в нижнем течении Уссури (выше устья р. Чирки. — А. А.), повадился ходить один барс. Он являлся каждый день в течение нескольких недель...» [10, с. 115-116], уничтожив немало собак и других домашних животных. Но был убит приехавшими в селение русскими казаками.

Про тигра жители Турме (ныне здесь находится с. Казакевичево) «...говорили мне, что прежде они держали лошадей, но тигры, которых водится очень много в Хукчир-Хурине, уничтожили их...» [9, с. 170]. Далее в «Обзоре животных» Маак пишет, что «на пространстве, начинающемся от Хинганского хребта и кончающемся немного ниже устья р. Уссури, тигр попадается нередко... чаще всего около устьев рек Сунгари и Уссури». Он указывает также и границу ареала тигра на Амуре — устье реки Горин [9, с. 103].

Во время путешествия по Уссури Маак пришёл к выводу, что долина Уссури и прилежащие склоны гор «...бесспорно, есть та часть всего известного нам пространства амурского края, в которой тигр встречается всего чаще. Это и понятно, потому что здесь местные условия особенно ему благоприятны: в лесистых горных цепях уссурийской страны и на ее луговых степях, частью усеянных лиственными рощами, частью поросших высокою травою и местами болотистых, он находит и много мест, где ему удобно жить,

и много животных, которыми питается... Любимую пищу тигра составляют настоящий олень и особенно косуля... Впрочем, он не отказывается вступать в бой и с вепрем... По всей вероятности, даже и переходы тигров из одной местности в другую направляются по переселениям косуль и диких свиней... Туземцы чрезвычайно боятся тигра... Но замечательно то, что этот страх не ограничивается одною боязнью встретить тигра... а выражается еще во множестве суеверных поверий и даже в обоготворении страшного зверя...» [10, с. 112–113].

Из этих данных можно заключить, что в те времена тигр и амурский барс (леопард) обитали в южной части Нижнего Приамурья, к северу до реки Горин, но в основном близ устья реки Уссури и вдоль неё, в том числе на хребте Хехцир, то есть на территории Большехехцирского заповедника. Леопард здесь давно исчез; по данным С. П. Кучеренко [8], в низовьях Уссури заход его был отмечен последний раз в 1954 году. Хотя какая-то слабая надежда об обитании его в крае ещё есть: автору настоящей публикации в 2002—2004 годах поступали сообщения от нескольких охотников о встречах с «барсом» в бассейнах рек Манома, Хойдур и Хосо (приток р. Гур). Тигр, конечно же, на Хехцире ещё обитает, и, более того, в последние годы численность его здесь растёт.

«В 4-х верстах ниже мыса Кырма...» [9, с. 162] отряд свернул в правый рукав Амура (протока Казакевичевская), по которому 10 июля вышел к устью Уссури, где «тянется хребет Хукчир-Хурин» [9, с. 162]. Здесь проводник Маака едва не был потоплен огромной рыбой. «С восходом солнца Эльзибах выехал острожить рыбу, но вскоре возвратился и рассказал нам о случившейся с ним неудаче: ...он заострожил такую большую рыбу, что никак не мог удержать ее, чуть было не выпрокинулся из берестянки, и должен был оставить в рыбе острогу, вследствие чего возвратился без добычи» [9, с. 162]. Вечером Эльзибах снова «...занимал нас очень интересными рассказами; он нарисовал карту реки Уссури, и мы узнали о ловле жемчужных раковин в притоках Уссури» [9, с. 163–164].

«По правому берегу Уссури, при устье, тянется хребет Хукчир-Хурин». Таким увидел Хехцир Ричард Маак в июле 1855 года.

⁵ Шренк, как и Маак, вероятно, тоже под влиянием данных Палласа ошибочно считал, что в Приамурье встречается снежный барс.

Ручей Соснинский в нижнем течении, май 2014 года. Близ устья этого ручья экспедиция Маака стояла несколько дней в июле 1855 года.

13 июля, просушившись после ночной бури, сопровождавшейся сильным ливнем, путешественники около полудня пристали к правому берегу Амурской протоки ниже селения Турме. Здесь началось знакомство Маака с хребтом Хукчир-Хурин. «Склоны Хукчир-Хурина, поросши густым лесом, нигде не представляют обнажений и прорезаны глубокими ущельями с роскошной растительностью... После Хинганского хребта здесь в первый раз снова появляется хвойный лес, который у подножия состоит преимущественно из сосны Pinus mandshurica (кедр корейский), а на вершине из *Picea pichta* (пихта)» [9, с. 169]. Но начался сезон дождей — обильные осадки не дали возможности исследовать хребет, в Амуре резко стала прибывать вода, по её поверхности неслись принесённые паводком деревья. Путешественники вынуждены были стоять близ устья ручья Соснинского. После сильного дождя с ветром «горные ручьи Хукчир-Хурина, в которых русла были наполнены гранитным песком и валунами, с шумом вливались в Амур и приносили смытых с берегов улиток и маньжурские орехи» [9, с. 171]. Непогода продлилась несколько дней. Но в июне 1859 года, во время путешествия на Уссури, Маак уже смог более детально исследовать Хехцир, «...употребив 11 дней на исследование интересного во всех отношениях хребта... и на довольно далёкую экскурсию в Хабаровку» [10, с. 7].

16 июля в 7 часов вечера экспедиция после встречного ветра с дождём прибыла к мысу Кхалфа (утёс ниже современного затона яхт-клуба). «Вечер был прекрасный... до заката солнца я имел возможность побродить по береговому скату, обросшему роскошным лесом... После долгого ненастья мы снова наслаждались прекрасной погодой» [9, с. 174].

17 июля была назначена днёвка — надо было просушить снаряжение и отдохнуть. Вечером Маак с казаком совершили экскурсию по берегу Амура к мысу Быри; у подножья скалистого выступа Холяльки (хабаровский утёс) они

сделали небольшую остановку. «Во время этой прогулки я имел случай убедиться, как обилен Амур рыбой, и убил из ружья нескольких осетров; огромные калуги беспрестанно выскакивали из воды и снова скрывались, взмахнувши своим широким хвостом; у наших ног, между каменьями, плавали осетры и множество различной рыбы играло на солнце, беспрестанно всплескивая воду...» Жизнь здесь кипела: «...на утесах и береговой окраине нам беспрестанно попадались цапли *Ardea cinerea*, выглядывавшие змей, которых водилось здесь очень много...» [9, с. 175]. Тут же он упоминает о «цаплях другого вида, небольших, весьма красивых птицах» — зелёных кваквах, достаточно редких в наши дни обитателях Амура и Уссури.

Ниже, за возвышенностью Кырмыс-хонгкони (Воронежские высоты), в небольшом тунгусском поселении Маак увидел укреплённый на шесте свежий череп бурого медведя и узнал, что несколько дней назад один из жителей удачно охотился на этого зверя.

На обратном пути 29 августа экспедиция совершенно случайно зашла в озеро Синдинское и остановилась на ночлег на месте посёлка Маяк. «Место нашего ночлега было восхитительное... песчаные отмели были усеяны следами зверей. Мы всю ночь слышали рев оленей» [9, с. 231].

31 августа выше обрыва Уксеми (Сарапульское) Маак отметил изюбря: «...я шел берегом и видел оленя, который спокойно красовался на небольшой лужайке... закинув голову назад, он пустился бежать...» [9, с. 232]. Немного выше путешественники встретили рыбаков, в их лодках лежали заостроженные калуги. Одну из них «...в 15 пудов весом они предложили нам, и мы купили два пуда за несколько пачек табаку» [9, с. 232].

Ниже Кырмыс-хонгкони 1 сентября «...беспрестанно встречались стада уток, гусей и небольшие вереницы черных аистов... большие песчаные отмели были усеяны журавлями... Когда стемнело, летучие мыши беспрестанно шныряли возле наших палаток» [9, с. 233–234].

2 сентября ниже нынешнего Амурского моста Маак отметил: «...теперь был лов рыбы (Salmo lagocephalus, так называлась кета. — А. А.)... Недавно начался ход... Нам везде предлагали этой рыбы» [9, с. 234–235]. Маак пишет, что этот вид обитает в Охотском море «в огромном количестве» и для нереста идёт в Амур. Более подробно он описывает кету в «Путешествии по долине реки Уссури...».

Далее отряд миновал без остановок утёсы Холяльки и Быри и к вечеру уже был в главном русле Амура. З сентября на песчаных косах близ нынешнего села Нижнеспасское Маак отметил много следов косуль, лосей, кабанов и медведей.

4 сентября в полдень экспедиция прошла мыс Кырма; наступали холода, надо было спешить, и Мааку, к его большому сожалению, не удалось встретиться со своим «Дерсу».

«Я очень жалел... что не мог теперь повидаться с отважным и смышленым Эльзибахом» [9, с. 236], который, по словам встреченных гольдов, жил где-то на острове в маленьком селении «в три мазанки».

В «Обзоре животных» Маак сообщает краткие сведения о фауне позвоночных животных. Для Приамурья из млекопитающих он указывает 27 видов: один вид рукокрылых, три вида насекомоядных, в том числе ежа — «тунгусы, живущие около устья Уссури, говорили мне, что у них попадается еж; они узнали его на рисунке, который я показал им» [9, с. 96], четыре вида грызунов (белка, летяга, бурундук, серая крыса) и зайца-беляка. Из отряда хищные он отметил обитание 13 видов (бурый медведь, барсук, соболь, колонок, горностай, выдра, волк, красный волк, лисица, енотовидная собака, рысь, барс, тигр), из отряда парнокопытные — шесть видов (кабарга, лось — «...особенно часто они попадаются... у р. Горин» [9, с. 110], северный олень — «окрестности устья р. Горина составляют... южную границу распространения» [9, с. 111], косуля (граница ареала была определена ниже оз. Кизи), олень настоящий (изюбрь) — «чем далее вниз по Амуру, в особенности же на пространстве от Хинганского хребта до устья р. Уссури и верст на 200 ниже его, тем чаще попадаются следы этих животных» [9, с. 111], кабан — «недалеко за устьем р. Горин проходит граница его распространения по Амуру» [9, с. 109]).

По результатам исследования реки Уссури Маак существенно расширил список видов млекопитающих. Кроме 27 видов, отмеченных в «Путешествии на Амур...», он указывает на обитание в пределах современного Хабаровского края домовой мыши, красной и красно-серой полёвки, водяной крысы (ныне восточная полёвка), маньчжурского зайца, харзы, ласки, «дикой кошки» — амурского лесного кота, гималайского медведя Ursus thibetanus. «Медведь тибетский, и шкура, которую я привез с собою, вполне подтверждает это предположение: она по всем признакам принадлежит *U. thibetanus*» [10, с. 96]. В этой же экспедиции были собраны сведения о распространении пятнистого оленя («лани») к северу до устья реки Нор (Наолихэ, окрестности с. Шереметьево Вяземского района, здесь Маак обнаружил на скалах петроглифы); были получены некоторые новые данные по очень редкому уже тогда виду — красному волку, «...который, впрочем, кажется, довольно обыкновенен в горах, лежащих на север от Амура. Около ближайших к устью частей Уссури он водится в Хёхцырских горах...» [10, с. 107]. Были также указаны горал и росомаха как редкие и обитающие на удалении от долины, в горах «Сихота-алина». Были также собраны новые данные по экологии ряда видов (кабан, косуля, тигр, бурый медведь и др.). Для косули он отметил, что «трудно найти страну, в которой бы местность была более благоприятна для косули, чем в уссурийской долине... они встречаются в огромном числе по всему течению Уссури» [10, с. 133]. Здесь же описаны сезонные миграции этого вида: «В первых числах сентября я заметил, что косули начали переселяться из одних местностей в другие, и туземцы сказали мне, что это бывает каждый год около того же времени и продолжается от двух до трех месяцев. Эти переселения состоят в том, что животные перебираются с одного берега Уссури на другой, особенно с правого на левый, причем, конечно, должны переплывать через реку» [10, с. 133]. Показаны также сезонные перемещения кабана: «...от туземцев же узнал я, что многочисленность или редкость вепрей в различных местах зависит от урожая желудей, изменениям которого должно даже приписать и случающиеся здесь довольно часто переселения этих животных» [10, с. 128]. Это же указано для бурого медведя в долине Уссури. Осенью «...медведь приближается к реке и плавает по ней». Но Маак заметил, что идущая в это время на нерест кета не является причиной этого плавания. «Передвижения медведей должны происходить от каких-либо других обстоятельств, которые нам в настоящее время еще неизвестны» [10, с. 94]. Эти сведения в дальнейшем были подтверждены другими исследованиями [1; 2; 3; 8; 13].

По итогам первой экспедиции Маак отметил для Нижнего Приамурья не менее 73 видов птиц (это виды, которые он сам встречал или добыл, и лишь некоторые были включены по опросным данным). Из числа ныне редких, внесённых в Красные книги, он отметил стерха, скопу, чёрного аиста, филина, сухоноса, мандаринку. Почему-то он не упоминает в «Обзоре животных» для Амура орлана-белохвоста и белоплечего орлана, хотя ранее пишет, что в селении Долэ ниже

«Откосы Нюрце́ заслуживают внимание и в историко-географическом отношении... Здесь... я видел изображение... птицы, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся» [10, с. 43]. Скалистый выступ на правом берегу Уссури ниже села Шереметьво, июнь 2013 года.

одноимённого скалистого выступа (ныне Джари) «сидели ручные орлы (Aquila pelagica и A. albicilla)» [9, с. 187]. Но в следующую экспедицию на Уссури он отмечает обилие орлана-белохвоста: «...почти не было ни одного дня, в который бы мы не видали этой птицы: то она кружила в воздухе, то сидела на какомнибудь высоком дереве на берегу

реки, или всего чаще при каком-нибудь озере. Мы думаем, что из дневных хищных птиц она более других распространена по Уссури» [10, с. 145]. После экспедиции на Уссури он указывает 132 вида птиц для её долины, в том числе в пределах Хабаровского края были отмечены орёл-крикун (скорее всего, Маак понимал под ним большого подорлика), гоголь, свиязь, горлица и другие. Орнитологический интерес представляет отсутствие полевого и домового воробьёв на Амуре; не ясно, почему Маак ничего не пишет о дальневосточном аисте (упоминается лишь чёрный аист только на Амуре). Но он указывает белого журавля Grus leucogeranus как достаточно обычного на Амуре и Уссури: «...на Амуре я видал этих птиц изрядно на отмелях и около озёр» [9, с. 136]. При этом, скорее всего, он не ошибся в определении (хотя не исключено, что встреченные им птицы могли быть японским журавлём), так как встречал ранее белого журавля на реке Вилюй. Получается, что во времена Маака белый журавль, очень редкий ныне вид, внесённый в Красную книгу Российской Федерации, гнездился по Амуру и Уссури, но здесь не было дальневосточного аиста.

Пресмыкающихся в первом путешествии он встретил немного — всего четыре вида: живородящую ящерицу, гадюку,

среднего (каменистого) щитомордника и дальневосточную черепаху. Наиболее ценной была находка последнего вида; по экземплярам, собранным Мааком у мысов Быри и Холяльки, она была описана в 1858 году Ф. Ф. Брандтом как новый для науки вид. Позже на Уссури он нашёл ещё три вида: амурского и узорчатого полозов и восточного щитомордника. Из земноводных он указывает для Амура и Уссури пять видов. Кроме этого, уже в первую экспедицию он собрал небольшую коллекцию рыб, но к опубликованию «Путешествия на Амур...» она ещё не была обработана, поэтому эти и новые данные, всего о 21 виде, были представлены после второй экспедиции в «Путешествии по долине реки Уссури...». При этом самое большое место в описании рыб реки Уссури было отведено кете [10, с. 199–200].

По итогам путешествия на Уссури Р. К. Маак сделал общий вывод о том, что фауна бассейна этой реки слагается в основном из лесных видов; при этом указал на её смешанность и экологические закономерности её формирования: «...далекое проникновение на юг северных форм, а равно и указанное... совпадение их областей с областями более южных... оба находятся в тесной связи с рельефом, растительностью и климатом тех стран, в которых имеют место» [10, с. 143].

Список использованных источников

- 1. Бромлей, Г. Ф. Копытные юга Дальнего Востока СССР / Г. Ф. Бромлей, С. П. Кучеренко. Москва : Наука, 1983. 305 с.
- 2. Бромлей, Г. Ф. Медведи юга Дальнего Востока СССР/Г. Ф. Бромлей. Москва: Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. 120 с.
- 3. Бромлей, Г. Ф. Уссурийский кабан = Sus scrofa ussuricus Heude, 1888 / Г. Ф. Бромлей. — Москва : Наука, 1964. — 108 с.
- 4. Гептнер, В. Г. Млекопитающие Советского Союза: в 3 т. Т. 2, ч. 2: Хищные (гиены и кошки) / В. Г. Гептнер, А. А. Слудский. Москва: Высш. школа, 1972. 551 с.
- 5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. Санкт-Петербург: тип. Эдуарда Прана, 1848. С. 56.
- 6. Исследования по фауне Советского Союза: сб. тр. Зоол. музея МГУ. Т. 52: Млекопитающие России: систематико-географический справочник / под ред. И. Я. Павлинова, А. А. Лисовского. Москва: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 602 с.
- 7. Исследования по фауне Советского Союза: сб. тр. Зоол. музея МГУ. Т. 56: Млекопитающие России: список видов и прикладные аспекты / А. А. Лисовский, Б. И. Шефтель, А. П. Савельев [и др.]. Москва: Т-во науч. изд. КМК, 2019. 191 с.
- 8. Кучеренко, С. П. Звери у себя дома: записки дальневост. охотоведа / С. П. Кучеренко. Хабаровск: Кн. изд-во, 1973. 318 с.
- 9. Маак, Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, в 1855, Р. Мааком / Р. К. Маак. Санкт-Петербург: тип. К. Вульфа, 1859. 532 с.

- 10. Маак, Р. К. Путешествие по долине реки Уссури: совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, Р. Маак: в 2-х т. Т. 1/Р. К. Маак. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова. 1861. VIII. 204. 23 с.
- 11. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири : в 2-х ч. Ч. 2 / А. Ф. Миддендорф. Санкт-Петербург : Изд-во ГеоГраф, 2006. 850 с.
- 12. Павлинов, И. Я. Звери России: справочник-определитель. Ч. 2: Хищные. Непарнокопытные. Парнокопытные. Китообразные. Сирены / И. Я. Павлинов. — Москва: Т-во науч. изд. КМК, 2019. — 702 с.
- 13. Раков, Н. В. Распределение и численность косули в Приамурье / Н. В. Раков // Охотничье-промысловые звери. — Москва, 1965. — С. 93–107.
- 14. Сибирские летописи: издание императорской археографической комиссии. Санкт-Петербург: тип. И. Н. Скороходова, 1907. 464 с. URL: http://irkipedia.ru/istochniki/sibirskie_letopisi_izd_imper_arheograficheskoy_komissii_spb_tip_skorohodova_1907 (дата обращения: 04.04.2022). Текст: электронный.
- 15. Schrenck L., von. 1858. Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854–1856 im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ausgef hrt und in Verbindung mit mehreren gelehrten herausgegeben. Bd. 1, Lief. 1: Einleitung, S ugethiere des Amur-Landes. St. Petersburg: Kaiserl. Akad. Wissensch. S. 1–213.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 13.04.2022.

Сведения об авторе: Антонов Александр Леонидович, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии животных Института водных и экологических проблем ДВО РАН, кандидат биологических наук, член Хабаровского краевого отделения Русского географического общества (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: antonov@ivep.as.khb.ru; тел. 8-924-101-26-04.

ОПЫТ САМОИЗОЛЯЦИИ: КАК НАШЕ ЖИЛЬЁ ИЗМЕНИЛОСЬ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

В статье рассматриваются проблемы трансформации жилых ячеек с противоположными целями: обеспечение интровертности и экстравертности жилья.

Ключевые слова: самоизоляция, совместное проживание, городские джунгли, городское огородничество.

Keywords: self-isolation, living together, urban jungle, urban gardening.

ильё, созвучное в русском языке со словом «жизнь», — первичная, базовая потребность человека. Этот тезис вряд ли вызовет возражение. В нашем исследовании мы рассматриваем две на первый взгляд противоположные формы жилья: первая — жильё как интровертная, наглухо запечатанная капсула только для семьи; вторая — жильё как открытая система совместного использования (coliving). Мы кратко наметим проблемное поле исследования и более подробно остановимся на роли озеленения как самом простом и эффективном способе позитивной трансформации жизненного пространства.

Интерес к изменению привычных жизненных практик вызван экзистенциальными вызовами, обрушившимися на мир в последние годы. Заметим, что жизненный уклад крайне консервативен и поколениями воспроизводится практически без изменения. Возможно, только глобальные потрясения могут заставить пересмотреть архаизированные формы домовладения. В качестве примера этого допущения приведём опыт UK. Плачевные итоги Первой мировой войны для Англии были во многом обусловлены низким качеством «человеческого материала» — подавляющее большинство мобилизованных молодых людей имело плохое здоровье. так как росло в крайне неблагоприятных жилищных условиях с отсутствием инсоляции, аэрации, без доступа к зелёным зонам и свежему воздуху. Именно понимание этой структурной проблемы (плохое жильё — плохое здоровье нации — угроза национальному суверенитету) подвигло английское общество к пересмотру концепции жилья, пропаганде идеи города-сада и реализации проекта «Большой Лондон». Этот пример напоминает о том, что кризисы не только разрушительны, но и способны перезапускать веками сложившиеся системы.

В 2020—2022 годах мир столкнулся с идущими друг за другом экстраординарными вызовами: пандемией COVID-19 с сопутствующими ей локдаунами разной степени жёсткости (вплоть до продолжающейся и сегодня в КНР политики «нулевой терпимости») и резким падением уровня жизни, меняющим привычные практики потребления и переводящим жизненные стратегии в режим максимальной экономии. Если пандемия вынудила большинство жителей вестернизированного мира рассматривать свои жилища как закрытые системы, экономический кризис спровоцировал рост интереса к различным вариантам совместных форм проживания.

Не являясь социологами/городскими антропологами, мы внимательно следим за работами коллег, изучающих постковидные рефлексии и вырабатывающих стратегии «перезапуска» жизненного пространства. Сошлёмся на коллективный труд Центра полевых исследований РАНХиГС

[1], авторы которого, осмысляя опыт пандемии, напоминают, что в условиях самоизоляции дом становится не столько «укрытием от непогоды и внешнего мира», но и «дополнительным источником одиночества и опустошённости, резервуаром не заботы, а страхов. В этом большинство обитателей крупных городов смогло убедиться, пережив в четырёх стенах карантинные ограничения, вызванные пандемией COVID-19. В одно мгновение ока мы все стали стариками — маломобильной категорией граждан, обречённой на замкнутое существование, с которой не обсуждают жизненно важные вопросы, которую принято "занимать" чем-нибудь без оглядки на её реальные потребности (биологические, экономические, социальные)» [3]. Что касается англоязычных исследований, посвящённых трансформации городов и жилых ячеек под влиянием перехода на удалённую работу, упомянем коллективную статью JUE Insight: How do cities change when we work from home? Её основные тезисы опубликовал в своём Telegram-канале «Урбанизм как смысл жизни» Пётр Иванов [8].

Интересным инструментом преодоления «постковидной травмы» обещает стать Первая Сибирская архитектурная биеннале, которая пройдёт в Красноярске в мае под лозунгом «COVID не ушёл. Быт или не быть?». Участников биеннале призывают продумать варианты адаптации квартир, дворов, подъездов и первых этажей жилых зданий под новые реалии [4]. Отметим, что бакалавры и магистры Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета также активно работают в этом направлении; для иллюстрации статьи мы использовали проектные предложения Софьи Скидан (бакалавр дизайна архитектурной среды ТОГУ, руководитель — доцент А. П. Иванова).

Рассмотрим способы трансформации жилья под влиянием пандемии. Одним из последствий опыта двухлетней самоизоляции стал резкий отказ от интерьерного минимализма и переход к «новой эклектике», включающей разнообразные варианты стилей бохо и фьюжен. В англоязычных интерьерных журналах широко обсуждается тезис о том, что скандинавский стиль — максимально функциональный, монохромный, лишённый декора, «визуального мусора», но, следовательно, индивидуальности, — был идеально приспособлен для жизни «офисного планктона», рано утром уходящего на работу, возвращающегося поздно вечером и рассматривающего своё — часто съёмное — жильё в качестве «капсулы для сна». Так как аренда жилья изначально подразумевает перспективу частых переездов, типичная «студия» обставлялась мебелью из IKEA, купленной во время сезонных распродаж. В России самый восточный молл ІКЕА до апреля 2022 года работал в Новосибирске, но эффективная система доставки обеспечивала максимально широкое проникновение икеевской эстетики в самые дальние уголки нашей страны. Те же самые икеевские предметы обстановки (мебель, текстиль, светильники, посуда, постеры и проч.) заполняли не только квартиры, но и бюджетные хостелы/ гостевые дома от Калиниграда до Владивостока. Из-за универсальности неотличимых друг от друга «скандинавских» интерьеров ощущение приватности собственного жилья практически исчезло, комнаты, выкрашенные в белый цвет и лаконично обставленные сосновой мебелью, перестали отражать «душу хозяина», превратившись в инструменты обеспечения максимально эффективной жизнедеятельности. Заметим, что парадигма «новых горожан», транснациональных номадов-кочевников, меняющих страны, города и съёмное жильё, предполагала отказ от формата семьи с несколькими поколениями, живущими вместе, и сводила к минимуму быт (уборку, готовку, стирку/сушку белья и проч.). Даже нуклеарная семья казалась слишком громоздкой для навязчиво пропагандируемого стиля жизни миллениумов. подталкивающего молодое поколение к одинокой («самодостаточной») жизни.

Пандемия, застигшая миллионы «новых горожан» в монохромных минималистических «студиях», внезапно превратившихся в «одиночные камеры», обнажила ущербность этого формата жизнеустройства. В качестве рефлексии последовал внезапный интерес к комнатному цветоводству. Этот тренд стремительно набрал силу и превратился в мощное движение Urban Jungle («городские джунгли»). Концепцию «зелёного интерьера», где тропические растения являются главным элементом декора и обстановки, выдвинули в 2016 году Игорь Йосифович и Джудит де Граф в книге Urban Jungle, переведённой на русский язык двумя годами позже [2]. Но именно локдауны с запретом прогулок спровоцировали повальное увлечение «городскими джунглями». Быстро растущие, исключительно декоративные монстеры стали главными героями интерьерных фотосессий 2020 года. Западная мода распространилась в России, и за пару лет жильё «новых горожан» заполнили тропические лианы, пестролистные растения, пальмы, папоротники и плющи. Минималистические интерьеры неожиданно оказались

Бюджетное арендное жилье, превратившееся за два года пандемии в «городские джунгли». Хабаровск, март 2022 года.

прекрасным фоном для буйной зелени, преобразившей «студии» и «лофты»

Пышная растительность (монстера, диффенбахии, алоказия, калатея) способна облагородить самый незатейливый интерьер, придав ему романтичность и колониальный шик. Заинтересовавшимся этой темой рекомендуем прекрасно иллюстрированные издания [5–7].

Однако для создания «городских джунглей» требуется относительно большая площадь с хорошей освещённостью. В малоформатных помещениях самыми популярными растениями в годы пандемии стали миниатюрные суккуленты.

Ещё один тренд интерьерного озеленения — интерес к «винтажным» растениям, аккумулирующим тоску по семейному (бабушкину) уюту, дефицит которого остро заявил о себе в «домашних офисах». Переход на удалённую работу усугубил проблемы самоизоляции, и массовое увлечение озеленением квартир имело во многом психотерапевтические свойства.

Однако, помимо психологических проблем, ограничения, связанные с пандемией, спровоцировали

Проект озеленения типового хабаровского балкона. Автор проекта — Софья Скидан, бакалавр ДАС ТОГУ — предложила «средиземноморский» сценарий: цвета лимонов и моря, бело-голубая плитка «азулежу», плетённые корзины, кашпо и абажуры — всё это служит фоном для коллекции кактусов и суккулентов.

Хлорофитум, комнатная роза и мята как пример «винтажных» растений.

Пример «городского огородничества».

серьёзное падение уровня жизни. Механизмом компенсации стало «городское огородничество». В типичных хабаровских квартирах рассада порой загромождает большую часть комнаты: комфорт, эргономика и эстетика принесены в жертву проблеме выживания. Такой тип «вынужденного озеленения» характерен для жилья пенсионеров и малообеспеченных слоёв населения. Нетрудно спрогнозировать, что по мере усугубления экономических проблем «городское огородничество» из квартир переместится во дворы. Ещё не изглади-

Проект вертикального огорода во дворе многоэтажного дома в районе Депо-2, Хабаровск. Автор проекта Софья Скидан предлагает размещать во дворах миниатюрные теплицы, шпалеры для вьющихся овощей (фасоль, горох, тыквы, огурцы), пирамиды из ящиков с зеленью. На заднем плане заметен информационный стенд с инструкциями по уходу за растениями.

туру») возможно корректировать с помощью средового дизайна. Предполагается, что занятие «городским огородничеством» поможет создать разновозрастное соседское сообщество, где люди старшего возраста (часто одинокие и нуждающиеся в общении) смогут передать свои навыки молодому поколению. Совместный труд по созданию дружелюбной среды, ухаживание за растениями, сбор урожая помогут хотя бы немного преодолеть атомизацию общества, обострившуюся за время пандемии.

ный неологизм, объединяющий «архитектуру» и «агрокуль- общества, обострившуюся за Список использованных источников

1. Жизнь вне изоляции: концепция нового социального дома / К. М. Мануильская, Д. М. Рогозин, О. С. Грязнова [и др.]. — Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — 328 с.

лись из памяти палисадники с картошкой и помидорами,

которые разбивались под окнами типовых «панелек». Эти

малоэстетичные проявления «агротуры» (профессиональ-

- 2. Йосифович, И. Urban Jungle : как создать уютный интерьер с помощью растений / И. Йосифович, Дж. де Граф ; пер. с англ. Е. Куприяновой. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 175 с.
- 3. Семинар «Жизнь вне изоляции: насколько наше жилье пригодно для жизни?». Текст : электронный // Шанинка : [сайт Московской высшей школы социальных и экономических наук]. Москва, 2009–2021. URL: https://www.msses.ru/announcement/seminar-zhizn-vne-izolyatsii-naskolko-nashe-zhile-prigodno-dlya-zhizni/.
- 4. Сибирская архитектурная биеннале. Текст : электронный // Российская архитектура. URL: https://archi.ru/contests/19037/sibirskaya-arkhitekturnaya-biennale.

- 5. Blakeney, J. Jungalow: Decorate Wild: The Life and Style Guide / J. Blakeney. New York: Harry N. Abrams, 2021. 272 p.
- 6. Camilleri, L., Kaplan S. Leaf Supply: A Guide to Keeping Happy House Plants / L. Camilleri, S. Kaplan. New York: Smith Street Books, 2018. 256 p.
- 7. Carter, H. Wild at Home: How to style and care for beautiful plants / H. Carter. London: CICO Books, 2019. 144 p.
- 8. Delventhal, M. J. JUE Insight: How do cities change when we work from home? / M. J. Delventhal, E. Kwon, A. Parkhomenko. doi.org/10.1016/j.jue.2021.103331. Текст: электронный // Journal of Urban Economics. 2022. Vol. 127. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0094119021000139.

Фотографии предоставлены авторами. Материал поступил в редакцию 25.04.2022.

Сведения об авторах:

Апарина Ирина Григорьевна, магистр Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: aparina-photo@yandex.ru.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.

ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Статья посвящена самоопределению автора в современном мире и выстраиванию иерархии значимых для него параметров его идентичности. Особенное внимание уделено цивилизационному самоопределению автора в качестве европейца, социально-статусному самоопределению в качестве интеллигента и профессиональному самоопределению в качестве учёного-культуролога. Рассматривается также отношение автора к религии и Богу, его самоопределение в качестве агностика и его политическое самоопределение в качестве либертарианца. Также затрагиваются вопросы национального, мировоззренческого и ценностно-культурного самоопределения современного человека.

Ключевые слова: идентичность, цивилизационный тип, социально-сословный статус, профессиональный статус, политические взгляды, вероисповедание.

Keywords: identity, civilization type, socio-class status, professional status, political views, religion.

дентичность каждого человека складывается из многих отличающих его признаков, выстроенных в иерархическую цепочку по степени значимости их для данного индивида. Я никогда не испытывал сложностей со своей самоидентификацией, наверное, потому, что моя иерархия отличающих меня признаков строилась не по национальному, а по цивилизационному и социальному принципам. Наиболее значимыми для меня всегда были три признака.

Во-первых, я европеец. Моя родина — Европа, а Россия лишь в той мере, насколько она Европа. Это понятие не географическое, а культурное. Можно жить во Владивостоке и быть европейцем, а можно и в Калининграде быть азиатом. В основе европейской культуры, по моему мнению, лежат Античность и христианство. При этом Античность, я думаю, больше повлияла на художественную культуру Европы; значительная часть образов и форм европейского искусства и литературы взята оттуда. А христианство сформировало общее мировоззрение европейцев: глобальную иерархию ценностей, отношение к добру и злу, представления о социальной справедливости и т. п. Именно этим европейская культура отличается от остальных. Для меня это и основа моих ценностных ориентаций.

Отмечу, что при этом сам я не верующий, ни к какой конфессии не принадлежу и вполне равнодушен к христианскому вероучению (интеллектуально мне более интересны буддизм и китайский даосизм). Однако мои культурные ориентации чисто христианские, независимо от моих религиозных взглядов или их отсутствия.

В 1997 году в Швейцарии, в г. Лозанне, мне делали операцию на сердце. И за день до операции меня отпустили погулять в город. Там я нашёл несколько средневековых памятников и даже забрался на гору, которую венчал готический собор. Так вот, у подножия этого собора я почувствовал, что я — дома, в органичной для себя культурной среде. Такое же чувство дома охватывало меня во Владимире, в Смоленске, в Санкт-Петербурге, во Львове. Я видел, что это всё христианская Европа, это моя родная европейская культура.

Замечу, что в Израиле, где для меня многое было очень интересно, такого чувства, что я дома, не возникало. Это не Европа, хотя в повседневной израильской культуре европейского больше, чем, наверное, хотелось бы самим израильтянам.

Таким образом, я определяю себя европейцем по цивилизационной принадлежности, что практически является и моей национальностью. Я ощущаю своё культурное родство не с каким-то отдельным этносом, а со всей Европой в целом. Во всех смыслах я — порождение европейской христианской культуры со всеми её особенностями. Хотя я и не могу назвать себя атеистом — человеком, в принципе

отрицающим существование Бога, скорее я агностик — человек, сомневающийся в достоверности наших представлений о нём, в универсальности христианских догм и проч., но я понимаю, что мои культурно-ценностные ориентации в целом близки к католическим.

Во-вторых, я интеллигент. Споры о том, что такое интеллигенция и каковы признаки интеллигентности, ведутся уже почти два века [2]. И у меня есть своя версия этого.

Интеллигент — это прежде всего дитя книжной культуры, человек, прочитавший тысячи книг и впитавший в себя их ценностный багаж; способный наизусть декламировать целые главы из «Евгения Онегина» или целые акты из «Гамлета». Человек, измеряющий ряд событий истории через литературные образы и воспринимающий мир как художественный текст и потому хорошо понимающий постмодернизм, играющий именно по этим правилам. При современной экспансии кино, экранизировавшем уже всю литературу, интеллигент сохраняет возможность сравнить любую киноверсию с её литературным первоисточником.

Интеллигент — это дитя культуры. Он может быть консерватором или футуристом, но он видит мир сквозь призму культуры, воспринимает социальную реальность как явление той или иной культуры.

Интеллигент всегда оппозиционен любой власти — красной, белой, зелёной и проч. Он и политическая власть — понятия несовместимые. Когда-то мне довелось читать книгу Бенито Муссолини «Доктрина фашизма» [8]. В ней было много интересного, но особенно мне запомнились рассуждения Муссолини о том, что главными врагами фашистов являются даже не русские коммунисты, а британские либералы. Либералы особенно опасны тем, что они распространены по всему миру и называют себя интеллигентами. Отсюда главная задача фашистов — истребить всю интеллигенцию сначала в Италии, а затем и по всей Земле...

Действительно, интеллигент — это, как правило, либерал (сторонник свободы любых форм деятельности) и антифашист (противник идеи политического насилия). Отсюда интеллигент — понятие не только гуманитарно-культурное, но и политическое. Интеллигент всегда находится в оппозиции к власти, неизбежно ущемляющей свободу, хотя активным революционером он становится редко.

И, в-третьих, я учёный. В моём понимании учёный — прежде всего это человек, ищущий рационального понимания и объяснения всего наблюдаемого мира. Рационализм сознания — это первое, что отличает учёного. Всё, что наблюдается глазом (или прибором), может быть рационально объяснено. А то, что не наблюдается (например Бог), не нуждается в таком объяснении. И второе — это способность увидеть мир как систему, все части которой функционально связаны и в какой-то форме взаимодей-

ствуют [7]. Системность мировидения — это тоже отличительная черта учёного.

Всё это уже само по себе не просто. Но ситуация ещё больше усложняется тем, что рациональных объяснений наблюдаемого мира может быть множество, и потому наука — это поле постоянных теоретических дискуссий между сторонниками различных объяснений (концепций) устройства наблюдаемого мира и процессов, в нём протекающих.

Возникает вопрос: а где же истина? А она непознаваема, поскольку постижение истины предполагает исчерпывающее знание, что не достижимо в принципе. Мир познаваем, но всегда не до конца, и наука лишь поступательно приближается к этому исчерпывающему знанию, не достижимому в абсолюте. Тем не менее учёные заняты расширением этого поля знания, неустанным пополнением его багажа, поиском новых объяснений наблюдаемых феноменов, помня о том, что истина — понятие религиозное; в науке никаких истин не бывает, а есть только постоянно корректируемые знания. Выражение «поиск истины» в научных текстах встречается часто, но имеет весьма условный смысл (в тех случаях, когда автор понимает смысл слова «истина»).

Учёный должен ясно представлять себе, чем его научное исследование отличается от квалификационной работы с её соответствием ВАКовским требованиям. Быть учёным — это быть предельно независимым мыслителем, не боящимся ни власти, ни ВАКа, ни осуждений со стороны коллег.

В моей области знаний — культурологии — приходится понимать, что культура вовсе не венец творения, а только мотиватор поведения и деятельности людей как этапа в развитии движения материи во Вселенной, и, по всей видимости, далеко не последнего этапа. В масштабах истории культура — лишь одна из технологий совместной жизнедеятельности разумных организмов (людей) на определённой стадии их развития [4; 5; 6]. А что будет дальше?

Таким образом, учёному приходится развивать знание в условиях недоказуемости истины, в непрерывной борьбе правды науки с сиюминутной политической целесообразностью, в потоке текучей истории, постоянно меняющей основные, системообразующие правила игры, и т. п. Тем не менее только накопление научного знания объективно является наиболее эффективным ускорителем развития человечества в пространстве-времени. Вот только участи учёного при этом не позавидуешь...

Моё вероисповедание и отношение к Богу. Я уже говорил, что я агностик. Я полагаю, что, если мы не можем изучать Бога эмпирически, то наше умозрительное представление о нём тем более сомнительно. Если он действительно есть, то представляет собой нечто совсем иное, чем мы думаем. И хотя я не отрицаю существования Бога (как возможности), но я и не вижу явных подтверждений тому.

Как явление культуры Бог мне понятен и социально очень полезен (вспомним шутку Вольтера о том, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать). Идея Бога — это основной регулятор наших инстинктов (сохранившихся, но в ослабленном виде). Наличие религии представляется главным, что отличает людей от животных (все остальные элементы культуры, включая искусство, у животных есть; нужно только научиться это видеть). Какой бы была человеческая культура без идеи Бога? Такого даже невозможно себе представить.

Я — агностик, то есть незнающий. Мировоззренчески я не занимаю никакой определённой позиции в отношении религии. Все существующие конфессии своими догматами о сущности Бога меня не убеждают (хотя некоторые из них, особенно «безбожные» буддизм и даосизм, мне интересны). Убеждает только старая сентенция, гласящая, что Бог — это природа. Но тогда зачем множить сущности, как спрашивал Уильям Оккам [3]?

В студенческие годы мне посчастливилось учиться у Ирины Сергеевны Свенцицкой, крупнейшего отечественного специалиста по раннему христианству. И в последующем мы с ней неоднократно встречались, и я засыпал её горой вопросов по раннему христианству, которое меня всегда очень интересовало.

Лекции Свенцицкой по истории религий (очень тактичные в вероучебном плане) в большой мере сформировали моё отношение к религии в целом, а главное — научили меня отделять своё мнение о религии как о психико-компенсаторной программе от мнения о церкви (или любой иной конфессиональной институции) как об административно-регулятивной структуре. Церковь и особенно церковная иерархия по большому счёту далеки от религии как таковой (хотя и мнят себя её главными представителями) и заняты преимущественно обеспечением собственных политических интересов. А вероучебные догматы и религиозные доктрины, создаваемые основателями религий и церковными учёными-теологами, идейно вполне самодостаточны и пользуются авторитетом в силу традиции. Они служат теоретическими основаниями для новых моделей поведения людей, а порой становятся и полноценными политическими идеологиями. Близка к религии (массовым верованиям) и низовая часть клира — приходские священники, муллы, раввины, гуру, ламы и т. п., постоянно общающиеся с паствой. Сама же паства в основном слабо разбирается в интеллектуальных изысках религиозных доктрин, и потому её пастыри в своих проповедях обычно апеллируют не к логике, а к религиозному чувству верующих.

Ведь Бог открывается не разуму, а чувству. И для этого не нужно знать священные тексты. Бога нужно ощутить как свою естественную потребность, поскольку религиозная вера —

явление эмоциональное. Разум тут совершенно бессилен. Бога можно постичь только эмоционально, сердцем почувствовав наличие кого-то, кто выше и важнее тебя. Но для многих людей это становится большой психологической проблемой.

А у меня такой проблемы нет. Эмоционально я ни в какой вере не нуждаюсь. Таков опыт моей жизни. Но это вовсе не значит, что Бога нет. Вполне возможно, что он есть. Просто я этого не знаю...

В самоидентификации многое зависит от базового мировоззрения человека, его политической ориентации. Я всегда был последовательным сторонником эволюционизма и полагал предназначение науки в том, чтобы способствовать прогрессу во всех видах социальной практики и сознания. Ничто так не способствует прогрессу в любых технологиях деятельности, в функциональной организации общества, в поиске смысла нашей жизни и проч., как наука. И потому я — убеждённый эволюционист и прогрессист, несмотря на то что сегодня у нас это не приветствуется.

Я с большим уважением отношусь к марксизму как философии и считаю его лучшей теорией познания из всех, разработанных до сих пор. Но... Марксизм не только теория, но и руководство к политическим действиям. И тут он распадается на несколько течений, среди которых стоит выделить два: во-первых, большевизм, преследующий цель построения общества социальной справедливости посредством прямого революционного насилия (подобная программа остаётся актуальной для российских коммунистов и ныне), и, во-вторых, меньшевизм, стремящийся к достижению примерно тех же целей, но посредством мягкой социально-экономической трансформации, без насилия над обществом (характерная позиция современной европейской социал-демократии).

Как интеллигент я, естественно, являюсь сторонником «мягкого» пути социальной эволюции (и потому я убеждённый антикоммунист) и как учёный придерживаюсь эволюционной модели понимания истории, однако не отвергаю как заведомо неверные и иные модели (цивилизационную, креационную и проч.), а рассматриваю их в идейном контексте каждого конкретного исследования. Выбор аналитической модели всегда зависит от научных или идеологических целей, преследуемых учёным в той или иной работе, оттого, что он стремится доказать и с кем спорит, от его системообразующей идеологии. Я же, как правило, являюсь марксистом в интерпретациях прошлого, либералом в понимании на-

стоящего и **либертарианцем** в представлениях о будущем. Такова моя научная диспозиция.

Либертарианство — это политическая идеология, родственная либерализму и анархизму [1]. Само слово «либертарианство» является производным от латинского libertas — свобода. В XIX веке либертарианство считалось просто синонимом анархизма, но в XX веке оно выделилось в самостоятельную идеологию. В отличие от классического анархизма, тесно связанного с классовой теорией Маркса и преследующего цель создания для рабочих бесклассового и бесгосударственного строя, у либертарианства нет такой жёсткой классовой привязки, и оно преследует цель защиты любого человека от ущемления его социальной и личной свободы, прежде всего со стороны государства.

Я полностью разделяю идеологию либертарианства, являюсь её активным последователем и как учёный, и как гражданин, будучи принципиальным противником государства как идеи, как совершенно устаревшего типа социальной организации общества. Но эта тема требует уже отдельного разговора...

Но вернёмся к вопросам идентичности. В моей самоидентификации первыми стоят три признака: европеец, интеллигент, учёный. То, что в этнолингвистическом плане моими родными являются именно русский язык и русская культура или то, что генетически я происхожу от евреев-ашкеназов из Фландрии (по отцу) и Литвы (по матери) и что на одну четверть я поляк, — всё это очень для меня важно, но тем не менее это вторично в границах моей идентичности. Занятно, что внешне я больше всего похож на своего польского деда по матери, а не на три четверти своих еврейских корней.

Итак, моя идентичность иерархически построена именно в таком порядке: 1) европеец по цивилизационному типу, 2) интеллигент по социальному самоощущению, 3) учёный по профессии, 4) эволюционист по мировоззрению, 5) прогрессист по жизненным целям, 6) либертарианец по политическим взглядам, 7) агностик по вероисповеданию, 8) паракатолик по культурно-ценностным ориентациям, 9) русский по родным языку и культуре, 10) еврей по генетическому происхождению, 11) россиянин по гражданству, 12) москвич по месту обитания. Суммируя всё это, можно сказать, что и по национальности я — европеец. Моя идентичность именно в этом.

Список использованных источников

- Д. Боуз. Челябинск: Социум, 2009. 428 c.
- 2. Давыдов, Ю. Н. Уточнение понятия «интеллигенция» / Ю. Н. Давыдов // Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития: Междунар. симпозиум, 17-19 дек. 1993 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской, Л. А. Арутюнян. — Москва, 1994. — C. 244-245.
- 3. Смирнов, Г. А. Оккам Уильям / Г. А. Смирнов // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3. — Москва. 2010. — C. 142–144.
- 4. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение: информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 05.08.2021).
- 1. Боуз, Д. Либертарианство : История, принципы, политика / 5. Флиер, А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение: информ. гуманитар. портал. — 2012. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/ Flier_Cultural-Industries/ (дата обращения: 05.08.2021).
 - 6. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры / А. Я. Флиер. — Москва: Согласие, 2014. — 528 с.
 - 7. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст: электронный // Культура культуры : [электрон. период. изд.]. — 2019. — № 1. — URL: http:// cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theoryof-culture/ (дата обращения: 18.06.2019).
 - 8. Mussolini, B. La dottrina del fascism/B. Mussolini. Milano: Edizioni Bignami, 1939. — 114 p.

Материал поступил в редакцию 13.12.2021.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ТВОРЧЕСКИЕ ИПОСТАСИ А. Е. ТИХОМИРОВА

В статье проводится историко-культурный обзор творческого наследия народного художника России Александра Евгеньевича Тихомирова (1956-2017 гг.). По специальности художник-монументалист, автор мозаик и рельефов на общественных зданиях, Тихомиров также занимался пейзажами, натюрмортами. Известность ему принесло открытие нового авторского направления в живописи — оконописи, развивающего и перерабатывающего традиции русского иконописания. Значительная часть профессионального пути мастера связана с г. Благовещенском Амурской области. После себя Александр Евгеньевич оставил несколько тысяч живописных работ, представленных в музеях, галереях и частных коллекциях ценителей искусства в России и многих других странах мира. Тихомирову посвящены два музея, в Благовещенске (РФ) и Хэйхэ (КНР). Оконопись стала ярким культурным феноменом, выходящим далеко за рамки истории регионального искусства.

Ключевые слова: оконопись, иконопись, живопись, изобразительное искусство, религиозное искусство, православное христианство, монументальное искусство, мозаики, рельефы, народный художник РФ, А. Е. Тихомиров, мемориальный музей.

Keywords: okonopis, iconography, painting, visual arts, religious art, Eastern Orthodox Christianity, monumental art, mosaics, relief, People's Artist of the Russian Federation, A. E. Tikhomirov, memorial museum.

мя А. Е. Тихомирова (1956–2017 гг.) известно практически каждому жителю Амурской области, также мастер получил широкое признание далеко за её пределами. Славу художнику принесло новое, авторское направление в живописи — оконопись, зарегистрированное в Российском авторском обществе в 1995 году.

Большая часть творческого пути живописца связана с Благовещенском, куда Александр Евгеньевич приехал в 1984 году; по собственному признанию, он влюбился в город, ставший для него родным [10, с. 26]. Творческое наследие А. Е. Тихомирова включает ряд работ в области монументальной мозаики и рельефа, несколько тысяч оконописных работ, представленных в музеях, картинных галереях, частных коллекциях. Почётному гражданину города (с 2016 г.) [7, с. 18] посвящены два музея: мемориальный музей-мастерская в г. Благовещенске (открыт в 2018 г.), а также музей-мастерская имени Тихомирова в соседнем г. Хэйхэ (КНР). Библиография творческого пути мастера включает десятки публикаций газетного, журнального [3; 10; 13], краеведческого характера, но практически нет научных статей, обобщающих достижения художника.

В данной публикации предпринимается попытка осуществить историко-культурный обзор творческого пути А. Е. Тихомирова, в котором мы отчётливо прослеживаем два этапа: первый (до 1990-х гг.) посвящён монументальному искусству в области градостроительства; на втором (с начала 90-х и до 2017 г.) мастер реализуется в авторском направлении живописи — оконописи. Авторское свидетельство о регистрации оконописи в качестве нового направления живописи, размещённое на сайте художника, датировано 23 августа 1995 года, временем создания обозначена дата 30.12.1990 [1].

Александр Евгеньевич родился 11 марта 1956 года в Московской области, в г. Электросталь, в семье художника. В автобиографии Тихомиров указывает, что художником решил стать после персональной выставки отца в 1971 году. Спустя два года окончил школу и поступил в Московское художественное училище памяти 1905 года. После первого курса служил в Советской армии; вернувшись в 1976 году, продолжил учёбу на художественно-педагогическом факультете [1].

Своих учителей Александр Евгеньевич называет «Великими педагогами». Среди них: М. М. Булгакова, вела живопись, на её занятиях шла речь о «пробе» цвета, его драгоценности; рисунок вёл Ю. М. Карпушин, прекрасный акварелист и человек; О. А. Авсиян преподавал композицию, словно хирург «препарировавший» классические произведения, объясняя понятия ритма, паузы, контраста, равновесия, динамики, и многие другие. Защитив диплом с отличием, в 1979 году Тихомиров поступает в Московское высшее художественно-промышленное училище (МВХПУ, бывшее

Строгановское), на отделение «Монументально-декоративная живопись» факультета монументально-декоративного и прикладного искусства, в мастерскую Г. М. Коржева [1].

В 1982 году А. Е. Тихомиров крестился в Тарасовской церкви. Был крещён Степанидой Ивановной Попковой, бабушкой друга Юрия Попкова. Молодой выпускник МВХПУ, желавший покинуть столицу, по рекомендации последнего приехал на работу в Приамурье [1]. Первая выставка Тихомирова состоялась в 1985 году во Владивостоке [7, с. 17].

На раннем этапе профессионального творчества (1985—1989 гг.) им был выполнен ряд крупных объектов в технике мозаики, также рельефа с мозаикой, основная часть в Благовещенске. К ним относятся мозаика внутреннего дворика общежития ДОСААФ и мозаика издательского комплекса «Амурская правда», рельефы с мозаикой на здании Дома быта «Элегант» и в бассейне пионерского лагеря «Бестужево», а также на фасаде Дворца профсоюзов [1]. Помимо этого, мастер исполнил эскизы мозаики кинотеатра в Поярково и областной стоматологической поликлиники в Благовещенске, им выполнены

Мозаика ИД «Амурская правда». 1986 год.

Мозаика внутреннего дворика общежития ДОСААФ. 1985 год.

росписи и декоративные решётки в фойе учебного корпуса СПТУ № 8 в пгт Архара [2, с. 108].

Мозаичные полотна начали появляться на общественных зданиях Благовещенска в 1970-е – 1980-е годы, когда в областной центр стали приезжать мастера из центральной части страны, получившие высшее образование по соответствующему направлению. Среди коллег А. Е. Тихомирова по цеху здесь были Александр Князев, автор мозаики «Трудовые будни студентов» (Амурский политехнический колледж), Эдуард Шевелёв, автор мозаики на стенах Амурского строительного колледжа, и другие мастера. Наиболее подходящим материалом для данных произведений монументального искусства стала смальта — цветное, непрозрачное стекло, отличающееся долговечностью, прочностью, которое не боится влаги, низких температур и других неблагоприятных факторов окружающей среды. Смальта отличается глубокими цветами, в мастерских применяют до 28 тысяч её оттенков. Материал пропускает через себя свет, но расположенные за ним предметы делает невидимыми [5, с. 8].

Изготовление и установка мозаичного панно представляла собой кропотливый, физически тяжёлый и организационно сложный процесс. Выполнялись такие работы по госзаказу. За написанием эскиза и его утверждением следовал сбор мозаики из расколотых кусочков смальты и других материалов на земле. Затем происходило её крепление на стены фасада здания. Крупные мозаики выкладывались поэтапно, в несколько блоков. И год, и два порой уходил на решение всех творческих, организационных и технических задач по созданию одного мозаичного панно с рельефом.

Не лишним считаем вновь обратить внимание на слом эпох, происходивший в последнее десятилетие XX века, разрушение старой системы ценностей и попытки заполнить пропасть идеологического вакуума. Православная вера, как и другие конфессии народов страны, в процессе формирования нового мировоззрения россиян сыграла одну из главных ролей. «Лихие» 90-е для значительной части населения характеризуются переделом власти и собственности, глубочайшим экономическим и социальным кризисом, активным внедрением рыночных отношений. Но в то же время тяжёлые постперестроечные времена давали гражданам свободу совести и слова, творчества и самовыражения. Безусловно, создание оконописи стало результатом творческих исканий Тихомирова, сопряжённых с кардинальными переменами в жизни российского общества.

«Светильник тела есть глаз твой. Когда глаз твой чист, то и все тело твое светло: а когда он плох, то и все тело твое темно» [11] — эти слова из Евангелия от Луки (гл. 11, п. 34) стали лейтмотивом оконописного творчества Тихомирова. Окна есть глаза дома, они обрамлены ставнями, последние днём смотрели на улицу, а ночью внутрь дома, в глубь его

души. Мастеру интересно разгадывать праязык ставен и доносить его до зрителя [9, с. 5].

Материалом для создания оконописных работ стали старые оконные ставни с деревянных домов, снятые с оставленных и не сохранившихся по ныне усадеб. Многим ставням от 100 до 150 лет. Преимущество старой древесины перед молодой заключается в инертности материала. на ней рисунок получается более чёткий. «Молодое же дерево то разбухает, то высыхает» [4, с. 3], — отмечал мастер. Из ставен выпиливались филёнки, их составные части с естественным обрамлением или без него. Полученный исходный материал чистился до появления фактуры дерева. Допускалось использование старого слоя краски, представляющего художественный интерес. После дерево проклеивалось клеем ПВА, сушилось и грунтовалось. Непосредственно произведения, главным образом на религиозные сюжеты, создавались темперой ПВА. Большое внимание мастер уделял особенностям материала: фактуре, структуре, трещинкам, сучкам. Художник активно использовал их выразительность [1]. «Дерево сотворено Богом, задача художника — суметь всего несколькими штрихами выявить лик Создателя», — говорил в интервью Александр Евгеньевич [6. с. 72].

Палитра цветов не отличается большим разнообразием, в основном использовались три-четыре краски. Произведения создавались на выступающих частях филёнок. По окончании работ над каждым произведением наносился защитный слой в виде жидкого воска. Иногда воском покрывалась вся доска, иногда — только выступающая часть. Затем вощёная поверхность натиралась фланелевой, шерстяной тканью до естественного блеска [1]. В оформлении оконописных работ также использовалось золото, серебро, сапфиры, рубины [12, с. 38–41, 70–73]. Более поздние оконописные работы оформлялись в рамках.

Образы Богоматери, Спаса, архангелов, пророков, сюже-

ты «Благовещение», «Покров», «Умиление», «Покров», «Рождество» наиболее часто встречаются в оконописи. Исторические деятели, канонизированные Русской православной церковью: князья Борис и Глеб, княгиня Ольга, князь Владимир, Алек-

«Спас Нерукотворный», оконопись. 2015 год.

«Александр Невский», оконопись. 2016 год.

«Богоматерь Феодоровская», оконопись. 2014 год.

2014 год. тины», — вспоминал А. Е. Тихомиров [5, с. 3] первоначальную критику нового направления в живописи, в том числе со стороны Русской православной церкви, руководствующейся иконописным каноном. Работы Тихомирова продолжают традиции русской иконописи не по форме, но по содержанию. Художник совершил духовный подвиг, творчески переработав их [6, с. 72].

Значение оконописи ещё при жизни автора было высоко оценено искусствоведами, философами, художниками. «Эмоциональность и наблюдательность, высокая профес-

сандр Невский, Сергий Радонежский, также представлены в произведениях [1].

Ряд работ был осуществлён при поддержке В. Верхотурова и Е. Свидрицкого [12, с. 39, 67], выполнявших ювелирные работы и по металлу. Несмотря на близость оконописи как в отношении техники написания, так и содержания образов с рядом других направлений изобразительного искусства, непосредственно она не нашла отражения в творчестве других мастеров.

Далеко не сразу, как и всё инновационное, оконопись была принята, в том числе и церковью. «Поначалу и ругали меня, и в кощунстве обвиняли. Зато теперь полмира увидели эти картины», — вспоми-

сиональная культура позволяют говорить о творчестве известного мастера... Александра Евгеньевича Тихомирова как о неординарном явлении на горизонте современного отечественного изобразительного искусства», — писал о творчестве мастера в приветственном слове в книге Тихомирова «Оконопись» (Благовещенск, 2014 г.) З. К. Церетели [12, с. 4]. «Александр Тихомиров — яркий, талантливый, самобытный мастер. Это отдельная творческая субстанция, постоянно генерирующая новые произведения искусства», — отмечал в своём пожелании в том же издании заслуженный художник РФ К. В. Петров [12, с. 8].

«Искусство А. Тихомирова приучает, а порой и заставляет зрителя думать, обращать свой взор от суетного мира к вечным ценностям — Добру, Гармонии и Любви. Оно настраивает на углубленный анализ себя в этом мире, на соизмерение и приобщение к духовному», — пишет кандидат философских наук С. А. Казанцева [12, с. 14]. «В произведениях А. Е. Тихомирова нет надменности и фальши, претенциозности и эстетства, заигрывания с большой темой. Они искренни, спокойны и самодостаточны, к ним нет дешевого рыночного интереса, в них отсутствует то, что на "продажу". И в то же время интерес к творчеству художника сегодня велик не только со стороны знатоков и любителей искусства, но и тех, кто хотел бы пополнить свои коллекции не модными работами-однодневками, а произведениями, достойными внимания и восхищения» [12, с. 15], — заключает Светлана Анатольевна.

Характеризуя значение оконописи, также добавим тезис о том, что она примечательна не только для религиозной культуры, не для одних верующих представляет интерес. «Я коммунист, в Бога не верю, но люблю твои работы... И странное дело, они меня заставляют делать добрые вещи» [8, с. 7], — приводил А. Е. Тихомиров слова первого секретаря КПК в Харбине в качестве лучшего комплимента собственному творчеству. Принадлежность не к сугубо религиозному, а современному, экспериментальному искусству изначально создаёт условия для более широкого охвата аудитории любителей и профессионалов живописи. Например, многие оконописные работы были подарены участникам ежегодного фестиваля театра и кино «Амурская осень», который проводится в Благовещенске и других муниципалитетах Амурской области.

Приведём немного цифр, наглядно иллюстрирующих масштаб творчества мастера. На персональном сайте художника okonopis.ru приведена информация о 194 выставках с его участием, проводившихся в период с 1985 по 2017 год, из них 52 — персональные [1]. В целом для них характерна широчайшая география проведения, включающая многие административные центры районов и иные населённые пункты Амурской области, российские города от Владивостока,

Хабаровска, Красноярска до Москвы, Санкт-Петербурга и Выборга, города КНР (Хэйхэ, Харбин, Пекин, Тянзинь и др.). Международные границы художественно-выставочной деятельности А. Е. Тихомирова простираются от г. Ниигата (Япония) до австрийского Линца и Парижа, вплоть до г. Бейкер-Сити (штат Айдахо, США) [1].

Для мастера особенное значение имели выставки в Храме Христа Спасителя и в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве, в последнем немногие художники выставляли произведения при жизни, а также выставка в Иерусалиме, посвящённая 2000-летию христианства.

Особенно богаты на данные мероприятия были 1999—2001, 2006, 2014, 2017 годы. Действительное число персональных выставок и с участием произведений Тихомирова составляет более двух сотен, так как ряд выставок, например в Благовещенске, Циолковском, Хабаровске, Барнауле, Москве, проводился после смерти автора и посвящён его памяти [1].

Дважды, в 2003 и 2016 годах, работы Александра Евгеньевича были представлены в выставочном зале Амурской государственной медицинской академии. Автору данной публикации доводилось на пару с одним из студентов в простых баулах доставлять оконописные работы в рамках на место проведения выставки.

А. Е. Тихомиров — обладатель 45 наград: благодарностей, медалей, орденов, званий, в том числе «Заслуженный художник РФ» (2001 г.), «Народный художник РФ» (2006 г.), он кавалер ордена Дружбы (2014 г.), вручённого президентом РФ В. В. Путиным за заслуги в развитии культурного взаимодействия между Россией и Китаем [1].

В фотогалереи персонального сайта Тихомирова представлено 114 оконописных работ [1]. При этом в месяц Александр Евгеньевич успевал написать порядка 30 работ [8, с. 7]. Три рельефа и четыре мозаики размещены в разделе «Монументальное искусство». Среди других живописных произведений

«Остров Хайнань». Холст, масло. Март 2015 года.

приведены фотографии 124 полотен, в основном пейзажей, раскрывающих природу Приамурья, Алтая, г. Санья и Хайнаня (КНР), Черногории, Мадейры (Португалия), Швейцарии и других мест [1], которые посетил Александр Евгеньевич. Действительное количество работ А. Е. Тихомирова,

«Подсолнухи». Холст, масло. 2017 год.

представленных в коллекциях по всем миру, сложно подсчитать до конкретных цифр. Их объём оценивается вдовой, художники Е. В. Тихомировой в количестве от 3 до 5 тысяч.

Мемориальная мастерская Тихомирова стала первым музеем подобного рода в Амурской области. Организаторы попытались максимально сохранить обстановку, что была при жизни мастера [14, с. 2]. Рабочий стол, идентичный губернаторскому из областного музея, с красками, другими средствами и материалами. На стуле — любимый фартук, использовавшийся непрерывно многие годы, напротив — последняя филёнка, так и не ставшая оконописью. При входе размещена колоритная мемориальная доска, созданная по эскизу известного в городе чиновника, автора ряда скульптурных композиций Н. А. Неведомского (1957–2021 гг.).

Китайский народ очень любил Тихомирова как друга, человека, грамотного организатора совместных проектов, художника. В знак благодарности китайские друзья во главе с Лю Минсю (почитателем русского искусства, коллекционером, другом Александра Евгеньевича) и при поддержке правительства приграничного г. Хэйхэ создали единственный в Китае мемориальный музей, посвящённый народному художнику России, — музей Александра Тихомирова. Открытие состоялось 17 мая 2019 года, во вторую годовщину со дня ухода художника из жизни. Основой экспозиции стала личная коллекция работ мастера, которую Лю Минсю собирал более 20 лет [13, с. 430].

20 января 2021 года открыт музей А. Е. Тихомирова в Пекине¹, перенесённый туда из г. Хэйхэ. Стоит заметить, что часто русское, православное искусство за рубежом, в том числе в Китае, ценится выше, чем в собственной стране.

¹ Такую информацию предоставила Е. В. Тихомирова.

Оконопись — творческое направление в живописи, по определению самого Александра Евгеньевича [1], стало культурным феноменом в развитии живописи не только в рамках Дальнего Востока, но и всей России; оконопись также имеет международное культурное значение. Увы, авторский жанр с кончиной мастера не имеет прямого продолжения в искусстве, что делает оконопись ещё более уникальным явлением, но также фиксирует её как явление уже в истории культуры.

Региональную живопись заметно обогатили пейзажи Тихомирова, а мозаики и рельефы общественных зданий

Благовещенска по сей день служат наглядным примером советского монументального искусства, доступного для эстетического восприятия каждого прохожего, идущего по городским улицам.

Оконопись за период без малого в три десятилетия прошла путь от осуждения до всеобщего одобрения, её история наглядно иллюстрирует становление нового направления живописи — от контркультуры до академического признания. Также оно не исключает подражателей и попыток дальнейшего развития и переработки оконописи.

Список использованных источников

- 1. Александр Тихомиров : персональный сайт художника. URL: www.okonopis.ru/ru/biografiya/ (дата обращения: 01.12.2021). Текст : электронный.
- 2. Амурские художники : библиогр. указ. / АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. Л. П. Шулепова. Благовещенск, 2012. 138 с.
- 3. Бобошко, А. 20 счастливых лет художника Тихомирова / А. Бобошко // Амур. правда. 2004. 23 сент. С. 17.
- 4. Зубарев, И. «Рисует Бог, а художник вытаскивает замысел» / И. Зубарев // Аргументы и факты. «АиФ Дальинформ». 2010. № 27. С. 3.
- 5. Казакова, И. Искусство в деталях. Благовещенцы побывали на интерактивном мероприятии «Мозаичных дел мастера» / И. Казакова // Благовещенск. 2018. № 50 (21 дек.). С. 8.
- 6. Казанцева, С. А. Окоемы Тихомирова / С. А. Казанцева // Декоратив. искусство. 2001. № 3. С. 72–73.
- 7. Календарь знаменательных и памятных дат Амурской области на 2021 г. / АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского; сост. О. В. Коршунова. Благовещенск, 2020. 124 с.
- 8. Климычева, Ю. Новый Рублёв. Для оконописца Александра Тихомирова нет места дороже, чем его мастерская / Ю. Климычева // Амур. правда. 2012. 8 авг. С. 7.

- 9. Климычева, Ю. Свет старых ставен / Ю. Климычева // Амур. правда. 1997. 12 сент. С. 5.
- 10. Котова, Н. Беседа с художником А. Тихомировым / Н. Котова // STATUS. 2009. № 1. С. 26–31.
- 11. Новый завет. Евангелие от Луки / пер. под ред. еп. Кассиана [Безобразова]. Текст: электронный // Азбука веры. Православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/novyj-zavet-perevod-pod-red-ep-kassiana-bezobrazova/3 (дата обращения: 07.01.2022).
- 12. Тихомиров, А. Е. Оконопись / А. Тихомиров; [фот. Хабаров В. и др.; пер. текста Белоусова О. и др.]. Благовещенск: Платина, 2014. 135 с.
- 13. Тихомирова, Е. В. Китай в жизни и творчестве Александра Тихомирова / Е. В. Тихомирова // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 1. Омск: 2021. С. 425–431.
- 14. Фадеева, Н. Осиротевшие ставни. В Благовещенске открыли музей-мастерскую Александра Тихомирова / Н. Фадеева // Амур. правда. 2018. 21 сент. С. 1–2.

Автор благодарит вдову мастера Е.В.Тихомирову за консультацию, проведённую при написании настоящей статьи. Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 01.02.2022.

Сведения об авторе: Токмаков Валерий Сергеевич, доцент кафедры философии, истории Отечества и иностранных языков Амурской государственной медицинской академии (г. Благовещенск). Контактные данные: e-mail: tokmakov_valeriyy@rambler.ru; тел. 8-914-585-60-88.

ПУТЬ ИЗДАТЕЛЯ (Дальний Восток в судьбе заслуженного работника культуры Российской Федерации, члена Союза писателей России Александра Лысенко)

Статья посвящена биографии издателя и писателя, заслуженного работника культуры Российской Федерации Александра Ивановича Лысенко. Почти десятилетие его жизни связано с Дальним Востоком: на Сахалине в 1970-е годы он служил в рядах Советской армии, работал педагогом в школе, секретарём райкома ВЛКСМ и инструктором райкома КПСС, делал первые шаги в литературе. В Орле Лысенко стал директором издательства «Вешние воды», которое выпустило сотни наименований книг, получило всероссийское и международное признание.

Ключевые слова: А. И. Лысенко, Дальний Восток, Сахалин, Советская армия, народное образование, Орёл, издательство, писатель, краевед.

Keywords: A. I. Lysenko, Far East, Sakhalin, Soviet Army, popular education, Oryol, publishing house, writer, regional specialist.

рофессию издателя нельзя отнести к разряду массовых. И хотя сейчас в ряде вузов открылась подготовка по специальности редактора, вряд ли вчерашний школяр за четыре года одолеет полный курс книжной академии. Для этого прежде всего надо пройти хорошую жизненную школу — сродни той, что за плечами издателя и писателя Александра Лысенко.

Если человек — романтик, то это не проходит с годами. Его любимыми героями с детства лет были три мушкетёра. С ранних лет постоянно окружали книги: он был частым гостем библиотеки, к тому же мама Пелагея Пахомовна работала в книжном магазине. Имея доступ к таким сокровищам, как книги, она старалась знакомить сына с лучшими изданиями. Саша зачитывался «Приключениями Буратино», «Волшебником Изумрудного города», став постарше — «Принцем и нищим», «Приключениями Тома Сойера», фантастическими романами И. Ефремова, А. Беляева.

Когда в 2004 году он впервые приехал в Париж, одним из самых интересных мест, которое ему захотелось увидеть там, был памятник писателю А. Дюма с его героем Д'Артаньяном у подножья...

А родился Александр Иванович Лысенко 26 августа 1951 года в селе Назарово Красноярского края. Когда будущему писателю был всего год, отец по комсомольской путёвке отправился в Казахстан, в город Экибастуз. Семья оказалась в посёлке угольщиков, где, кроме нескольких домиков и бескрайних степей, ничего не было. Там и прошло почти всё его детство. В 1965 году семья Лысенко переехала в Орёл, началось отрочество, наверное, такое же, как у многих сверстников, с увлечением спортом (чемпион школы по бегу и плаванию) и игрой на баяне (окончил музыкальную школу). Узкому кругу друзей он читал свои первые стихи.

В 1968 году поступил на физико-математический факультет Орловского пединститута. В студенческие годы начал заниматься научной работой в НСО, активно участвовал в олимпиадах. В 1972 году получил диплом учителя математики и по распределению был направлен в Глазуновский районный отдел народного образования, где успел проработать инспектором всего два с половиной месяца.

Лысенко вспоминает: «1 ноября, самолёт, в который нас, призывников, посадили в аэропорту Домодедово, приземлился в Южно-Сахалинске. Как оказалось, все двести новобранцев были с высшим образованием и призвались на службу в ряды Советской Армии сроком на один год. Так как в наших вузах не было военной кафедры, которая позволяла призываться сразу лейтенантами, мы готовились стать обычными рядовыми срочной службы. Немного удивляло то, что попали на Сахалин, но почти все восприняли это как романтику. Два месяца проходили курс молодого бойца в городе Анива, где квартировала мотострелковая

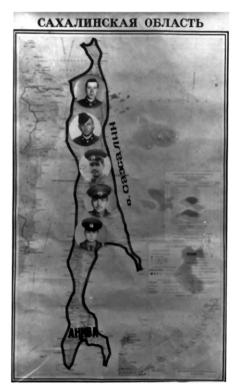
Младший сержант Александр Лысенко во время службы в Советской армии на Сахалине.

часть, затем все двести молодых солдат распределили по разным войсковым частям Сахалина. Моих однокурсников по физмату Владимира Блехера и Анатолия Копаева направили в посёлок Хомутово рядом с Южно-Сахалинском, а я и несколько ребят из Орла остались в Аниве. В девятой роте, куда я попал, меня сразу избрали секретарём комсомольской организации, а роту реорганизовали в особую лыжную. Я понял, что физических

нагрузок здесь будет побольше, чем в обычной мотострелковой, но по молодости нагрузки не страшили, хотя никаким лыжником себя не считал» [1, с. 1].

Армейская жизнь ему, как ни удивительно, понравилась. Зарядка на морозе, построение на плацу, строем в столовую, марш-броски с автоматом или гранатомётом, дневалить по роте, стоять в карауле в шубе и валенках, ловко наматывать портянки. Правда, первые три месяца он немного мёрз в гимнастёрке на построении, но потом привык. К тому же на новичка с вузовским дипломом уже обратило внимание начальство. Лысенко вспоминает: «Однажды после Нового

года меня вызвали в штаб, где майор службы артвооружения предложил перейти к нему на должность старшего писаря. До этого здесь служила вольнонаёмная девушка и так запустила документы, что разобрать теперь, где гаубицы, а где сигнальные ракеты, было весьма трудно. За что предыдущего начальника артвооружения понизили в должности и отправили в другую часть. И хотя я втайне желал перейти в музыкальный

Подборка фотографий однополчан Александра Лысенко на карте Сахалинской области — образчик солдатского рукоделия 1970-х годов.

взвод и играть в полковом оркестре на баяне, где солистом был будущий известный певец Заур Тутов, дал согласие. Оказалось, не так просто было с меня снять должность комсорга роты, командир батальона, подполковник, ни в какую. Неделю пять майоров штаба уговаривали комбата меня перевести, наконец, уговорили» [1, с. 1].

Так будущий издатель и краевед стал «властелином» кипы журналов учёта вооружения полка с тысячами колонок цифр, которые надо было проверить, сверить со складом боеприпасов и наличностью в подразделениях. Пригодились не только математические навыки, но и давние уроки чистописания. К тому же майор отдал ему набор из двадцати четырёх фломастеров всех цветов радуги, которые он привёз из Египта, где служил советником до Сахалина. И через пару месяцев появилась новая кипа журналов, страницы которых были исписаны красивым почерком, не менее красивые цифры отражали реальное количество боеприпасов. Майор перестал проводить в кабинете вечера и воскресенья... В награду он оформил для Лысенко удостоверение посыльного с правом выхода в город в любое время. У солдата появилась возможность сходить в районную библиотеку в выходной день, уделить внимание спорту, да к тому же позаниматься математикой с сыном заместителя начальника штаба, готовившимся к выпускным экзаменам и поступлению в институт.

Лысенко вспоминает: «Увидев у меня на столе книги по развлекательной математике, начальник штаба предложил провести вечер математики в клубе для всего полка. Я с радостью согласился. Но на сцене клуба да для всего полка —

Сахалинский «гербарий» младшего сержанта Лысенко.

это не в школьном классе! Как потом отозвались солдаты и присутствующие офицеры, моё выступление всем понравилось, особенно математические фокусы и загадки, хотя я волновался изрядно» [1, с. 2].

Однажды Лысенко направили на соревнования по воинскому пятиборью на первенство корпуса. По пути

Будущие супруги Людмила и Александр (справа) Лысенко, 1973 год.

туда в автобусе маршрута «Анива — Южно-Сахалинск» он познакомился с юной местной жительницей по имени Людмила.

Почти полвека спустя он вспоминал: «В первое же воскресенье после поездки на соревнования я с двумя сослуживцами отправился искать ту самую Люду, что встретилась в автобусе. Конец мая, солнечный день, посёлок Рыбацкое, что в нескольких сотнях метров от Анивы. — полная идиллия для солдат в увольнении. Погуляли у моря, посидели на опушке леса, пофотографировались с Людмилой. Так мы стали встречаться с понравившейся девушкой. В конце сентября всех годичников (кто служил год) призвали на сборы офицеров в посёлок Такое Долинского района Сахалинской области. Ещё два месяца воинской учёбы, хотя уже нас так не гоняли, как в обычных мотострелковых ротах. Что удивило — это приезды Людмилы из Рыбацкого. Не каждая девушка потратит несколько часов на автобусах с пересадками, чтобы встретиться с солдатом на часок-другой. Это запало в душу крепко. Под конец сборов я получил телеграмму из Орла о болезни матери и на несколько дней раньше отбыл на малую родину. Примечательно, что Люда вызвалась меня проводить» [1, с. 2-3].

В Орле Александр Лысенко работал учителем в средней школе, а затем секретарём комитета комсомола в железнодорожном техникуме. Людмила приехала к родственникам в соседнюю Брянскую область, вскоре состоялась свадьба. В марте 1976 года у молодой четы родилась дочь Ирина. А уже в апреле приехала тёща и уговорила вернуться на Сахалин, для начала — в Рыбацкое. На семейном совете решили, что так для молодой матери будет легче.

И вот снова Сахалин, снова Анива.

В мае 1976 года Лысенко работал здесь уже завучем, а также учителем математики и пения (недаром окончил музыкальную школу по классу баяна). Пошёл в многодневный поход с десятиклассниками, а затем в русле предстоящего

ремонта взял на себя решение ряда хозяйственных вопросов: как достать краску тёплых тонов, найти стулья, оформить стенды? Опыт работы в орловской школе и в одном из крупнейших техникумов России позволял найти нестандартные варианты. Для начала пошёл в родной мотострелковый полк. Знакомый заместитель начальника штаба, который дослуживал последние месяцы, удивился, что недавний солдат приехал из Орла работать в анивскую школу, но, узнав, что его жена из Рыбацкого, успокоился. Он помог найти двух художников-декораторов, которые вот-вот должны были уволиться в запас. Лысенко вспоминал: «С художниками я придумывал красивые стенды, украшенные полированными мебельными досками, текстурной бумагой и детскими рисунками под лаком: "Расписание уроков", "Приказы по школе", "Звёздочка", "Пионерское слово", "Комсомольская жизнь", "Это интересно знать" и другое. И тут же я умчался в летний лагерь труда и отдыха "Белые скалы", созданный школой и совхозом "Анивский". Здесь 125 детей в течение месяца пропалывали корнеплоды, называемые в народе "куузику" (гибрид кормовой капусты, брюквы и турнепса), жили в палаточном городке, имели неплохое летнее здание столовой. Меня директор назначила старшим воспитателем, а так как я оказался один мужчина среди пяти женщин, то пришлось стать физруком, плавруком, киномехаником, экспедитором и массовиком-затейником в одном лице. Всё удалось, даже нашлись удостоверения инструктора по плаванию и киномеханика третьей категории. Да ещё и лагерный баянист» [1, с. 4].

Работа в лагере дала Лысенко немалый опыт, а оформление школы завоевало переходящее Красное знамя Дальнего Востока. Он вёл уроки математики в десятом и четвёртом классах, уроки пения — с первого по седьмой класс. Дети пели с удовольствием, хотя молодой педагог вёл занятия без всяких программ, просто разучивая с подопечными

Учитель Александр Лысенко в лагере труда и отдыха «Белые скалы», 1976 год.

детские, пионерские и популярные патриотические эстрадные песни. Внезапно грянула фронтальная проверка школы из облОНО и института усовершенствования учителей. Причём гости пришли не на урок математики, а пения. Лысенко вспоминает: «Я, как "старый кавээнщик", быстро сочинил экспромт и со страху дал потрясающий урок пения с применением технических средств обучения (магнитофон, проигрыватель, баян), разучивания основ нотной грамоты (сольфеджио), элементов музыкальной литературы. Важно, что семиклассники дружно пели "Гимн демократической молодёжи". С припевом "Эту песню не задушишь, не убъёшь" прозвенел спасительный звонок. Меня пригласили в кабинет директора. Вместо замечаний двое проверяющих выразили восторг, стали советовать посвятить жизнь преподаванию пения и пригласили на курсы по новой программе Дмитрия Кабалевского» [1, с. 4-5].

Эти курсы, где занятия вёл преподаватель музыки Юлий Михайлович Скалецкий, весьма заинтересовали новичка. Он стал получать удовольствие от уроков пения не меньше, чем от уроков математики. Ещё одной отличной школой стала должность начальника летнего лагеря труда и отдыха «Белые скалы» летом 1977 года. К прошлогодним обязанностям добавились должности водителя грузовика, снабженца продуктами и техническим инвентарём, распорядителя средств с ведением бухгалтерии. Удивительно, но даже такая нагрузка не могла заслонить красоту здешних мест. В директорском блокноте среди деловых записей появились стихотворные строки: «Под звёздным куполом небес мы развели с тобой костёр...»

Лысенко вспоминал: «Наверное, мой энтузиазм не пропал даром, и в декабре, на районной комсомольской конференции, меня избрали вторым секретарём райкома комсомола. Вскоре вручили ключи от первой в жизни собственной квартиры. Со школой было жаль расставаться, но новые горизонты позволяли расширить границы школы до целого района... Казалось бы, везде есть директора, начальники участков, бригадиры, прорабы, наконец, секретари партийных организаций. Но комсомол, при правильном подходе, добавлял одухотворённость, душевность, полёт мысли во всех делах. А главное, развивал дружбу, общение в деле и на досуге. И знаменитый лозунг "Дойти до каждого" позволял не оторваться от нормальной жизни любому, даже проштрафившемуся, молодому человеку. "Кожаный мяч", "Золотая шайба", "Зарница", походы по местам боевой славы — всё выглядело неформально и завораживающе при умелой организации» [1, с. 5-6].

Когда проходила областная комсомольская конференция, его поразило тёплое, отеческое отношение к молодёжи первого секретаря Сахалинского обкома КПСС Павла Артёмовича Леонова. Всю конференцию он пробыл с делегатами

и неформально рассказал историю Сахалина и островов. Для Лысенко это был первый урок неформального краеведения, да ещё с таким преподавателем! Вскоре он приобрёл красочный атлас «Область на островах», где автором был П. А. Леонов. Весной 1978 года прошёл учебу в зональной комсомольской школе Владивостока. Здесь возобновилась попытка писать стихи. Когда в конце мая выпал неожиданно снег, написал стихотворение «Майский снег». Показал несколько стихотворений редактору районной газеты «Утро Родины», ему понравились, он даже подсказал несколько штрихов, но излишняя стеснительность не позволила отдать подборку в печать.

В декабре Лысенко стал инструктором отдела пропаганды и агитации райкома партии в Аниве. Часто приходилось помогать коммунистам, готовящимся выступить на важных собраниях, конференциях, форумах. Чего греха таить, все готовили текстовое выступление, которое зачитывалось с трибуны и сдавалось в протокольный отдел. Однако были случаи, когда выступающие написали одно, а говорили своими словами о наболевшем более честно и открыто. Тем не менее эти знакомства с выступающими весьма расширяли кругозор и давали реальное видение обстановки на предприятиях и в организациях. Одним из таких выступающих был чемпион России по машинному доению Владимир Фомичёв. Лысенко вспоминает: «Когда я увидел, как он работает дояром, какой это нелёгкий физический труд, если ответственно к нему относиться, какой сложный режим дня! Наконец, как он ведёт себя с коровами... Это просто поэма. Я и замыслил написать поэму, но, кроме нескольких четверостиший, не успел, да и не хватало времени и поэтического мастерства. Правда, после посещения одной из школ и встречи со старшеклассниками написал стихотворение "Мальчишка читает Дюма". Разыскал в Южно-Сахалинске литобъединение при писательской организации и даже посетил его заседания несколько раз» [1, с. 5].

Но дальнейшее развитие событий уже не позволило ему стать писателем с сахалинской пропиской. В июле 1980 года в семье Лысенко родился сын Александр, а в 1981 году ушла из жизни мать Александра Ивановича. Его отец перебрался из Орла на Сахалин, но 2 августа 1981 года остров накрыл тайфун «Филлис». У отца резко ухудшилось состояние здоровья, врачи настойчиво советовали сменить сахалинский климат. И тогда сообща приняли решение вернуться в Орёл.

В Орле недавнего партийного работника пригласили на должность директора областного драматического театра имени И. С. Тургенева. На новой работе, которая заняла пять лет жизни, заботой Лысенко стали своевременная сдача спектаклей, гастроли. Орловские зрители увидели на сцене театра московских звёзд: Олега Табакова, Элину

Быстрицкую, Михаила Ульянова, которых приглашал директор театра.

И это не просто перечисление имён. Например, с народным артистом Олегом Табаковым Лысенко с тех пор дружил много лет. Но лично мне кажется, что по своей неунывающей натуре сам издатель больше похож на другого знаменитого актёра, Леонида Броневого, — те же юмор, любовь к жизни и ирония, ненавязчивая доброжелательность. Да и разве без этих качеств хватило бы нервов и терпения, чтобы заниматься издательским делом на протяжении нескольких десятилетий в бурях бесконечных экономических кризисов, скачков цен, смен стандартов и мод на книги?

После театра в трудовой биографии Лысенко было руководство школой и начало научной деятельности в Орловском филиале Института проблем информатики Академии наук СССР. Он поступил в аспирантуру по специальности «Эргономика». Используя материалы будущей диссертации, в 1992 году в соавторстве с научным руководителем профессором В. М. Муниповым выпустил книгу «Популярная эргономика».

Но ещё перед этим, в1990 году, орловские писатели Леонид Моисеев (прежде был главным режиссёром театра) и Иван Рыжов обратились к Лысенко с просьбой создать в Орле издательство. К тому времени закрылись Приокское межобластное, ряд московских издательств. Орловские писатели оказались в трудной ситуации: где издавать книги? К тому же появившаяся на свет в марте 1990 года писательская газета «Вешние воды» нуждалась в поддержке. Так в сентябре того же года было основано издательство с поэтическим названием «Вешние воды». Оно продолжило выпуск газеты, быстро освоило издание книг орловских писателей.

Александр Иванович заявил о себе тогда не только на издательском поприще. После пробы пера в поэзии, драматургии, юмористической прозе он всерьёз начинает заниматься краеведением: пишет книгу «История завода имени Медведева», затем — «Неутомимый труженик» (аль-

Александр Лысенко, начало 2000-х годов.

бом об орловском трамвае), выступает соавтором первого издания «Почётные граждане города Орла». Книги получали признание, в 1999 году Лысенко был принят в Союз писателей России.

В последующие годы вышли его книги «Болхов. Колокольное имя твоё», «Москва — Харьков: симфония российских дорог», «Орловская губерния: страницы фотолетописи», «Гимн

строителю», «Орёл», «Достопримечательности Орловского края», «Книги писателей Орла на рубеже столетий»... Каждой из них можно посвятить отдельную статью, столько здесь информации, интересных свидетельств, уникальных иллюстраций. Обобщая, скажу лишь о том, что в орловском краеведении Лысенко не просто пошёл по пути, проторенному в 1990-е годы составителем юбилейных альбомов, профессиональным книжным редактором Асей Олейниковой, а сам стал признанным законодателем жанра авторского краеведческого альбома — синтеза текста, старинной фотографии и ярких, впечатляющих видов современной Орловщины. Свидетельством тому — многочисленные победы книг Лысенко на книжных конкурсах, отзывы искушённых ценителей, уважение коллег.

Однако издатель, конечно же, работал и работает не только над своими книгами. Профессионал своего дела, он помог найти путь к читателю многим писателям, авторам самых разных изданий (это, например, художественные альбомы А. И. Курнакова, А. Г. Костяникова, музейные «Краеведческие записки», а также подготовленные совместно с областной детской библиотекой им. М. М. Пришвина книги детского творчества «Я Родину вижу такою» и «Мир, в котором я живу», высоко отмеченные в Союзе писателей России и Центральном федеральном округе).

Помимо книг орловских писателей, в свет вышли произведения таких авторов, как Альберт Петрович Иванов, Юрий Сергеев (Москва), Валентина Ерофеева-Тверская (Омск), Ярослав Ваграменко (Москва), Светлана Вьюгина (Москва), Виктор Панов (Москва), Антон Васильев-Макаренко (Москва).

Художественные произведения, изданные «Вешними водами», не только продолжают жить, но и востребованы на литературных праздниках, конкурсах чтецов, становятся темами для школьных сочинений, студенческих и научных работ. Орловские новинки благодаря организационной энергии Лысенко представлены не только во всех библиотеках региона (десятки тысяч книг переданы безвозмездно), но и на всероссийских и международных выставках-ярмарках. Сначала Москва и Петербург, затем Франкфурт-на-Майне, Париж, Пекин, Дели, Мадрид, Женева, затем Турин, Нью-Йорк, Лондон. Директору издательства приятно было наблюдать за посетителями этих ярмарок, которые порой впервые узнавали как о существовании такого города, как Орёл, так и о писателях и художниках Орловского края.

Множество выпущенных издательством книг отмечено престижными литературными премиями и другими наградами. В 2007 году «Вешние воды» стали лауреатом Всероссийской литературной премии имени Александра Невского, тогда же Лысенко было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В 2010 году по-

Александр Лысенко, современное фото.

лучен серебряный диплом по итогам конкурса среди стран СНГ «Искусство книги» за книгу «Мой учитель». 2012 год принёс победу во Всероссийском конкурсе книг «Малая Родина» за книгу Владимира Неделина «Древние города земли Орловской». Впрочем, перечень наград велик — его

можно продолжать и продолжать.

В последние годы Александр Иванович написал ряд мемуарных очерков, издал сборник «Пульс юности». Много времени заняла общественная деятельность: комиссия по наименованию улиц при администрации города Орла, комиссия по вопросам помилования при губернаторе, Общественная палата области. А ещё он — заместитель председателя областной организации Союза писателей России.

Супруга Людмила Алексеевна посвятила свою трудовую жизнь финансовой сфере — окончила вуз, много лет работала в администрации Орловской области.

В Средние века издательское дело считали искусством, едва ли не волшебством. За четверть века с небольшим Александр Иванович Лысенко дал жизнь сотням книг, суммарные тиражи которых давно вышли за рамки сотен тысяч. Он настоящий волшебник, и получается, что в созданном им книжном городе насчитывается столько же «жителей», как в крупном современном областном центре. Есть микрорайоны Поэзии и Прозы, Истории и Искусства, свой Академгородок и Детская площадка, проспект Краеведческих альбомов.

Александр Иванович часто вспоминает свою жизнь на Сахалине как пору становления, пору обретения опыта, время первых творческих шагов. Так сложилось, что среди писателей-орловцев есть целый ряд земляков со схожей судьбой — Дальний Восток оставил глубокий след в жизни и творчестве Р. К. Агишева, В. В. Горбачёва, В. И. Переверзева, Е. А. Машуковой... На Сахалине Лысенко учился не только мечтать, но и воплощать свои планы в жизнь. И люди шли ему навстречу, поддерживали и доверяли. А это так много значило для раскрытия способностей в полную силу.

И сейчас у издателя немало, как принято говорить, креативных идей и планов. Есть, например, мечта сделать книгу о русском хлебе — истории и современности. Или мечта о том, чтобы в Орле было создано полноформатное государственное издательство. Мечта о том, чтобы любовно изданная книга классиков художественной литературы была в любом уголке России таким же дорогим, душевным и памятным подарком, как прежде.

Список использованных источников

1. Лысенко, А. Сахалинский период 1972–1973, 1976–1981 : [ру-копись] // Архив автора.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 31.03.2022.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (г. Орёл).

Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.

«МАСТЕР ДИРИЖЁРСКОГО ИСКУССТВА» — РУССКИЙ ДИРИЖЁР, КОМПОЗИТОР НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ГОЛОВАНОВ

Статья посвящена творческой биографии и духовномузыкальной деятельности выдающегося русского дирижёра, педагога и композитора Николая Семёновича Голованова (1891–1953 гг.) и его значимой просветительской роли в истории музыкальной культуры России первой половины XX века.

Ключевые слова: Николай Семёнович Голованов, творческий портрет, Синодальное училище церковного пения, дирижёр Большого театра, религиозно-певческое искусство, новое направление в русской духовной музыке, авторский стиль, духовно-музыкальные сочинения.

Keywords: Nikolai Semyonovich Golovanov, creative portrait, Moscow Synodal School, conductor of the Bolshoi Theater, religious and singing art, a new direction in Russian sacred music, author's style, spiritual and musical compositions.

Надо отдавать себя искусству полностью, целиком и жертвенно трудиться всю жизнь. Постоянно совершенствоваться, творчески расти и двигаться неустанно вперёд.

Н. С. Голованов

ачало XX века стало для России временем испытаний и потрясений: с одной стороны, предчувствие приближающегося конца, с другой — поиски русской идеи. Это значительный исторический период для русского искусства, и в большей части для музыкального — это период расцвета искусства церковного, связанного с православием и с историей России. В связи с этим усиливается интерес к духовным истокам, берущим своё начало в древнерусском искусстве, неразрывно связанном с православной верой...

Сегодня невозможно представить становление и развитие духовной музыки этого периода без имён таких композиторов, как Д. С. Бортнянский, А. Д. Кастальский, Н. А. Римский-Корсаков, А. Т. Гречанинов, А. В. Никольский, М. Ипполитов-Иванов, П. Г. Чесноков, П. И. Чайковский, Н. С. Голованов и другие.

Если вплоть до 1880 года сильное влияние на музыкальную жизнь России оказывала придворная певческая капелла (г. Санкт-Петербург), то в конце XIX века наступила пора ценностей, символом которых стала древняя столица — возросло значение Московского синодального училища церковного пения и Синодального хора. Новый подход к изучению стиля русской церковной музыки был найден группой московских композиторов, возглавляемых А. Д. Кастальским. Композитор создал целую школу. Среди его учеников были хорошо известные музыканты Н. С. Голованов, А. С. Шумский, В. П. Степанов, М. Н. Жуков, К. А. Пасхин, Н. М. Данилин. Музыканты этого времени стремились возродить националь-

ные основы в русском церковном пении.

Николай Семёнович Голованов (1891—1953 гг.) — одна из уникальнейших фигур в истории музыкальной культуры России первой половины XX века. Он — выдающийся мастер-универсал своего времени и многогранная личность: композитор, пианист, педагог, публицист, коллекционер живописи... Но в

Николай Голованов.

историю музыкальной культуры России XX века Николай Семёнович Голованов вошёл прежде всего как выдающийся оперный и симфонический дирижёр. «Большой дирижёр Большого театра» (А. В. Солодовников) [3, с. 197], «Титан дирижёрского искусства» (Е. Ф. Светланов) [8, с. 196], «Главный дирижёр» (К. Б. Птица) [3, с. 201] — так называли его современники. В 1919 году в Москве, в Большом театре, произошёл дебют молодого музыканта за дирижёрским пультом, который увенчался огромным успехом. Талантливому дирижёру сравнительно легко удалось передать своё основное настроение всему симфоническому оркестру, а также установить неразрывный контакт с музыкантами. «Надо отдавать себя искусству полностью, целиком и жертвенно трудиться всю жизнь. Постоянно совершенствоваться, творчески расти и двигаться неустанно вперёд», — считал Голованов [3, с. 128]. Режиссёр Б. А. Покровский, вспоминая период работы с композитором над постановкой оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко», писал: «Николай Семёнович считал себя ответственным за всё. Он не ограничивал себя только "своей областью", "заботой о музыке". — "Надо помогать!" — сказал Николай Семёнович со своей волевой интонацией» [3, с. 192].

К Большому театру Н. С. Голованов испытывал огромную привязанность на протяжении всей жизни, несмотря на то что его трижды отстраняли от работы. Композитором было написано около 20 опер и балетов, тысячи спектаклей и камерных сочинений. Дирижёр Е. Ф. Светланов также отмечал связь Н. С. Голованова с Большим театром: «Большой театр и Н. С. Голованов — понятия навеки неразрывные. Сделанное Головановым для советского искусства поистине неоценимо и непреходяще» [Цит. по: 6, с. 105]. В 1948 году Николай Семёнович последний раз вернулся в театр в качестве главного дирижёра и художественного руководителя. Он сделал три масштабные постановки, которые пользовались огромным успехом: «Борис Годунов» (1948 г.), «Садко» (1949 г.), «Хованщина» (1950 г.). Современники считали эти оперы «золотым фондом» Большого театра, вершинными достижениями в музыкальной истории России.

В 1920 году против дирижёра была развёрнута кампания политической травли, получившая в прессе наименование «головановщины». По мнению противников, Николай Семёнович был консервативным, стремился внести буржуазные методы обучения. Честность и принципиальность дирижёра не раз служили поводом для обвинений. Всё это внесло большой резонанс в СМИ. Статьи в газетах носили обличительный характер. Независимый темперамент и взрывной характер композитора осложняли ему жизнь в Большом театре. Дважды он покидал его, но всегда возвращался. В 1928 году Николай Семёнович был уволен, в 1930 году восстановлен. В 1936 году его вновь увольняют, а в 1948-м назначают главным дирижёром. В эти периоды,

когда маэстро не работал в Большом театре, он руководил симфоническим оркестром Центрального дома художественной самодеятельности МОСПС и Оперно-драматической студией К. С. Станиславского, был главным дирижёром и художественным руководителем Советской филармонии (в настоящее время — Московская филармония). Николай Семёнович дирижировал не только в театре, но и на радио. Музыканта можно считать первопроходцем советского радиовещания: он участвовал в первой радиотрансляции. которая состоялась 8 сентября 1924 года. В 1929 году он был назначен официально главным дирижёром Московского радиоцентра. Николай Семёнович знакомил слушателей с неизвестными и редко звучащими классическими произведениями. Так, например, были осуществлены премьеры опер «Золотой петушок» (28 января 1930 г.) и «Майская ночь» (12 февраля 1939 г.) Н. А. Римского-Корсакова, «Директор театра» (23 апреля 1930 г.) В. А. Моцарта, «Алеко» (23 октября 1950 г.) С. В. Рахманинова.

С 1937 года и до конца своей жизни Николай Семёнович руководил Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радиокомитета. С этим великолепным коллективом, чей профессиональный уровень был высок благодаря Николаю Семёновичу, дирижёр исполнил большое количество самых малоизвестных произведений: «Реквием» В. А. Моцарта, симфонические поэмы Ф. Листа, «Колокола» С. В. Рахманинова, кантату «Иван Дамаскин» С. И. Танеева. В наше время в архиве радиокомитета сохранилось большое количество записей классических произведений, свидетельствующих о масштабе его дирижёрского таланта.

Композитор был прирождённым педагогом. В 1925 году в Московской консерватории он возглавил оперный и оркестровый классы и сам взялся за создание большого студенческого симфонического оркестра. Композитор-педагог считал, что такой коллектив — это будущая основа оперной, концертной, композиторской деятельности музыкантов. И в этом Николай Семёнович оказался прав. Многие талантливые музыканты, которые играли под его руководством, стали выдающимися сольными исполнителями и аккомпаниаторами в различных художественных коллективах. Педагогический дар Н. С. Голованова проявился не только в его дирижёрской деятельности, он постоянно работал и совершенствовал профессионализм музыкантов своего симфонического оркестра. «За то, как Вы работали с этим оркестром, как Вы сумели поднять его на столь высокий уровень, я приношу Вам мою горячую благодарность», — писал Д. Д. Шостакович Голованову в письме от 19 апреля 1953 года [3, с. 129]. Дмитрий Дмитриевич видел огромную заслугу именно Николая Семёновича в блестящем исполнении его знаменитой «Ленинградской» симфонии Большим симфоническим оркестром под руководством дирижёра Е. А. Мравинского.

Музыкант был известен и как пианист-аккомпаниатор, работавший совместно с русской певицей Антониной Неждановой. Их союз был не только семейным, но и творческим, на протяжении многих лет композитор был концертмейстером Антонины Васильевны. В творческой мастерской рождались интерпретации вокальных сочинений русских и зарубежных композиторов. Вокальный репертуар певицы включал в себя и романсы, и арии, и песни. Слушатели и почитатели дуэта отмечали гармонию голоса и фортепиано, лёгкое взаимодействие двух одарённых людей. Дирижёр К. Б. Птица вспоминал: «В дуэте композитора и певицы А. Неждановой возникало полное слияние исполнительских начал — голоса и инструмента» [3, с. 214]. По свидетельству советского музыковеда Г. Поляновского, ему довелось слышать свыше 20 романсов Н. С. Голованова в исполнении А. Неждановой [6, с. 65]. Помимо А. Неждановой, среди исполнителей его вокальной музыки были выдающиеся певцы XX века: Н. Д. Шпиллер, С. И. Мигай, Л. В. Собинов, Д. А. Смирнов, М. П. Максакова.

Будущее Николая Семёновича Голованова как композитора, регента, педагога виделось блестящим. И к этому подвели его годы учёбы в Синодальном училище и в Московской консерватории. Именно в Синодальное училише в 1900 году после прослушивания слуха и голоса был принят Коля Голованов. Он был очень талантливым вокалистом. По воспоминаниям духовного воспитателя и педагога А. П. Смирнова, «обладая превосходным голосом и отличным слухом, он являлся солистом хора» [7, с. 574]. В архиве Николая Семёновича сохранилась записная книжка «ученика Московского синодального училища церковного пения Николая Голованова», отсюда следует, что интерес к искусству, чтению, музыке, вокалу, в том числе посещение концертов и театральных представлений, двенадцатилетний Коля проявлял уже в то время. И по окончании училища молодой музыкант начал раскрываться с разных сторон — как композитор, пианист, дирижёр и педагог. Впоследствии его творческая биография показала, что каждая из сторон его таланта получила дальнейшее развитие. В последние годы обучения в Синодальном училище Николаю разрешалось руководить небольшим составом хора на службах во дворце княгини Елизаветы Фёдоровны. И после окончания училища небольшой церковный хор под руководством Н. Голованова в течение двух лет пел на богослужениях в церкви. Эти исторические факты ещё раз подтверждают большой талант и профессиональный авторитет молодого музыканта-дирижёра.

Весной 1909 года композитор блестяще окончил училище со званием регента первого разряда и учителя пения. Осенью он поступает в Московскую консерваторию, в класс теории и свободного сочинения, где обучается у преподавателей А. А. Ильинского, М. М. Ипполитова-Иванова, С. Н. Василенко. Последний отмечал, «что место среди та-

лантливых студентов занимал Н. С. Голованов, изумительно одарённый паренёк. Воспитанник Синодального училища идеально усвоил музыкально-теоретические дисциплины. В консерватории он прекрасно сдал гармонию, фугу и контрапункт. Ко мне в класс он пришёл уже интересным композитором» [2, с. 277–278].

Весной 1914 года музыкант с отличием оканчивает Московскую консерваторию по классу С. Н. Василенко. Осенью по решению дирекции отдельные оркестровые эпизоды из его оперы-сказки «Царица Юрата» были исполнены в концерте Московского отделения Русского музыкального общества под управлением композитора и дирижёра М. М. Ипполитова-Иванова.

После окончания Московской консерватории у маэстро числились следующие произведения: одноактная лирическая опера «Богатырский курган» (1913—1914 гг.), симфония (1912—1913 гг.), увертюра на русские темы (1913 г.), соната для фортепиано (1912 г.), циклы романсов на стихи русских и зарубежных поэтов «Росы медвяные» (1908—1912 г.) и «Букет цветов душмяных, ароматов дурманящих» (1909—1912 гг.), «Три тетради песен» на стихи П. Потемкина (1912—1914 гг.), хоровые циклы «Свирели напевные» (1908—1915 гг.), «Антифоны» (1908—1915 гг.), «Шесть пастелей» (1909—1915 гг.), «Семь песен на стихи А. С. Пушкина» (1907—1943 гг.), «Сад лунных причуд» (1914—1916 гг.), «Семь поэз Игоря Северянина» (1914—1943 гг.), «Душистая сирень» (1908—1916 гг.) и другие.

Ранее, ещё в 1910 году, Николай Семёнович был назначен четвёртым регентом (младшим помощником регента) Синодального хора — он стал совмещать регентские обязанности с преподавательской деятельностью. Композитор преподавал в старших классах училища дирижирование, уставное пение, а также руководил занятиями ученического хора и оркестра.

Музыкант начал сочинять духовные сочинения ещё в старших классах Синодального училища и как автор произведений на церковно-славянские тексты заявил о себе в первые два десятилетия XX века — период расцвета русской духовной музыки. С детства Н. С. Голованов впитывал музыкально-духовную эстетику творчества композиторов нового направления, чьи сочинения, наряду с произведениями Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирева, М. И. Глинки и других классиков, постоянно пополняли репертуар Синодального хора.

Исследователь его музыкального наследия О. И. Захарова вспоминает, что композитор «духовные песнопения часто писал в соответствующие им дни: рождественские хоры — на Рождество, великопостные — перед Пасхой» [4, с. 3]. В. Р. Петров и А. В. Нежданова были первыми исполнителями посвящённых им духовных песнопений Н. С. Голованова. Желание музыканта почтить память, а также выразить чувство благодарности своим коллегам-музыкантам, наставникам, друзьям (С. В. Смоленский, В. С. Калинников, П. Г. Чесноков,

митрополит Трифон (Туркестанов), В. С. Орлов) было воплощено в духовных сочинениях. Именно это обстоятельство и давало право считать духовные произведения Голованова духовно-музыкальными дневниками, в которых отмечались даты календаря, связанного с близкими людьми, христианскими праздниками и историей России.

Как только подтвердилась новость о начале Великой Отечественной войны, Николай Семёнович обратился к образу Пресвятой Богородицы с мольбой о заступничестве, написав церковное песнопение «Под твою милость» (ор. 37, № 2). В военные годы композитор остался в Москве и выступал с концертами в Большом зале консерватории. «Очевидно, мы делали большое и нужное дело, так как позже люди самых различных профессий и возрастов со слезами на глазах рассказывали, как поднимали их дух и веру в победу трансляции Москвы», — вспоминал Николай Семёнович [3, с. 22]. Из-за загруженности работой в консерватории в 1942 году было написано три духовных хора, одно духовное песнопение «Милосердия двери» (ор. 39, № 4) и два великопостных — «Егда от Древа» (ор. 37, № 5), «Бездну заключивый» (ор. 37, № 6).

Духовно-музыкальная деятельность композитора насчитывает 64 песнопения, которые сам автор объединяет в восемь опусов. Первые (1, 3, 5, 9) произведения были опубликованы в 1918 году издательством П. И. Юргенсона, а опусы духовных сочинений (ор. 36–39) стали доступны только в 2004 году благодаря издательству «Живоносный источник»¹. В 1998–1999 годах были изданы публикации в серии «Духовное творчество русских композиторов». В рамках этого проекта появились сборники сочинений известных русских композиторов, произведения которых давно являются классикой православного духовного музыкального искусства. Впервые опубликованы неизданные духовные сочинения Н. С. Голованова, написанные им после событий 1917 года.

Несмотря на то что к сочинению церковных произведений композитор обращался на протяжении всей жизни, интенсивность написания текстов была различной. Связано это было с его исполнительской работой в театре и в консерватории. «К глубокому сожалению, — сетовал Голованов, — работа в театре, дирижирование концертами и административная деятельность так меня загружали, что не оставляли времени для сочинения» [3, с. 23]. Была и другая причина: после революции в 1917 году музыкантам, связанным с церковной музыкой, с каждым годом сочинять духовные песнопения становилось труднее и вскоре оказалось совсем невозможным. Композиторы были поставлены перед выбором: либо работать и сочинять музыку в храме,

¹ Издательство «Живоносный источник» является самым крупным в мире специализированным нотным издательством по выпуску богослужебной и духовной нотной литературы.

либо профессионально преподавать в консерватории или театре. Эти события очень сильно повлияли на композитора. И в 1921 году в жизни Николая Семёновича наступили долгие годы молчания в духовном творчестве. Только 7 января 1927 года был написан кондак на Рождество Христово «Дева днесь» (ор. 36, № 4), посвящённый памяти русского композитора А. Д. Кастальского. А 25 марта 1929 года появилось духовное сочинение «Покаяние отверзи ми двери» (ор. 37, № 1) — памяти В. С. Орлова. В Пасху в 1936 году Н. С. Голованов сочинил «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного» (ор. 37, № 7) — памяти С. В. Смоленского, «Таинство странное» (ор. 36, № 6) — памяти Н. М. Данилина.

Самым насыщенным для композитора был 1941 год. Им было написано 17 песнопений, включая пять переработок ранних духовных сочинений. В начале года Голованов пишет рождественские и великопостные песнопения: тропарь на Рождество Христово (ор. 36, № 3, 7 января 1941 г.), «Благообразный Иосиф» (ор. 37, № 8, 7 марта 1941 г.), «Егда снизшел» (ор. 37, № 9, 8 марта 1941 г.), «Мироносицам женам» (ор. 37, № 10, 9 марта 1941 г.).

Последним годом плодотворного творчества стал 1943-й — было написано ещё восемь церковных сочинений. После музыкант обращался к духовной музыке в 1944 году («Покой, Спасе наш» (ор. 39, № 12) — светлой памяти В. А. Семёнова) и в 1952-м («Святителю Трифону» (ор. 39, № 13)).

Духовно-музыкальное наследие Николая Семёновича представляет собой целостное художественное явление, которое обладает характерными признаками композиторского стиля, проявляющимися во всех его церковных сочинениях. Творческая деятельность Голованова показывает, насколько сильной была русская хоровая школа, которая позволяла музыканту в непростых исторических условиях, когда духовная тема оказа-

лась под запретом, проявить себя блестящим образом в самых разных областях. Духовное наследие музыканта неразрывно связано с традициями школы нового направления. Но творчество композитора нельзя считать достаточно осмысленным и глубоко изученным. Российский дирижёр Михаил Плетнёв считает, что Н. С. Голованов забыт и не исполняется в России. В настоящее время учёные и исследователи и музыкального наследия композитора возвращают истории его имя и открывают ранее неизвестные страницы его биографии. Например, о духовных сочинениях, появившихся после революции, не было известно никому, за исключением самых близких людей. И только в 1990 году статья А. Тевосяна «Загадки Голованова», опубликованная в журнале «Музыкальная жизнь», познакомила читателей с неизвестной до той поры музыкальной деятельностью великого музыканта, тем самым восполнив пробелы в перечне творческого наследия Голованова, по-новому помогла осознать масштаб его личности, а также поставить его в один ряд с мастерами духовной музыки XIX-XX веков.

Вследствие коренного перелома в отношении к церковной музыке, произошедшего в отечественной музыкальной культуре в 1980-е годы и связанного в том числе с подготовкой к празднованию 1000-летия Крещения Руси, духовное хоровое творчество Голованова, наряду с сочинениями других русских композиторов, было выведено из забвения.

Фигура Николая Семёновича важна для музыкальной культуры. Это пример удивительного мастерства композитора и высокохудожественного воплощения древнейших хоровых традиций. Остаётся надеяться на то, что духовное творчество Н. С. Голованова найдёт своё место в репертуаре профессиональных коллективов и верных почитателей его таланта. Думается, что на этом пути ещё возможны новые интересные открытия.

Список использованных источников

- 1. Антонина Васильевна Нежданова: материалы и исследования / [Всерос. театр. о-во], Вокально-творч. кабинет им. А.В. Неждановой. Москва: [Искусство], 1967. 543 с.
- 2. Василенко, С. Н. Воспоминания / С. Н. Василенко. Москва : Совет. композитор, 1979. 375 с.
- 3. Голованов, Н. С. Литературное наследие: Переписка. Воспоминания современников / Н. С. Голованов / сост. Грошева Е., Руденко В. Москва: Совет. композитор, 1982. 296 с.
- 4. Захарова, О.И.Н.С.Голованов: устои творчества и жизни: вступ. ст./О.И.Захарова // Голованов Н.С.Духовные про-изведения для смешанного хора а cappella / ред. и примеч.О.И.Захаровой.— Москва, 2004.—С.3–7.
- 5. Ковалев, А. Б. Духовная музыка Н. С. Голованова: монография / А. Б. Ковалев, А. С. Полторухин; Акад. Хорового искусства

- им. В. С. Попова, Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка». — Тамбов: музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2019. — 160 с.
- 6. Прибегина, Г. А. Николай Семёнович Голованов : популярная монография / Г. А. Прибегина. Москва : Музыка, 1990. 142 с.
- 7. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 1: Синодальный хор и училище церковного пения: воспоминания. Дневники. Письма / Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки, Гос. ин-т искусствознания; сост., вступ. ст., коммент. С. Г. Зверева, А. А. Наумов, М. П. Рахманова. Москва: Языки рус. культуры, 1998. 688 с.
- 8. Светланов, Е. Ф. Музыка сегодня: сб. ст., рец., очерков / Е. Ф. Светланов. — Москва: Совет. композитор, 1985. — 270 с.

Фотография предоставлена автором. Материал поступил в редакцию 17.02.2022.

ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье автор рассматривает основные периоды приграничного сотрудничества между Россией и Китаем начиная с 1990-х годов, а также анализирует перспективы экономического и торгового сотрудничества на современном этапе.

Ключевые слова: Китай, Россия, приграничная экономика, кооперация, торговля.

Keywords: China, Russia, border economy, cooperation, trade.

2021 году исполнилось 20 лет со дня подписания российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве¹. С давних времён приграничные экономические и торговые обмены были отправной точкой для экономического и торгового сотрудничества между странами и важным фактором двустороннего регионального экономического развития. Китайско-российская приграничная торговля имеет долгую историю. Негосударственная торговля в приграничных районах двух стран началась более 300 лет назад. Хотя с тех пор сменились династии, в целом она по-прежнему демонстрирует положительное развитие.

Этапы развития китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества. Начальный этап (1991—1993 гг.)

До распада Советского Союза приоритетное развитие отдавалось тяжёлой промышленности, что со временем привело к отставанию лёгкой промышленности на Дальнем Востоке, а товары народного потребления становились дефицитными. Исходя из этого, лидеры Китая и России достигли консенсуса по обмену информацией, активному развитию приграничной торговли, содействию экономическому и социальному развитию приграничных территорий между двумя странами. В 1992 году правительства Китая и России подписали ряд соглашений об экономическом и торговом, техническом и трудовом сотрудничестве, в том числе соглашение между правительством Китайской Народной Республики и правительством Российской Федерации об экономических и торговых отношениях, которое предусматривало огромный импульс для развития китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества. В 1993 году общий объём китайско-российской приграничной торговли достиг 3,2 млрд долларов США, что составило почти половину от общего объёма китайско-российской торговли в том же году, став первым небольшим пиком в истории китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества после распада Советского Союза [2].

Этап резкого спада (1994-1999 гг.)

С 1994 года китайско-российская приграничная торговля, особенно бартерная, начала значительно сокращаться. Особенно в 1996 году объём торговли упал почти на 50% по сравнению с предыдущим годом, а в 1998 году он до-

стиг рекордно низкого уровня в 600 млн долларов США [4]. Фундаментальной причиной почти застоя приграничной торговли между Китаем и Россией являются продолжаюшиеся экономические преобразования и экономическая структурная перестройка между двумя странами, которые привели к значительным изменениям в условиях приграничной торговли. России потребовалось всего три-четыре года, чтобы завершить процесс закрытия внутреннего рынка и перехода к открытию, и уровень цен во внешней торговле также быстро интернационализировался. Однако многие китайские предприятия приграничной торговли не смогли адаптироваться к изменениям на российском рынке из-за отставания в информации и нехватки средств. Кроме того, некоторые ограничения в политике приграничной торговли. принятые российской стороной, поставили китайско-российскую приграничную торговлю в тупик.

Этап быстрого развития (2000-2007 гг.)

На данном этапе российский режим добился плавного перехода, и политическая ситуация постепенно стабилизировалась. Правительство В. В. Путина усилило своё вмешательство в экономику, что привело к сильному восстановлению российской экономики. Экономика неуклонно росла год за годом, и объём внешней торговли продолжал расти. В то же время Дальний Восток России также добился медленного, но стабильного экономического роста, заложив основу для устойчивого развития китайско-российской приграничной торговли. Кроме того, правительство РФ начинает придавать большое значение развитию китайско-российской торговли и принимает политику стимулирования приграничного торгового обмена между двумя странами. С 2000 года китайско-российская торговля и китайско-российская приграничная торговля начали значительно восстанавливаться. По некоторым данным, приграничная торговля провинции Хэйлунцзян с Россией достигла высокого уровня — это примерно 2,33 млрд долларов США, что составляет 73,5% от общего объёма китайско-российской приграничной торговли [3]. В силу географических факторов торговлю провинции Хэйлунцзян с Россией часто считают барометром китайско-российской приграничной торговли и даже китайско-российской торговли в целом. В последующие годы объём приграничной торговли Китая с Россией, представленной провинцией Хэйлунцзян, увеличился примерно на 20-30% [5]. Особенно после стратегического обновления экономического и технологического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией в 2004 году, когда экономическое и торговое сотрудничество между двумя сторонами достигло быстрого роста. В 2007 году объём импорта и экспорта достиг 10,73 млрд долларов США, увеличившись на 60,4% по сравнению с предыдущим годом [6].

Договор был подписан 16 июля 2001 г. в Москве президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Цзян Цзэминем.

Период роста (2008-2014 гг.)

Под влиянием мирового финансового кризиса ВВП России в четвёртом квартале 2008 года вырос всего на 1.2%, а экономика переживала спад [7]. В связи с этим Россия ввела ряд мер по ограничению импорта, серьёзно пострадало китайско-российское приграничное экономическое и торговое сотрудничество, а объём торговли сократился примерно на 50% [1]. Однако спад в китайско-российском приграничном экономическом и торговом сотрудничестве длился недолго, и Россия быстро вышла из тени финансового кризиса, тем самым способствуя быстрому восстановлению китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества. В 2009 году Китай и Россия утвердили «План сотрудничества между северо-востоком Китайской Народной Республики и Дальним Востоком и Восточной Сибирью Российской Федерации (2009-2018 гг.)». В 2010 году северо-восточные приграничные районы Китая своевременно скорректировали свою торговую стратегию с Россией, чтобы китайско-российское приграничное экономическое и торговое сотрудничество могло спокойно пережить кризис и вступить в новый этап быстрого развития. С 2013 по 2014 год из-за замедления экономического роста Китая и России спрос Китая на сырьё из России снизился, и спрос России на китайские товары тоже снизился, что привело к замедлению темпов роста объёма торговли между двумя странами.

Новый этап стремительного роста (2015 г. – настоящее время)

Китайско-российское приграничное экономическое и торговое сотрудничество приобрело новый облик на фоне реализации программы «Один пояс и один путь». 8 мая 2015 года было подписано совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о координации и сотрудничестве в строительстве «Экономического пояса Шёлкового пути» и Евразийского экономического союза. Выдвинутая Россией инициатива «Большое евразийское партнёрство» перекликается с инициативой Китая «Один пояс и один путь», что, в свою очередь, даёт огромный импульс торгово-экономическому сотрудничеству между двумя странами. В 2016 году китайско-российская двусторонняя торговля восстановилась на фоне общего спада внешней торговли между двумя странами; в 2017 году китайско-российские экономические и торговые отношения развивались быстрыми темпами с объёмом торговли 84,071 млрд долларов США, по сравнению с прошлым годом рост составил 20,8%, и китайско-российская приграничная торговля также достигла небольшого роста [8]; с официальным утверждением «Китайско-российского плана сотрудничества

и развития на Дальнем Востоке России (2018-2024 гг.)» в 2018 году объём торговли между двумя странами в этом же году превысил отметку в 100 млрд долларов США [9]. В то же время уровень китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества продолжал расти и достиг замечательных результатов. В период с 2018 по 2019 год успешно продвигался ряд крупных проектов транспортной инфраструктуры на китайско-российской границе, в том числе завершённый Тунцзянский китайско-российский железнодорожный мост через реку Тунцзян, китайско-российский пограничный речной мост Хэйхэ — Благовещенск и другие проекты. С 2020 года на фоне охватившей мир эпидемии COVID-19 и резкого сокращения мировой торговли стратегическое партнёрство Китая и России на высоком уровне координации в новую эпоху продемонстрировало сильные стороны, устойчивость и потенциал двустороннего экономического и торгового сотрудничества.

Перспективы китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества в новую эпоху:

- 1. Политика. Китайское и российское правительства всегда придавали большое значение экономическому и социальному развитию и двустороннему сотрудничеству в приграничных районах Китая и России. В целях активизации развития границ и содействия экономическому и торговому сотрудничеству в приграничных районах правительства двух стран опубликовали ряд стратегических планов развития, особенно в рамках инициативы «Один пояс и один путь», достигли высокой степени консенсуса в отношении сотрудничества в приграничных районах между Китаем и Россией, а также выдвинули план сотрудничества, создав более широкую перспективу развития для расширения и углубления китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества.
- 2. Механизм. В последние годы китайско-российские сотрудничество и обмены в различных областях постепенно институционализировались и нормализовались, а всё более совершенный механизм сотрудничества стал надёжной гарантией устойчивого развития китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества. Под личным стратегическим руководством председателя Си Цзиньпина и президента Путина Китай и Россия создали механизм всестороннего сотрудничества между правительствами, политическими партиями и парламентами и постепенно совершенствовали его. Это также способствовало изучению и созданию механизма сотрудничества в китайско-российском приграничье, обеспечивая платформу и гарантию для осуществления всестороннего китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества и обменов.

3. Широкое сотрудничество. Обе стороны укрепили взаимные инвестиции и сотрудничество в области энергетики, нефтехимии, сельского хозяйства, лесного хозяйства, полезных ископаемых, строительства, торговли и логистики. В новом типе международного сотрудничества и Китай, и Россия придают большое значение активизации и развитию прилегающих приграничных территорий. Наблюдается значительный прогресс, особенно в транспортной инфраструктуре. Хорошая транспортная инфраструктура является важной опорой для углублённого развития китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества.

В то же время сотрудничество национальных и зарубежных технопарков является одной из важных форм китайско-российского приграничного экономического и торгового сотрудничества. Отечественные и зарубежные парки Северо-Восточного Китая в основном сосредоточены в приграничных районах провинции Хэйлунцзян, образуя опорную систему развития границ с Россией, объединяющую отечественные, трансграничные, зарубежные парки и промышленные базы. Северо-восточные приграничные районы Китая активно используют своё местоположение, активизируя развитие программного и аппаратного обеспечения электронной коммерции, увеличивая развитие и инвестиции на российском рынке, а также улучшая строительство трансграничных логистических каналов с Россией.

Стоит отметить, что трансграничный туризм на китайско-российской границе также демонстрирует бурный рост. Если взять в качестве примера город Хэйхэ в провинции Хэйлунцзян, то этот город и Благовещенск в Амурской области являются соответствующими городами с самым близким расстоянием, наибольшим масштабом, самой высокой спецификацией и наиболее полными функциями на китайском рынке. В последние годы правительства этих двух территорий в полной мере использовали туристические ресурсы по обе стороны Амура и последовательно разрабатывали ряд приграничных туристических маршрутов и ярких проектов приграничного туризма.

Согласно данным четырёх важных китайско-российских пограничных портов в Маньчжурии, Хэйхэ, Суйфэньхэ и Хуньчунь, с 2020 года торговля с Россией во всех пограничных портах достигла положительного роста, демонстрируя хорошую тенденцию оптимизации и модернизации структуры торговли [10].

2021 год совпал с 20-летием подписания китайско-российского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Китайско-российские приграничные районы должны в полной мере использовать более благоприятные возможности для дальнейшего углубления приграничного экономического и торгового сотрудничества, укрепления обменов, расширения взаимного доверия и совместно развивать, обогащать и укреплять границы для большей пользы двух народов.

Список использованных источников

- 1. Вахрушев, Д. С. Сравнительный анализ кризисов 2008 и 2014 годов в контексте проблематики устойчивости отечественного рынка финансового капитала / Д. С. Вахрушев, Д. А. Терентьев. DOI: 10.15862/142EVN315. Текст: электронный // Науковедение: Интернет-журн. 2015. Т. 7, № 3. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/142EVN315.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
- 2. 徐兆杰 // 《西伯利亚研究》 = Сюй Чжаоцзе // «Сибирские исследования» 1995年第5期11 15, 共5页.
- 3. 张晶 机构地区国家计委对外经济研究所 = Чжан Цзин. Институциональные направления Госплан Институт внешнеэкономических исследований // 《世界经济与政治》 CSSCI 北大核心 2001年第12期52-57,共6页. URL: https://xueshu.baidu.com/.
- 4. 赵传君 // 《经济研究参考》= Чжао Чуаньцзюнь // «Справочник по экономическим исследованиям» 1997年第35期50-50, 共1页.
- 5. 姜毅: 《对黑江省河流口岸发展的龙头思考与建议》= Цзян И. Основные мысли и предложения по развитию речных портов в провинции Хэйлүнцзян // 《荷兰学刊》 2015年第2期.

- 6. 姜毅: 《黑龙江省边境口岸发展的思考与建议》= Цзян И. Мысли и предложения по развитию пограничных портов в провинции Хэйлунцзян //俄罗斯日报, 2015年第2期.
- 7. 中华人民共和国中央人民政府 = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-08/28/content_5633873.htm.
- 8. 俄罗斯驻华大使杰尼索夫: "十三五"规划给俄中合作带来新机遇》= «Посол России в Китае Денисов: 13-я пятилетка открывает новые возможности для российско-китайского сотрудничества» //新华 网国际频道, 2015年11月17日。— URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-11/17/c 128438248.htm.
- 9. 中华人民共和国商务部 = Министерство торговли Китайской Народной Республики. URL: http://oys.mofcom.gov.cn/article/oyjjss/ztdy/202011/20201103015204.shtml.
- 10. 黑龙江省人民政府 = Народное правительство провинции Хэйлунцзян. URL: https://www.hlj.gov.cn/n200/2018/0316/c327-10865993.html.

Материал поступил в редакцию 28.02.2022.

Сведения об авторе: Ван Шифа (王世发), аспирант кафедры экономики и менеджмента Института экономики и управления Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: 2014103236@pnu.edu.ru; тел. 8-924-203-09-88.

ОСМЫСЛЕНИЕ КОМСОМОЛЬСКА

В статье рассмотрено понятие «идентичность города». Отмечены основные преимущества брендирования города. Описаны существующие примеры переформатирования территории промышленных городов. Систематизирована типология домов культуры. Выявлена роль Дома культуры в структуре советского города и его место в истории мировой архитектуры. Проанализировано текущее состояние ДК ЗЛК, расположенного в г. Комсомольске-на-Амуре, предложены пути развития для возобновления его работы.

Ключевые слова: Дом культуры, город, городская среда, здание, культурное наследие.

Keywords: cultural center (community center), city, urban environment, building, cultural heritage.

омсомольск-на-Амуре является третьим городом по величине и важности в Дальневосточном федеральном округе. Обладая поистине впечатляющей историей развития, огромным потенциалом как в промышленной, так и в социокультурной сфере, этот город на протяжении последних 30 лет страдает от планомерного ухудшения экономического состояния.

По материалам, полученным из Российского статистического ежегодника 1989 [4], 2004 годов [9], а также согласно данным Федеральной службы государственной статистики [13], видно, что численность населения города уменьшается в среднем на 1 500 человек ежегодно. К тому же стоит принять во внимание, что основными категориями уезжающих граждан являются люди в возрасте от 31 до 40 лет с высшим образованием [14].

Городская среда напрямую отражает процессы, происходящие в городе. Нехватка как экономических, так и человеческих ресурсов заметна по деструктивным процессам, протекающим в городской среде. Гости города, приезжающие в Комсомольск-на-Амуре на время командировок, отмечают общее неудовлетворительное состояние города. В частности, одними из наиболее упоминаемых проблем стали неухоженные парки, в которых неконтролируемые зелёные насаждения формируют непроходимые заросли, а также отсутствие какой-либо развитой инфраструктуры. Подобные последствия экономического и социального застоя формируют представление о Комсомольске-на-Амуре как о городе крайне недружелюбном. Вместе с тем гости города положительно отзываются об общей атмосфере городской среды, характеризуя её как «ностальгическую».

Наиболее острые проблемы городской среды Комсомольска-на-Амуре [14]:

- 1. Неудовлетворительное состояние дорог.
- 2. Экологические проблемы.
- 3. Проблемы ЖКХ.
- 4. Безработица.

5. Мало досуговых учреждений.

Подобные мнения сформированы прежде всего привязанностью многих людей к прошедшим годам эпохи расцвета советского строя. Соотнося на подсознательном уровне различные аспекты того времени, будь то объект архитектуры, произведение кинематографа или музыкальное произведение, с приятными воспоминаниями из детства, люди транслируют это чувство ностальгии на существующие ныне объекты.

Индивидуальность городской среды

С конца 1990-х годов многие здания, построенные во время существования Советского Союза, подвергались бездумному «переосмыслению» в угоду модным тенденциям того периода. Подобные «реконструкции» привели к полнейшему обезличиванию и утрате культурной индивидуальности городов России. Комсомольск-на-Амуре не пал жертвой подобных реформ в то время, и большинство сооружений сохранилось в первозданном виде.

Акцентирование внимания на выявлении исторических, культурных и социальных особенностей позволит создать аутентичную городскую среду. Само понятие индивидуальности города стало актуальным в последнее время. В статье А. А. Скалкина «Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования» понятие «идентичность города» характеризуется как трактование чувства целостности, возникающего при отождествлении с конкретным городом [10].

Стоит учитывать и тот факт, что идентификация городской среды не должна происходить от искусственно созданной уникальности той или иной местности. «...Идентичность также трактуется как отличность и узнаваемость, однако идентичность это не просто узнаваемость, а узнаваемость через отождествление, через наличие причинных связей и смысловых параллелей» [10]. Следовательно, для создания аутентичной городской среды требуется неразрывная

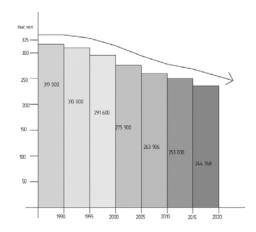

Диаграмма 1. Тенденция оттока жителей из Комсомольска-на-Амуре (1990–2020 гг.).

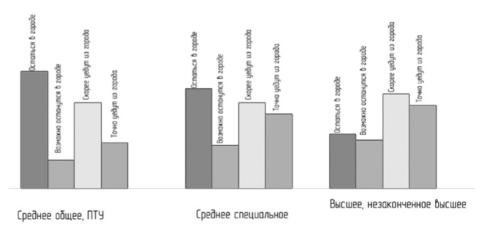

Диаграмма 2. Миграционные настроения людей с учётом уровня образования.

эмоциональная связь с жителями города. Достичь этого возможно только взаимодействуя с существующими зданиями, закрепившимися в сознании людей.

Сейчас перед архитекторами и урбанистами стоит сложнейшая задача возрождения самобытности для каждого из городов России. Создавая проекты новых сооружений в условиях существующей застройки, архитектор рискует создать нарочито «оригинальный» проект, способный полностью разрушить целостный образ архитектурного ансамбля.

Проблематика сохранения культурного наследия в Комсомольске-на-Амуре

Стагнация в строительстве и введение новых архитектурных приёмов повлекли за собой сохранение уникальных зданий, однако стоит принять во внимание то, что поддержанию состояния многих сооружений, не находящихся на «красной линии» города, не уделялось должного внимания. Так, некогда грандиозное здание бывшей школы № 25 пришло в негодность и было закрыто в 2010 году в связи с его аварийностью.

Планировочные решения, принятые при строительстве данной школы, не отличались новаторскими идеями, но гипсовые барельефы, медальоны и карнизы, располо-

Здание средней общеобразовательной школы № 25 до 2015 года (верхнее фото) и сегодня.

женные на плоскости фасада, отсылали к «советской античности».

Здание школы № 25 было включено в программу ТОСЭР, и в 2015 году началась его реконструкция, в ходе которой был полностью изменён его облик. В ходе обновления здания были сняты и уничтожены все декоративные элементы фасада, а пустые стены закрыты вентилируемым фасадом. Несмотря на то что эта реконструкция позволила вновь использовать пустующее на протяжении шести лет здание, такой кощунственный шаг навсегда уничтожил сооружение, отражающее суть эпохи, в которую оно было построено, и не осталось ничего, кроме фотографий, что могло бы наглядно показать то, как выглядело здание когда-то.

Вместе с тем не стоит забывать, что создание индивидуального облика городской среды формируется не только благодаря зданиям общественной и культурной функции, но также за счёт жилых зданий, которые составляют наибольшую долю в городской застройке. Так, две главные улицы города обрамляют сооружения, выполненные в стиле сталинского неоклассицизма, — это одни из первых построек. Затем с расширения города с 1970-х годов начинается застройка проспекта Первостроителей протяжёнными девятиэтажными домами, при проектировании которых сотрудничали архитекторы Комсомольска-на-Амуре и ЛенНИИЭП (Ленинградского научно-исследовательского института экспериментального проектирования). В последующие годы проводилась постройка девятиэтажных типовых домов, которые тем не менее также не были лишены индивидуальности. Например, торцы зданий, расположенных по улице Магистральное шоссе, декорированы тематической фреской, прославляющей труд металлургов и строителей города. Подобные на первый взгляд неочевидные и незначительные детали формировали определённые настроения жителей города, внося яркие краски в повседневную жизнь. К сожалению, как и большинство зданий, данные многоэтажные дома утратили свою эстетическую привлекательность, и с каждым годом всё больше таких разрушенных мозаик закрывается за вентилируемыми фасадами, полностью обезличивающими архитектурную ценность данных зданий. Подобные меры пусть и являются оптимальным решением в условиях недостатка бюджета и квалифицированных реставраторов, однако в долгосрочной перспективе развития города только ухудшают ситуацию.

Идейная составляющая проектов советских городов

Комсомольск-на-Амуре — один из новых городов, строительство которых состоялось в первые две пятилетки. Этот исторический этап ознаменовался огромным прорывом во всех сферах жизни и устройства государства. Был про-

делан огромный объём работы, существенно улучшивший уровень жизни в стране. «...Построено огромное количество жилых домов, в грандиозном масштабе развёрнуто строительство новых общественных зданий» [1]. Новые города становились чистым холстом для деятельности архитекторов и воплощения их новаторских замыслов. Программа, созданная правительством, была чётко направленной, с обозначенными границами архитектурных решений. Подобные ограничения, возможно, ущемляли творческое начало архитекторов, однако жёсткие рамки позволяли создать единое гармоничное городское пространство, в котором не было бы места чужеродным глазу объектам.

Администрации новых городов активно сотрудничали с заинтересованным населением, устраивая различные собрания и обсуждая с жителями городов различные концептуальные идеи строящихся зданий. «...Советская архитектура призвана служить интересам многомиллионных масс трудящихся, интересам улучшения материально-бытовых и культурных условий их жизни... Вот почему наша советская архитектура должна быть глубоко содержательной, пронизанной великими идеями социализма, неразрывно связанной со сталинской эпохой, с советским народом. А для этого советский архитектор должен сам быть активнейшим участником социалистического строительства, хорошо знать свою страну» [1]. Слова, принадлежащие Каро Семёновичу Алабяну, как нельзя лучше описывают политику, проводимую государством в архитектурной и социальной сферах. Первоочередной задачей, которая стояла перед архитекторами и проектировщиками того времени, являлось не создание нарочито уникальных зданий, а конкретно обдуманное внедрение новых, отражающих идеи того времени концептов.

Формирование среды как культурно просвещающего пространства было важным этапом при строительстве новых городов. Одной из тематик, охвативших умы деятелей того времени, являлась идея советского реализма как ответа конструктивизму и формализму зарубежных архитекторов. Не отрицая возможности применения и переосмысления опыта иностранных архитекторов, таких как Ле Корбюзье, В. Гропиус, советские проектировщики работали над созданием национального стиля, определённой идеи, которая стала бы вектором развития уникальной отечественной архитектуры.

Города, растущие на базе промышленных объектов, как, например, Комсомольск-на-Амуре, также были не лишены попыток переформатирования классических архитектурных приёмов под динамично развивающееся советское общество. Так, жилые дома улицы Кирова, одной из первых улиц города, построены в неоклассическом стиле практически без присутствия на фасадах декоративных деталей. В общей форме здания всё ещё прослеживается связь с наследием такой жилищной единицы, как палаццо, но подобным

решением архитекторам удалось избежать буквального повторения существующих архитектурных приёмов, отдав дань классической архитектуре.

Планировка города также должна была нести в себе новые социальные идеи и градостроительные приёмы. Перед зодчими стояла задача не только спроектировать экономически выгодное жилое пространство, но и спрогнозировать дальнейшее развитие города, руководствуясь научно обоснованными принципами. В истории градостроительства ещё не было примеров настолько практического подхода к

созданию городов, поэтому в большинстве случаев ряд проблем решался в процессе непосредственного строительства.

Однако инновационные идеи, улучшение экономического состояния. повышение уровня культурного просвещения населения, а также утверждение позиции страны в числе мировых держав явились катализатором к усиленной работе всех заинтересованных граждан над созданием и развитием новых теоретических принципов архитектуры, способных на практике улучшить возведение современных городов.

Были применены функционально новые подходы к

Фреска на стене девятиэтажного дома по улице Магистральной, дом 17, корпус 4, 1973 год постройки. Июнь 2020 года.

Реставрированный торец девятиэтажного дома по улице Магистральной, дом 15, корпус 7. Июнь 2020 года.

зонированию городской среды с равномерным распределением жилой застройки и мест с общественной функцией, которые были отделены санитарно-защитными зелёными насаждениями от промышленных зон.

После создания оформленной практики социалистического градостроительства наиболее выраженными чертами новых городов Дальнего Востока стали следующие: комплексная застройка жилых районов, сохранение лесопарковых зон с исходной флорой и фауной, равномерная сеть зданий культурно-бытового значения.

Роль Дома культуры в структуре советского города

Особое внимание уделялось формированию городских площадей. Исторически представляя из себя пространство, где сосредотачиваются большие массы людей и транспорта, площадь в понимании нового социалистического города должна была стать местом с идейно-просветительской функцией. Обязательным сооружением, формирующим архитектурный ансамбль советской площади, выступал Дом культуры — место, которое являлось центром культурной жизни города.

Так, на примере Комсомольска-на-Амуре можно проследить, что расположение домов культуры было равномерным, то есть каждый из районов в равной степени обладал собственным общественным центром, где проводились различные мероприятия.

В типологии домов культуры можно выделить два основных архитектурных стиля: палладианство и конструктивизм.

Палладианство как архитектурный стиль было очень близко к государственной идее советского уклада жизни. Завершённость планировки, целостность образа и ясность форм — основные черты данного стиля. Нельзя утверждать, что ранняя архитектура советского периода являлась полным отражением палладианской, однако именно этот стиль оказал огромное влияние на советских архитекторов.

Несмотря на то что Комсомольск-на-Амуре находится в одном из более отдалённых регионов страны, ранние постройки выполнены в том же стиле, что и здания Санкт-Петербурга и Москвы. Применение одних и тех же стилистических приёмов объединяло настолько отдалённые и, казалось бы, настолько разные по статусу города. Это формировало единую культурную базу, создавая связь с многовековыми традициями европейской архитектуры.

Так, первоначально здание ДК ЗЛК¹ представляло из себя явный пример советского неоклассицизма начала 1940-х годов. Достаточно небольшой объём здания был оформлен

тремя арочными порталами на главном фасаде, карнизом по всему периметру, а также статуями, расположенными около главного входа.

Позднее, с 1950-х до начала 1960-х годов, было принято решение упростить фасад здания, убрав статуи, балконы и лепнины, а также расширить сооружение, пристроив два крыла, и переосмыслить центральную часть здания. Таким

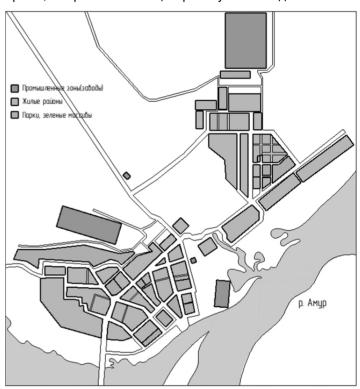

Схема функционального зонирования городской среды г. Комсомольска-на-Амуре (автор — А. А. Гонтарская).

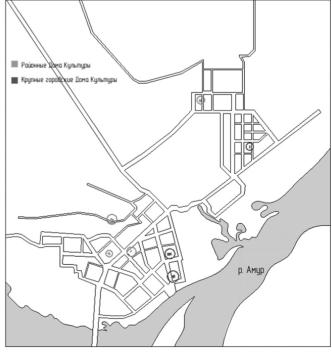

Схема расположения домов культуры в г. Комсомольске-на-Амуре (автор — А. А. Гонтарская).

¹ Дворец культуры и спорта «Судостроитель» завода им. Ленинского комсомола.

образом, реконструкция, проведённая в начале 1960-х, сформировала внешний вид Дома культуры, сохранившийся по сей день.

Архитектурное решение перестроенного Дома культуры полностью отличалось от первоначального концепта. Фасад был выполнен из бетонных плит и расчленён крупными рядами окон. После реконструкции здание стало соответствовать архитектурным канонам советского монументализма. Несмотря на то что при отделке Дома культуры использовались достаточно массивные и плотные материалы, здание воспринимается не грузно, а скорее возвышенно благодаря простоте и ясности форм. По функциональной составляющей Дом культуры также претерпел изменения. Полезная площадь здания была значительно увеличена, и теперь ДК мог вмещать не только актовый зал, костюмерные и вспомогательные помещения, но и библиотеку, спортзал, бассейн, кафетерий и многочисленные помещения творческих объединений.

На данный момент здание, которое являлось одним из наиболее крупных культурных центров во всём городе, пребывает в упадке. Наибольшая часть помещений, где раньше работали творческие объединения, не функционирует, третий этаж полностью закрыт для рядового посетителя, собрания одной из крупных библиотек города были распроданы или безвозвратно утеряны, а пожар, случившийся в 2003 году, полностью уничтожил Красный зал, декорации и костюмы. Над той частью здания, где произошло возгорание, обвалилась крыша, не отремонтированная и по сей день.

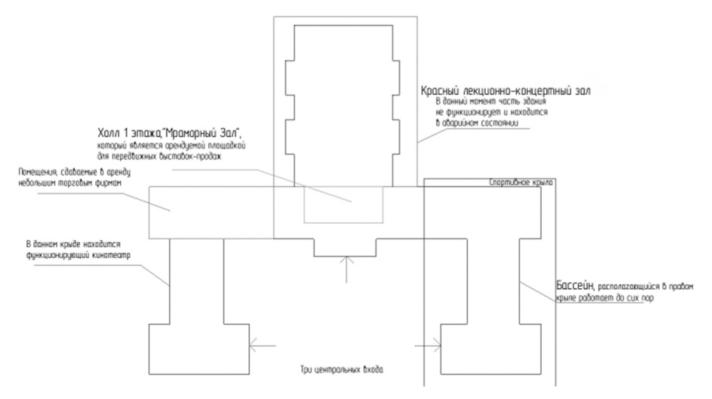
С каждым годом состояние Дома культуры становится всё хуже и хуже. Нынешних владельцев здания не интересует его сохранение в приемлемом виде, не проводится никаких консервирующих мероприятий, отделка фасада подвергается поражению плесенью и грибком. Это создаёт угрозу для жизни людей, так как приводит к разрушению материала стены и, соответственно, к его осыпанию и откалыванию.

Реконструкция домов культуры

Проблематика сохранения домов культуры (ДК) как одних из наиболее важных объектов городской среды поднимается на государственном уровне уже не первый год. Так, с 2016 года по программе федерального проекта «Культурная среда» был составлен план бюджетного финансирования ремонта и переоснащения ДК, и уже отреставрировано свыше полутора тысяч домов культуры. Однако, как отмечают многие специалисты, ремонт был произведён только косметический, без привлечения архитекторов и экспертов данной сферы.

Так, чтобы реализовать государственный проект в сотрудничестве с квалифицированными архитекторами, команда бюро VISOTA architects, во главе с архитекторами Алексеем Боевым и Дарьей Наугольновой, выпускниками Воронежского архитектурного университета, создала свою уникальную программу «Идентичность в типовом».

Концепция данного проекта преследует цель реновации домов культуры как инструмента идентичности для создания запоминающейся городской среды. Правильный

Планировочная схема ДК ЗЛК (автор — А. А. Гонтарская).

подход к восстановлению зданий, учёт всех исторических факторов, повлиявших на создание внешнего облика Дома культуры, способны выявить неповторимый эстетический образ и пробудить ностальгические настроения, которые в наибольшей степени могут заинтересовать зрителя.

В последнее время всё большее внимание направлено на сохранение архитектурного советского наследия: в фильмах и сериалах сохранившиеся памятники культуры способны воссоздать атмосферу, царившую в то время; в художественных фотографиях ясные архитектурные формы советского монументализма, конструктивизма и сталинского ампира задают определённый, ни с чем не сравнимый эстетический образ; в повседневной жизни мощные объёмы зданий напоминают многим жителям страны об ушедших днях когда-то сильной державы.

Таким образом, восстановление внешнего облика здания, а именно, то, каким оно было с 60-х годов прошлого века, является одной из главных задач при реконструкции ДК ЗЛК. Акцентирование на историческом аспекте при восстановлении фасада поможет создать запоминающийся образ и, как следствие, привлечь большее количество потенциальных посетителей.

Возрождение работы домов культуры, особенно в таком небольшом городе, как Комсомольск-на-Амуре, способно создать фундамент для культивации и развития творческих организаций. Сейчас редко можно встретить муниципальные творческие объединения, в которых преподавание той или иной дисциплины велось бы на достойном уровне. Однако при правильном и планомерном подходе различные студии, работающие на базе Дома культуры, будут способны не только выполнять функцию качественного образования и просвещения, но также приносить экономическую прибыль в бюджет города.

Прежде всего к первым изменениям, которые стоит внести, относится перепрофилирование существующей политики Дома культуры. В данный момент ДК ЗЛК выполняет функции торговой площадки для малых компаний, выставочного зала для передвижных выставок-продаж, кинотеатра, а также предоставляет помещения для размещения бассейна. То есть здание не выполняет своей первоначальной функции — культурное образование людей.

В долгосрочной перспективе, после проведения всех необходимых реставрационных и восстановительных работ, для создания современного культурного пространства будет необходимо сделать Дом культуры многофункциональным. Под данным понятием подразумевается выявление наиболее интересных видов деятельности для всех групп населения и, исходя из этого, создание современного трансформируемого пространства с использованием «умной мебели» — такого пространства, которое было бы способно

меняться под различные мероприятия без дополнительных денежных затрат.

Правильно спроектированное динамичное пространство будет актуально для будущих поколений, а использование современных технологий заметно упростит реализацию проекта и сделает Дом культуры наиболее интересным в своём наполнении. Одним из ярких современных примеров реконструированного Дома культуры является здание учреждения культуры города Казани «Культурный центр "Сайдаш"».

На примере проведённой реконструкции этого объекта можно увидеть, что необходимо учитывать современные требования для создания доступной среды. Предоставление возможности для передвижения людей с ограниченными возможностями здоровья являлось одним из наиболее важных аспектов при проектировании внутреннего пространства. Стены и лестничные марши оборудованы специализированными поручнями, а в качестве облицовочного слоя стен использовались материалы с различными структурами. В интерьере предпочтение отдано контрастным цветам, чтобы избежать затруднения в ориентации в пространстве у людей со слабым зрением.

Собственный сайт (создание которого необходимо) нового культурного центра будет способен заинтересовать широкие массы посетителей и привлечь потенциальных инвесторов, а также станет удобной площадкой для общения людей с руководством ДК, на которой бы жители города могли вносить свои предложения и идеи для улучшения его работы. Образцовым примером создания подобного интернет-портала можно считать сайт, работающий на базе ДК «Сайдаш».

Как отмечает в своей статье «Исторические территории. Нормативные и ненормативные подходы к обновлению (Hard&Soft)» кандидат архитектуры, доцент Высшей школы урбанистики имени А. А. Высоковского Виталий Стадников, решением проблемы реконструкции и возобновления работы ДК ЗЛК в Комсомольске-на-Амуре будет совместное взаимодействие администрации города с частными инвесторами. Привлечение дополнительных средств должно положительно сказаться на времени восстановительного процесса здания.

Важно упомянуть и о том, что с экономической точки зрения реализация проекта обновления ДК будет более чем убыточной в первые годы и будет требовать огромных затрат. Однако при стабильной работе и правильном бизнес-плане деятельность Дома культуры будет приносить ощутимый доход в бюджет города через некоторое время.

К тому же работающий Дом культуры будет способен решить проблему трудозанятости населения, обеспечив в том числе и выпускников Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, которым с каждым годом всё труднее найти работу в городе по специальности.

Таким образом, реконструкция исторических зданий — важный этап при создании комфортной городской среды.

Сохранение исторических построек с внедрением современных технологий позволит создать неповторимый образ города, не искажая его культурное наследие, а обогащая и дополняя его.

Список использованных источников

- 1. Алабян, К. С. Задачи советской архитектуры : [доклад К. С. Алабяна на I Всес. съезде совет. архитекторов]. Москва : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1937. 32 с.
- 2. Барабошина, Н.В. Малые города России: как остаться в истории / Н.В. Барабошина. Текст: электронный // Ярослав. пед. вестн. 2012. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/malye-goroda-rossii-kak-ostatsya-v-istorii (дата обращения: 06.01.2021).
- 3. Важенина, И. С. Имидж, репутация и бренд территории / И. С. Важенина, С. Г. Важенин. Текст: электронный // ЭКО. 2008. № 8 (410). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-reputatsiya-i-brend-territorii (дата обращения: 06.01.2021).
- Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. — Текст: электронный // Демоскоп Weekly / Ин-т демографии им. А. Г. Вишневского Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». — URL: http:// www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php/ (дата обращения: 05.01.2021).
- 5. Два периода в истории одного дворца. Текст: электронный // БегФормата. Комсомольск-на-Амуре, 11 янв. 2019 г. URL: https://komsomolsknaamure.bezformata.com/listnews/perioda-v-istorii-odnogo-dvortca/12958927/ (дата обращения: 21.10.2020).
- 6. Мылова, Ю. А. Реновация ландшафтной инфраструктуры промышленного города (на примере Комсомольска-на-Амуре) / Ю. А. Мылова. Текст: электронный // Архитектон: изв. вузов. 2018. № 2 (62). URL: http://archvuz.ru/2018_2/8.
- 7. Мылова, Ю. А. Эволюция планировочной структуры советского промышленного города (на примере г. Комсомольска-на-Амуре) / Ю. А. Мылова. Текст: электронный // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. 2016. № 1 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-planirovochnoy-struktury-sovetskogo-promyshlennogo-goroda-na-primere-g-komsomolska-na-amure (дата обращения: 06.01.2021).

- 8. Петухова, Е., Чирков, А. Формируя культурную среду [Электронный ресурс] / Е. Петухова, А. Чирков. Текст: электронный // Архи.ру. Россия, 15.12.2020. URL: https://archi.ru/russia/88275/formiruya-kulturnuyu-sredu?fbclid=lw AR1D3KG7ziJYj_3gRmVXGHfO_rhCQpzBz8zcVuF3KyGt_DwvVDccMZIO_QM.
- 9. Российский статистический ежегодник. 2004 год: стат. сб. / Росстат. Москва, 2005. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b04_13/Main.htm (дата обращения: 11.05.2022). Текст: электронный.
- 10. Скалкин, А. А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования / А. А. Скалкин. Текст: электронный // Architecture and Modern Information Technologies (AMIT). 2018. № 2 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnaya-identichnost-goroda-ponyatie-i-metodologiya-issledovaniya (дата обращения: 08.01.2020).
- 11. Стадников, В. Э. Исторические территории. Нормативные и ненормативные подходы к обновлению (Hard & Soft) / В. Э. Стадников. Текст: электронный //Архитектон: изв. вузов. 2019. № 2 (66). URL: http://archvuz.ru/2019 2/13/.
- 12. Стариков, А. А. Архитектурно-градостроительные проблемы пространственного развития городов России / А. А. Стариков. Текст: электронный // Архитектон: изв. вузов. 2018. № 2 (62). URL: http://archvuz.ru/2018_2/7.
- 13. Численность населения городов и посёлков городского типа по федеральным округам и субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 года / Федеральная служба государственной статистики // Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. Москва, 2020. Табл. 20.
- 14. Шерстобитова, С. Больше половины жителей Комсомольска готовы покинуть город навсегда результаты опроса ВЦИОМ / С. Шерстобитова. Текст: электронный // DVHAB.RU/Hовости, 18.07.2018. URL: https://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2018/07/18/85720/ (дата обращения: 05.10.2020).

Фотографии и иллюстрации предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 25.04.2022.

Сведения об авторах:

Гонтарская Анастасия Александровна, бакалавр Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: rimmes.broose.99@gmail.com.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.

РУКОПИСЬ А. В. ПОТАНИНОЙ О СТРАНСТВИЯХ ПО УРЯНХАЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

В статье представлены результаты исследования рукописи путешественницы А. В. Потаниной, написанной ею во время Второй монгольской экспедиции Русского географического общества (1879–1880 гг.). В рукописи описано странствие по Урянхайской земле (Туве) осенью 1879 года.

Ключевые слова: рукописные документы, Потанина Александра Викторовна, Потанин Григорий Николаевич, Вторая монгольская экспедиция, путешествия, урянхайцы, Тува.

Keywords: hand-written documents, Potanina Aleksandra Viktorovna, Potanin Grigorij Nikolaevich, Second Mongol expedition, travel, Uriankhai, Tuva.

иколаевская публичная библиотека на протяжении многих лет собирала письма, записки, рукописные документы известных людей для пополнения своей коллекции «Автографы», созданной ещё в 1895—1896 годах Николаем Ивановичем Гродековым. Директора библиотеки в разные годы обращались либо к самим политикам, писателям, учёным с просьбой прислать автограф для коллекции, либо к их родственникам.

31 января 1899 года в газете «Приамурские ведомости» была опубликована следующая заметка: «Коллекция автографов Николаевской публичной библиотеки обогатилась автографом А. В. Потаниной, известной путешественницы и неразлучной, до гробовой доски, спутницы своего мужа, Гр. Ник. Потанина, известного путешественника и исследователя Монголии. Рукопись в 3 1/2 листа прислана в дар библиотеке, по просьбе ее, Гр. Ник. Потаниным и представляет пробные наброски Александры Викторовны об Уран-

Abmorpacht A. B. Womaninon. Office chan Bole Shiosoony engleweed est for the function Monancourses; na nome ferin woodepens na notypear Holubaye граничи мерту нашими сибирения пу веринимомской Ементекой Ирку техан и отгасти Забайкамый и мербу монгона негоругой, порта стороны. Карода уранований говорить партисия таторого-турку како муних учть поинрадний настаннуть паш. от вытогого систи томской Туберий Сконово пибува побробного описания spreneroungels rangemes noms go cours, who rusno nesocismies rammen o muis h ramicrous Reprusuna Robunosaro " Es amacune berapmabuence uces to beens chours nongrous to nourouino. Haus hobjeus namero nephaio ny memembers to seouro тить писточно перапоговон уражили miden name in nacion refundo ami wix npocuabecensus whoem yhumany

Надпись на рукописи А.В.Потаниной, сделанная директором Николаевской публичной библиотеки В.В.Перфильевым.

хайской земле и ее обитателях, уранхайцах, живущих вдоль нашей границы между губерниями Томской, Енисейской, Иркутской и, отчасти, Забайкальской и между монгольскими айманами с другой, южной стороны» [2].

Эта рукопись А. В. Потаниной и сегодня хранится в коллекции «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ). На ней имеется надпись чернилами: «Автограф А. В. Потаниной. Прислан в библиотеку мужем ея, Гр. Н. Потаниным; получен 16 Января 1899 года. Дир. Библ. В. Перфильев». Таким образом рукопись попала в коллекцию «Автографы» Николаевской публичной библиотеки в январе 1899 года, через шесть лет после смерти известной путешественницы и исследовательницы Центральной Азии.

Александра Викторовна Потанина (в девичестве Лаврская) родилась в 1843 году в городе Горбатове Нижегородской губернии. Отец её был священником и преподавал в Нижегородской духовной семинарии. Под руководством матери и старшего брата она получила домашнее образование. С 1866 года Александра Викторовна работала воспитательницей в женском епархиальном училище. Её младший брат Константин был юристом и журналистом. В 1872 году он учредил в Казани «Камско-Волжскую газету», на страницах которой смело освещалось положение крестьян и рабочих. В сентябре 1872 года за свою революционную деятельность Константин Лаврский был отправлен в административную ссылку в Никольск Вологодской губернии. В конце 1872 года туда же приехал на поселение после отбытия наказания Григорий Николаевич Потанин (1835-1920 гг.), известный учёный и путешественник. Путешествовать Григорий Николаевич начал ещё в 1863 году. Он в составе экспедиции К. В. Струве дошёл до устья реки Кокбекты, впадающей в озеро Зайсан, в 1864 году отправился к подножию Тарбагатая, но его исследовательская деятельность была прервана арестом. В 1865 году он был обвинён в создании «Общества независимости Сибири» и был приговорён к пяти годам каторги. Сначала он отбывал наказание в крепости Свеаборг, затем был переведён в Тотьму. После отбытия наказания он был выслан в Никольск [3].

В 1872 году Александра Викторовна приехала в Никольск навестить брата Константина и познакомилась там с Григорием Потаниным. Это знакомство, как отмечали современники, положительно сказалось на девушке: «...её живой ум нашёл себе ценителя и верного спутника, энергия возрастала с каждым шагом вперёд, и её душевные и нравственные силы развились во всей их полноте». Она стала изучать французский и английский языки, устраняла пробелы в своём образовании, и через некоторое время люди, общавшиеся с ней, удивлялись запасом её знаний, «не совсем обыкновенных для девицы, получившей только домашнее образование» [6, с. XIX].

В 1874 году по ходатайству Русского географического общества Потанина амнистировали. Григорий Николаевич и Александра Викторовна поженились и переехали в Санкт-Петербург. Со времени замужества практически вся жизнь А. В. Потаниной прошла в путешествиях.

Портрет А. В. Потаниной.

Один из друзей семьи так описывал Александру Викторовну: «Это была скромная, застенчивая женщина, высокая сухощавая блондинка с подстриженными волосами и тонким певучим голосом. Одевалась очень скромно и просто. Лицо её носило печать серьёзной и интеллигентной женщины. В обществе она была молчали-

ва, но отличалась тонкой наблюдательностью — качество, оказавшееся весьма ценным для путешественницы. Её мнения и суждения были очень сдержанны, но метки и отличались тонким остроумием... Она разделяла все планы и стремления Григория Николаевича и участвовала в его духовной жизни» [6, с. XX].

В 1876 году Русское географическое общество организовало экспедицию в Северо-Западную Монголию, начальником которой был назначен Григорий Потанин. Александра Викторовна отправилась вместе с мужем в это непростое путешествие в качестве этнографа.

В 1879 году Потанины отправились во Вторую монгольскую экспедицию. Именно это путешествие и описано в рукописи, хранящейся в ДВГНБ. Экспедиция была организована на средства Русского географического общества и сибирского купца Ивана Фёдоровича Каменского [5, с. VIII].

В состав экспедиции также вошли студент Александр Адрианов (в качестве фотографа)¹, который впоследствии стал известным этнографом, археологом и ботаником, переводчик монгольского языка солдат бийской команды В. А. Палкин и переводчик урянхайского и алтайского язы-

ков телеут Иван Чевалков, помогавший записывать тексты алтайских и урянхайских сказаний. Позже к ним присоединились офицер-топограф П. Д. Орлов с помощником и два казака, знающих монгольский язык. Экспедиция вышла из Бийска в апреле 1879 года, прошла по Монголии и Туве и завершилась в ноябре 1880 года в Иркутске [5, с. 1].

В сентябре 1879 года экспедиция находилась на оз. Убса, оттуда исследователи должны были вернуться в Россию и по дороге исследовать страну урянхов. До начала XX века урянхайцами, или урянхами, русские называли тувинцев, а Урянхайским краем — Туву.

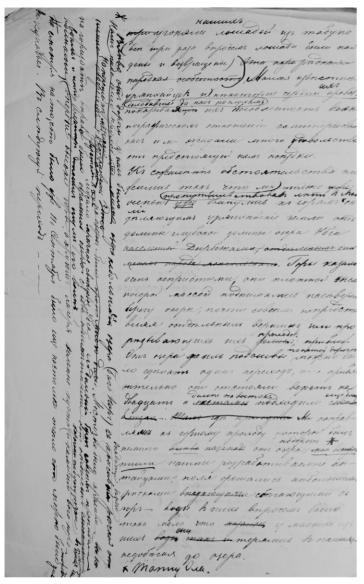
А. В. Потанина начинает свою рукопись такими словами: «Урянханские земли лежат приблизительно на протяжении 2 000 верст на границе между нашими сибирскими губерниями Томской, Енисейской, Иркутской и отчасти Забайкальской областью и между монгольскими аймаками с другой, южной стороны»². Также она отмечает, что подробного описания этого народа и его земель до неё никто не составлял.

В 1881-1883 годах в четырёх выпусках был издан труд Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии», описывающий в том числе и это путешествие. Во втором выпуске автор даёт небольшое описание мест, где жили урянхайцы: «...это племя занимает узкую полосу вдоль нашей государственной границы от вершины р. Кобдо на западе до Косогола и далее... Мне не удалось много видеть этот народ. Он обитает к северу от хребта Танну-ола (или Тангну-ола); на южном же склоне этого хребта Урянхайцам принадлежит только узкая полоса не более как в 30 или 40 верст шириной, между гребнем этого хребта и линией монгольских караулов. К югу от линии караулов Урянхайцы живут только в двух местах: 1) при северной подошве хребта Хан-хухэй, по долине р. Нарын-сумын, и 2) в вершинах р. Кобдо (так называемые Кокчулутун). Название Урянха придают этому народу Монголы, сами же они зовут себя Туба или Тува» [4, с. 7].

Во время путешествия Александра Потанина делала наброски для будущего очерка, который вышел только в 1891 году в «Сибирском сборнике» под названием «Из странствия по Урянхайской земле». В ДВГНБ имеется лишь начало первой главы этой работы. Остальная часть рукописи находится, вероятно, в научной библиотеке Томского государственного университета, где с 1920 года хранится архив Г. Н. Потанина, в составе которого есть рукописи, путевые дневники, рисунки, черновики статей и другие материалы А. В. Потаниной [1]. Текст рукописи написан на шести листах чернилами, на бумаге размером 36х22,5 см. Александра Викторовна оставляла широкие поля, на которых писала дополнительную информацию поперёк страницы.

¹ В ДВГНБ хранится фотоальбом «Виды и типы Северо-Западной Монголии». Снимки были выполнены во время этой экспедиции А. Адриановым. В нём есть фотографии алтайцев, урянхайцев — лам, кам (шаманов) и простых людей, но, к сожалению, нет ни одной фотографии участников экспедиции. Для съёмок был специально приобретён фотоаппарат «Варнерке».

² Здесь и далее сохранена грамматика рукописи.

Записи А. В. Потаниной на полях поперёк страницы.

Тексты рукописи и напечатанного впоследствии очерка местами значительно отличаются. В рукописи есть описания, не вошедшие в очерк. Очерк же, в свою очередь, дополнен сведениями, которых не было в рукописи. Например, в очерке А. В. Потанина лишь упоминает проводника-писаря, чьё присутствие защищало членов экспедиции от нападений местных жителей, в рукописи же она подробно описывает обстоятельства его появления: «С нами пока не было настоящего проводника и мы шли по дороге, которой ездят за солью на реку Торхолик. В вершинах этой реки и был по уверению туземцев более других удобный перевал через Танну-Ола. К счастью нам на встречу выехал писарь с караульной линии, которую содержит здесь китайское правительство. Писарь этот приехал за солью и, узнав что мы стоим неподалеку, приехал к нам в лагерь. По обычаю всех писарей он не преминул нам поставить на вид все трудности, которые нас ожидают при вступлении в землю урянхайцев и в конце концов намекнул что он великодушно берет на себя проводить нас до караула, намекал что конечно мы не останемся не благодарны. Мы были очень довольны этим его предложением». Далее Потанина знакомит читателя с его необычным для европейского человека костюмом: «Я боюсь что в вашем воображении при слове писарь нарисуется не совсем верная действительности картина. Этот Бичечи (писарь) был старик монгол в огромном малахае с собольей опушкой в котором его лицо пропадало как в французском парике времен Людовика XV. В знак его писарского звания верхушка малахая была украшена синим стеклянным шариком. Длинный халат и огромные круглоносые сапоги на толстых кошемных подошвах довершали его наряд».

Дойдя до китайского пикета, писарь вызвался ехать с экспедицией и дальше. Путешественники, вспоминая свои прежние столкновения с урянхайскими ворами, с удовольствием согласились оставаться и далее «под высоким покровительством человека, имеющим на шапке шарик».

Что касается урянхайских воров, то Потанина упоминает о них несколько раз, в том числе в самом начале рукописи: «Нам во время нашего первого путешествия в Монголию тоже привелось встретить только несколько кочевок урянхайских и выслушать очень много рассказов о воровстве производимых урянхайцами (оба раза когда мы подходили близко к их землям нам и на себе приходилось испытать их прославленную воровскую ловкость — урянхайцы три раза угоняли наших лошадей из табуна (все три раза впрочем лошади были найдены и возвращены)».

У урянхайцев воровство, особенно конокрадство, считалось удалью, а на выборные должности нередко назначался известный конокрад.

В конце очерка Потанина отмечает, что китайское правительство активно боролось с воровством урянхайцев, накладывая тяжёлые контрибуции, отгораживая свои владения военными пикетами и запрещая им переходить в пределы Монголии.

Также в рукописи есть упоминание о волках, обитающих в урянхайских землях. Местные жители очень жаловались на них путешественникам, а однажды и в самом лагере среди белого дня волк схватил одного барана, но не успел утащить, так как рабочие увидели его и отогнали. Этих сведений в очерке нет.

Во время экспедиции путешественники несколько раз встречали караваны урянхайцев. Одну из таких встреч А. В. Потанина описала в очерке: «В тот же день мимо нас прошел большой караван урянхайцев возвращавшихся с своих пашен. Быки были нагружены мешками с просом; женщины ехали на быках или коровах, а большая часть

мужчин — на лошадях. Лица урянхайцев были красивее монгольских, несколько татарского типа; черные живые глаза и черные же усы даже стариков делали красивыми, а между молодежью встречались настоящие красавцы. На головах у женщин были пунцовые шерстяные капюшоны, в роде тех, что носят наши монахини под клубуком. По краям и вокруг лица этот головной убор был у всех вышит белыми бусами. Шубы на женщинах были длинные, овчинные, у некоторых крытые синей нанкой; фасон женских шуб напоминал рубаху наших татарок: книзу шуба оканчивалась широкой оборкой, окаймленной полосой красного ситца или черного плиса. Кавалькада эта, завидев наш лагерь, спешилась и окружила нас, вышедших из палаток посмотреть на них».

В очерке на этом описание встречи с урянхайцами заканчивается. В рукописи же есть продолжение о том, что «...алтаец, входивший в состав экспедиции, попытался служить переводчиком, но оказалось, что, несмотря на большое сходство языков, они друг друга не понимали». Женщины с большим любопытством рассматривали А. В. Потанину, её костюм. Она подарила им несколько толстых иголок. Затем старик, глава этого общества, распорядился двигаться дальше. Александра Викторовна при этом заметила одну особенность, не встречавшуюся ей в Монголии, — молодые женщины помогали сесть верхом старым, а молодым в свою очередь помогали садиться мужчины. Эта черта вежливости «у дикарей» ей очень понравилась.

На следующий день, пройдя через перевал Торхолик, экспедиция оказалась в каком-то шаманском центре. При входе в ущелье они увидели огромное обо³. Оно не было похоже на другие — вместо кучи камней и хвороста там были брёвна, поставленные конусом. Обо представляло собой урянхайский шалаш, используемый звероловами. Внутри был прилавок, на котором стояли вырезанные из дерева фигурки животных. В очерке А. В. Потанина объясняет, что фигурки верблюдов, коней и быков изображали животных, будто бы принесённых в жертву, — урянхайцы кровавых жертв не приносили. В рукописи этого объяснения нет, но есть другое дополнение: «...по словам писаря, это место было очень священно, и в окрестностях можно было насчитать около десятка юрт шаманов».

Рукопись заканчивается описанием вечерней встречи с двумя урянхайцами. Подойдя к лагерю, молодые люди

сказали, что направляются в Монголию. А. В. Потанину уди-

Далее, в первой главе очерка, А. В. Потанина описывает свою встречу с шаманами, с русскими жителями Тувы, визит к урянхайскому чиновнику. Во второй главе — трудности путешествия из-за выпавшего снега и начавшихся морозов, ночёвки на снегу под открытым небом, короткий отдых у русского купца. В конце главы она подводит итог путешествия, длившегося больше двух месяцев и закончившегося 22 ноября 1879 года.

В экспедиции Александра Потанина занималась как традиционной женской работой (стирала бельё, распоряжалась хозяйственными и финансовыми делами), так и научными трудами (вела метеорологические наблюдения, собирала растения и окаменелости, изучала местные обычаи).

В Китае местные жители называли её сиянской («заморской») женщиной, «женщиной заморских чертей». Туземцы с большой осторожностью относились к европейским путешественникам, но, узнав, что с ними женщина, становились более доверчивыми и открытыми, убеждались, что к ним пришли с миром [1].

За свою исследовательскую деятельность и научные труды А. В. Потанина была принята в члены Русского географического общества, а за труд «Буряты» она первой из женщин была удостоена высшей награды РГО — золотой медали.

вило, с каким вниманием они рассматривали её и мужа их глаза бегали по фигурам с поразительной быстротой и напоминали взгляды пойманных зверей. Привлекли её и их костюмы, которые были сделаны из звериных шкур: «Куртка из шкуры дикого козла уже с выношенным мехом и такие же штаны. Последние, впрочем, едва заслуживали этого названия так они были малы, сапоги из такой же шкуры мехом внутрь были привязаны голенищами за ремень поддерживающий штаны, отчего они постоянно сползали книзу». Удивительным было и то, что у молодых людей, путешествовавших пешком, в руках были ногайки. Писарь объяснил путешественникам, что это конокрады. Весь лагерь был обеспокоен этим сообщением — все боялись за своих лошадей и были начеку. Рабочие монголы вели себя очень любезно с молодыми людьми, накормили их ужином и даже пригласили переночевать на своих войлоках и прикрыться одной с ними кошмой для того, чтобы лучше наблюдать за их поведением. В этот раз дипломатия удалась, и урянхайцы мирно ушли утром.

³ Обо — культовые места в культуре монголов, бурят, тувинцев и других тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Они представляют собой кучи из камней или деревья, украшенные ленточками и флажками, располагаются у дорог, на горных перевалах, у озёр, на берегах рек.

Список использованных источников

- 1. Васильев, А. В. «Женщина заморских чертей»: А. В. Потанина и её рукописи / А. В. Васильев. Текст: электронный // Научная библиотека Томского государственного университета: офиц. сайт. Томск, 2017. URL: https://lib.tsu.ru/ru/zhenshchinazamorskih-chertey-av-potanina-i-ee-rukopisi-1 (дата обращения: 25.01.2022).
- 2. [Коллекция автографов] // Приамур. ведомости. 1899. № 266. С. 10.
- 3. Ладыгина, О. Аленький цветочек по-азиатски: сказания из экспедиций Григория Потанина / О. Ладыгина. Текст: электронный // Русское географическое общество: офиц. сайт. [Москва; Санкт-Петербург], 2020. URL: https://www.rgo.ru/ru/article/
- alenkiy-cvetochek-po-aziatski-skazaniya-iz-ekspediciy-grigoriyapotanina (дата обращения: 25.01.2022).
- 4. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2 / Г. Н. Потанин. Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1881. [8], 90, XXVI с.
- 5. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 3 / Г. Н. Потанин. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и Комп., 1881. X, 372, IV таб., к.
- 6. Потанина, А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю: c6. cт. / А. В. Потанина. Москва: тип. Елизаветы Гербек, 1895. [8], XLII, 296, V таб.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 27.01.2022.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

КУЛЬТУРА ЯПОНИИ В ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ (по фотоальбомам Дальневосточной государственной научной библиотеки)

Объект исследования данной статьи — японская фотография конца XIX века. Автор приводит сведения из истории фотодела в Японии. На примере фотодокументов, хранящихся в Центре консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск), описываются основные особенности японских фотографий.

Ключевые слова: японская фотография конца XIX века, раскрашенная фотография, культура Японии, история японской фотографии, фотоальбом.

Keywords: Japanese photography of the late XIX century, hand-coloured photo, Japanese culture, history of japanese photography, photo album.

понские фотоальбомы конца XIX века поражают своей красотой. Изящные лаковые переплёты и раскрашенные снимки притягивают взгляд. Неслучайно чуть более ста лет назад эти фотоальбомы завоевали огромную популярность у европейских туристов. Они свободно продавались в крупных городах Японии, как и другие сувениры: веера, фарфор, гравюры, лаковые изделия. Сейчас японские фотоальбомы хранятся в музеях, библиотеках и частных коллекциях по всему миру, представляя собой ценные артефакты культуры. Среди крупнейших учреждений, в фондах которых есть фотографии Японии конца XIX века, можно выделить библиотеку и музей при Гарвардском университете, Нью-Йоркскую публичную библиотеку, Государственный Эрмитаж, «Мультимедиа Арт Музей», Музейно-выставочный центр «РОСФОТО» и другие. Небольшая коллекция японских сувенирных фотоальбомов хранится в Центре консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ) в Хабаровске.

В научных учреждениях ведётся работа по популяризации японских раскрашенных фотоснимков. В музеях и библиотеках проходят выставки, создаются виртуальные коллекции. Писатели используют такие фотографии для иллюстрации и воплощения особого замысла издания своих произведений. Пример тому — книга переводчика и востоковеда Андрея Черкасенко «Ассоциации: хайку и японская фотография 1860-1890-х годов из коллекции МАММ». Стихи русского автора и японская фотография конца XIX века дополняют друг друга. Поэзия и визуальное искусство соседствуют на страницах издания. Альбом был выпущен в 2018 году, объявленном перекрёстным годом России и Японии. В предисловии к изданию говорится: «Книга Черкасенко, сталкивающая разные эпохи, поэзию и фотографию, демонстрирует, как современная культура существует в мультимедийном пространстве, апробируя и развивая исторические традиции» [9, с. 4]. Альбом, доступный для широкого круга читателей, способствует популяризации японской раскрашенной фотографии как артефакта культуры.

Работа по изучению и введению информации о японских фотоснимках в научный оборот сопряжена с рядом трудностей.

Первая особенность, которую необходимо учитывать при исследовании фотографий эпохи Мэйдзи¹, заключается

в том, что многие из них являются постановочными. Такие снимки нельзя рассматривать в качестве достоверного исторического источника. Прежде всего они были изготовлены как сувенирная продукция для туристов. Фотографы старались запечатлеть то, что будет интересно европейцу: красивых девушек в национальной одежде, самураев, бытовые сцены из жизни японцев и т. д. Очень часто сюжетные фотографии выполнялись в студиях. Фотографы воссоздавали внутренние виды торговых лавок, чайных домов, интерьеры комнат. Моделями для съёмки, как правило, выступали актёры и гейши. Но нельзя сказать, что японская фотография конца XIX века не имеет исторической ценности. Визуальные источники содержат информацию о культуре и традициях, отражают особенности фотодела в Японии, а множество видовых, пейзажных и архитектурных снимков достоверно передают внешний облик городов и достопримечательностей Страны восходящего солнца.

Ещё одной важной проблемой, с которой сталкивается исследователь в процессе изучения японских фотоснимков, становится сложность их атрибуции. Трудности вызывает установление авторства фотографий. Очень часто в описаниях к экспонатам виртуальных выставок, электронных ресурсов и книг встречается словосочетание «неизвестный автор». Объясняется это широко распространённой в XIX веке практикой перепродажи негативов. Когда одна студия приобретала негативы другой, она получала право делать с них отпечатки и включать в собственные фотоальбомы. Например, известно, что в 1877 году компания «Штиллфрид и Андерсен» приобрела негативы Феликса Беато, одного из первых фотографов Японии. После чего в этой студии стали печатать фотографии Беато и продавать их под именем «Штиллфрид и Андерсен». В 80-е годы XIX века право на печать с негативов Феликса Беато приобрёл Адольфо Фарсари, ещё один фотограф-иностранец, работавший в Японии. А позже такие же снимки стали появляться в альбомах других японских мастеров [10]. Сейчас точно атрибутировать подобные фотодокументы не представляется возможным.

Очень часто фотографии эпохи Мэйдзи вовсе не содержат информацию об авторах или студиях, в которых они были сделаны. Сравнение таких фотографий с аналогичными снимками в других коллекциях может помочь в их идентификации [10].

Кроме затруднений, связанных с атрибуцией фотографий, существует ещё одна важная проблема в исследовании этих визуальных источников. На сегодняшний день в российской науке вышло в свет немного работ, посвящённых японской фотографии конца XIX века. Недостаточная изученность темы русскими авторами вынуждает исследователя обращаться к источникам информации на иностранных языках.

¹ Эпоха Мэйдзи (1868—1912 гг.) — период в истории Японии, характеризующийся кардинальными переменами в её государственном и общественном строе. В это время был проведён ряд реформ, благодаря которым закрытая феодальная страна встала на путь модернизации. Своё название историческая эпоха получила в честь девиза правящего императора Муцухито. Слово «мэйдзи» в японском языке записывалось двумя иероглифами, один из которых означал «свет», а другой — «правление».

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что японские фотографии из коллекции ДВГНБ ранее не были описаны, они не изучались и не предпринимались попытки их атрибутировать. Основная цель этого исследования — раскрытие и популяризация фондов библиотеки для пользователей, а также введение в научный оборот информации о фотодокументах. Поэтому в работе будет кратко очерчена история фотодела в Японии и рассмотрены основные особенности японской фотографии на примере снимков, хранящихся в ДВГНБ.

История фотодела в Японии

История японской фотографии тесно связана с историей страны. Камера-обскура была привезена в Японию из Голландии в XVII веке [7, с. 40]. К тому времени ещё не были изобретены светочувствительные материалы, позволяющие закрепить изображение на бумаге. Камера-обскура использовалась японскими художниками для перерисовки различных объектов.

Первую фотокамеру привёз в Японию Уэно Тосинодзё в 1848 году [7, с. 42]. Однако самые ранние качественные снимки были сделаны в этой стране лишь спустя несколько лет. Объясняется такое медленное развитие фотодела политической обстановкой в Стране восходящего солнца.

Япония вплоть до середины XIX века была «закрыта» для иностранцев. Военное правительство, возглавляемое сёгунами из рода Токугава, вело в стране политику сакоку². Торговля осуществлялась только с Голландией и азиатскими странами. Этот период в истории Японии был назван периодом Эдо и продлился более двухсот лет.

Человеком, открывшим Японию для западной цивилизации, стал Мэтью Колбрайт Перри, военный и политический деятель Соединённых Штатов Америки. Он возглавил дипломатическую миссию, нацеленную на установление торговых отношений между США и Японией. В 1854 году «американская военная эскадра под командованием коммодора М. Перри силой заставила сёгунское правительство открыть двери страны и подписать первое неравноправное соглашение с западной державой» [1, с. 38], — замечает исследователь японской культуры и литературы В. Н. Горегляд. 31 марта 1854 года был подписан Канагавский договор — договор между двумя странами о мире и дружбе. Американцам было разрешено заходить в два японских порта — Хокадате и Симода — для совершения торговых операций. Также по договору японцы должны были благосклонно относиться к иностранцам, находящимся в стране. Этот документ изменил историю Японии, именно после его подписания была отменена политика изоляции и страна встала на путь модернизации.

Морские торговые отношения с другими странами способствовали быстрому развитию фотодела. Появление фотографии в Японии связано с деятельностью иностранцев. В составе американской дипломатической миссии под командованием Мэтью Перри был фотограф Элифалет Браун. Он одним из первых сфотографировал виды Японии. Примерно в это же время в страну прибыл русский офицер Александр Фёдорович Можайский вместе с экспедицией Е. В. Путятина на Дальний Восток. А. Ф. Можайский сделал много рисунков с пейзажами островов, а также несколько фотографий японцев.

Первые снимки Японии относятся к экспедиционной съёмке, в первую очередь фотографы стремились запечатлеть виды страны и внешний облик её жителей для научных целей. Главной задачей иностранцев было изучение островов. Создавать фотографии и сувенирные фотоальбомы на продажу стали позже, в конце 60-х годов XIX века.

Фотоделу японцы научились у иностранцев. Неудивительно, что жители страны, находившейся в изоляции, не знали особенностей и приёмов фотографирования. В книге «Новая история фотографии» под редакцией Мишеля Фризо находим такую информацию: «Один норвежец описал в "Новостях фотографии" (Photographic News) восхищение и недоумение японцев, которые рассматривали в 1859 году его фотографические виды, абсолютно не понимая перспективы»

[5, с. 164]. Свободно работать в Японии иностранцы смогли только в конце 1860-х годов, когда император Муцухито поддержал открытие и модернизацию страны.

Огромную роль в становлении фотодела в Японии сыграло развитие путей сообщения с другими странами. Суэцкий канал открыли для судоходства в 1869 году. Это повлияло на ми-

Неизвестный автор. Японский император Муцухито. 1890-е годы. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 17,5х12,6. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Токио, Матсушима, землетряс. Нагоя, Хризантемы. 1896 год» (№ 1954896).

ровую торговлю. Сократилось время перемещения из одной точки в другую. Регулярная навигация между Сан-Франциско и Иокогамой наладилась к 1867 году. Примерно в это же время началось активное строительство железных дорог внутри страны. Путеществия в Японию стали доступнее, что способствовало большому притоку туристов. Австрийский искусствовед Мио Вакита, чьи научные работы посвящены японской фотографии и японскому изобразительному искусству XIX века, отмечает: «Индустрия сувенирной фотографии в Японии была первоначально создана в середине девятнадцатого века западными фотографами в договорных портах, таких как Иокогама. Неяпонской аудитории мастера предлагали, казалось бы, "аутентичные" и достоверные картины, культивируя альтернативную культуру» [11, с. 77]. Изображения, которые создавались в качестве сувениров, отличались от обычных снимков местных фотографов как своей тематикой. так и способами создания визуального образа.

Первым выдающимся иностранным фотографом в Японии стал английский подданный итальянского происхождения Феликс (Феличе) Беато (1825—1907 гг.). Его считают отцом японской светописи. В начале своей карьеры Беато специализировался на военной фотографии. Он делал снимки с полей сражений Крымской войны (1853—1856 гг.), фотографировал события резни индийских повстанцев против Великобритании в 1858 году, путешествовал по Китаю, запечатлевая эпизоды военных конфликтов китайцев с британской армией. В 1863 году Феликс Беато приехал в Японию, а спустя два года он открыл студию в Иокогаме.

Считается, что Беато задокументировал последние годы феодальной Японии. Фотограф работал как раз в то время, когда общественно-экономический строй страны менялся. Происходил переход от традиционного общества к индустриальному. Благодаря снимкам Феликса Беато можно увидеть, как выглядели японцы, какую одежду они носили, каковы были основные занятия различных сословий до реставрации Мэйдзи. В 1868 году он издал два альбома: «Фотографические виды Японии» и «Национальные типы Японии». Феликс Беато работал со стеклянными негативами, с них изготавливались альбуминовые фотоотпечатки. Многие его фотографии были раскрашены вручную японскими колористами.

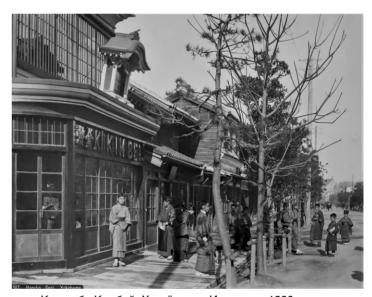
Фотограф не стремился подражать западной манере съёмки, а пытался передать в изображениях восточную эстетику. Студия Беато задала стандарты для японской сувенирной фотографии. Многие мастера светописи ориентировались на его опыт и создавали похожие образы в своих работах.

В 1877 году Феликс Беато продал своё дело австрийцу барону Раймунду фон Штилльфриду, а в 1884 году фотографическое ателье перешло к японцу Кусакабэ Кимбэю.

Вообще, среди самых известных иностранных фотографов, работавших в Японии и положивших начало японской фотографии, называют Феликса Беато, барона Раймунда фон Штилльфрида и Адольфо Фарсари. Из японских фотографов наибольшую известность получили Кусакабэ Кимбэй, Тамамура Кодзабуро, Огава Кадзумаса.

Наверное, самым популярным японским фотографом конца XIX – начала XX века стал Кусакабэ Кимбэй (1841–1934 гг.). Он был больше известен под своим именем — «Кимбэй». Этот факт объясняется тем, что фотограф в основном работал для иностранцев, не говоривших по-японски. Клиенты легче запоминали простое имя, чем трудную для восприятия фамилию.

В начале фотографической карьеры Кусакабэ Кимбэй работал в качестве ассистента и колориста в ателье Феликса Беато и Раймунда фон Штилльфрида. В 1881 году Кусакабэ открыл собственную студию в Иокогаме, в районе Бэнтэн-дори, а с 1889 года студия работала на улице Хонтё-дори.

Кусакабэ Кимбэй. Хонтё-дори, Иокогама. 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 20х25,6. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Порт Иокогама. 1896 год» (№ 3549821).

Знаменитый писатель Всеволод Владимирович Крестовский во время экспедиции (1880—1881 гг.), возглавляемой адмиралом С. С. Лесовским, побывал в Японии и записал в своих путевых заметках об улице Хонтё-дори следующее: «Тут встречается много лавок, где можно найти современные, а по случаю и древние вещи: разнообразные бронзы, инкрустации, резьбу из дерева, фарфор, лак, старинное оружие, разнородную утварь, акварельные картины в свитках, старинные характерные костюмы из дорогих материй, затканных шелками и золотом, и так далее. Тут же, между прочим, находится и чисто японская фотография, где, начиная с хозяина до последнего мальчика на побегушках, работают исключительно туземцы, и работают превосходно.

Произведения их отличаются своею чистотой, отчетливостью и очень приятным тоном; в особенности хороши пейзажи, слегка пройденные специально японскими, исключительно растительными красками вроде акварели. — это чрезвычайно нежная и изящная работа. В выставленных витринах этой фотографии красуется большой и весьма разнообразный выбор окрестных видов и всевозможных местных типцев, сцен домашнего обихода и уличной жизни, а также очень красивых головок японских мусуме (девушек) и знаменитых геек³. Все это сбывается почти исключительно европейским туристам, и дела фотографии идут отлично» [3, с. 456]. В Японии В. В. Крестовский побывал в 1881 году. Именно на 80-е – 90-е годы XIX века приходится расцвет моды на японскую сувенирную фотографию. Благодаря наблюдениям писателя современный человек может представить, как выглядел туристический квартал в Стране восходящего солнца и какое впечатление производила японская фотография на путешественника того времени. Также можно предположить, в какой обстановке работало фотографическое ателье Кусакабэ Кимбэя в Иокогаме.

Сначала в студиях Кусакабэ продавались снимки других фотографов. Анна Васильевна Савельева, заведующая сектором Дальнего Востока отдела Востока Государственного Эрмитажа, в статье «Фотографии Кусакабэ Кимбэй в собрании Государственного Эрмитажа» замечает: «Анализ его первых альбомов показывает, что сначала у Кусакабэ было не слишком много собственных снимков, поэтому он пользовался фотографиями своих предшественников, сделанными десятилетием раньше. Как видно даже на примере эрмитажных альбомов, он использовал негативы Утида Куити⁴, которые приобрел у его вдовы» [6, с. 57–58]. Со временем Кусакабэ Кимбэй пополнил портфолио. Он ездил по Японии и фотографировал многие популярные виды, улицы городов, достопримечательности. Его мастерство росло, а манера съёмки приобретала индивидуальность.

К 1893 году фотостудия Кимбэя стала одной из ведущих в Японии. В ней создавались, печатались и продавались фотографии для иностранных клиентов. Закончил карьеру фотографа Кусакабэ Кимбэй примерно к 1912 году.

В 80-х годах XIX века в Японии появилось множество фотосалонов, они все стремились удовлетворить спрос иностранцев на японскую фотографию. Только в одной Иокогаме к 1891 году насчитывалось 10 японских фотостудий, а к 1902 году их количество возросло до 15 [11, с. 84].

В начале XX века продажи японских раскрашенных фотографий резко сократились. Это связано с распространением

Особенности японской фотографии конца XIX века (по материалам ДВГНБ)

В Центре консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края ДВГНБ хранится 13 сувенирных японских фотоальбомов конца XIX века. Они включают в себя более 600 снимков. Визуальные источники позволяют составить представление о японской культуре ушедших веков и отражают историю становления фотодела в стране.

Сюжеты японских снимков конца XIX века во многом продолжают традиции изобразительного искусства, а именно — гравюры укиё-э. Фотография так же, как ксилография укиё-э, стала основной формой популярного искусства. На картинках изображали сцены из обыденной жизни японцев, прекрасных гейш, ремесленников, борцов сумо, актёров театра кабуки, а позже стали рисовать пейзажи. Советский искусствовед Борис Петрович Денике пишет о японских гравюрах укиё-э так: «...ряд общих стилистических черт является типичным для японского искусства, как то: плоскостность, линеарность, отвлеченность, стремление к созерцательному восприятию мира» [2, с. 13]. Эти же черты можно найти в японской фотографии.

В сувенирных фотоальбомах из коллекции ДВГНБ помещены снимки с видами городов, пейзажами Японии, архитектурой, достопримечательностями страны, портретами людей. В особую группу можно выделить сцены повседневной жизни японцев. Отнесём сюда фотографии уличных

Неизвестный автор. [Шепчущиеся девушки]. 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 19,9х25,7. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Гор. Осака и Нагоя. 1896 год» (№ 3549714).

плёночных фотоаппаратов «Кодак». У туристов появилась возможность ездить по стране и самим фотографировать понравившиеся виды.

³ То есть гейш.

⁴ Один из первых японских фотографов.

торговцев, ремесленников, занятых работой, одевающихся и причёсывающихся девушек и т. д. Портреты и сценки с участием красавиц в кимоно привлекали европейских туристов, и многие путешественники приобретали их для своих альбомов. Популярными сюжетами таких снимков были утренний туалет, танцующие, поющие или играющие на музыкальных инструментах девушки. Японок изображали в национальных костюмах. Они могли держать в руках различные атрибуты: зонтик, книгу, зеркало, веер. Попадаются сувенирные фотографии, где объектом съёмки становится традиционная женская причёска.

Моделями для снимков чаще всего выступали актёры, актрисы и гейши. Это связано с суевериями, распространёнными среди японцев. Преподаватель японского и английского языков К. В. Санчирова в статье «Истоки становления японской фотографии» отмечает: «В то время многие японцы боялись фотографироваться, полагая, что их появление в кадре приведёт к "истощению жизненной энергии", болезни или даже смерти, и отказывались от проведения съёмок с их участием. Поэтому совершенно не удивительно, что на фотосессии приглашались в основном актёры и актрисы, наделявшие фотографии неестественной статичностью» [7, с. 44]. К тому же считалось, что реалистичное изображение делает тело женщины доступным для клиента.

Одной из особенностей японской фотографии конца XIX века стала фиксация экзотики прошедших веков. Изображение необычных для европейцев видов, предметов и образов отличает японские снимки. На одной из фотографий, хранящихся в фонде ДВГНБ, запечатлена театрализованная сцена сэппуку, или харакири. Актёры, играющие самураев, воссоздают в студии фотографа сцену ритуального самоубийства.

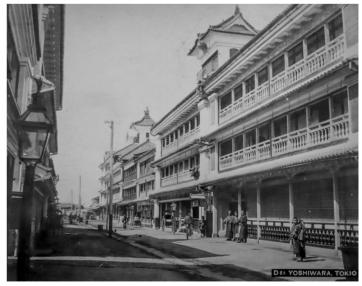

Неизвестный автор. Девушки из чайного дома. 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 19,9x25,6. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Порт Иокогама. 1896 год» (№ 3549821).

Слово «самурай» происходит от старинного японского глагола «служить». Самураи служили даймё (крупный военный феодал средневековой Японии), они защищали его и выполняли различные поручения. Каждый самурай жил по этическому кодексу — бусидо. Если воин не следовал правилам бусидо, был виновен в каких-либо преступлениях, его приговаривали к харакири. Кроме того, ритуальное самоубийство самураи могли совершать добровольно, если была затронута их честь или в знак верности своему даймё.

Этот снимок предположительно был сделан Адольфо Фарсари, одним из известнейших иностранных фотографов, работавших в Японии в 80-е – 90-е годы XIX века. Фарсари родился в итальянском городе Виченце. Он начал строить карьеру военного сначала в Италии, а затем в США, куда переехал жить и даже обзавёлся семьёй. Но семейная жизнь Адольфо Фарсари сложилась неудачно, и он уехал путешествовать по миру. В 1873 году он прибыл в Японию, где сначала торговал картами и путеводителями по стране, а спустя 10 лет освоил искусство фотографии. Фарсари сделал много снимков пейзажей, портретов японцев, бытовых зарисовок. Его фотографии пользовались большим успехом, их покупали иностранцы и путешественники по Японии. Студия Адольфо Фарсари стала одной из известнейших в Японии, его работы повлияли на развитие искусства светописи в Стране восходящего солнца.

Каждая фотостудия предлагала клиентам каталоги снимков. Изображения в них располагались по номерам. В коллекции альбомов ДВГНБ часто встречаются фотографии с впечатанными названиями на английском языке и каталожными номерами. Например:

Неизвестный автор. Ёсивара, Токио. 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 20,5х26,3. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Этнографический альбом» (№ 3549715).

«D 81 Yoshiwara, Tokio»⁵, «710 Kitano Temple, Kioto», «86. Snow costume». Покупатели выбирали понравившиеся фотографии и могли либо купить их отдельно, либо заказать изготовление целого фотоальбома.

Обычно альбомы включали в себя по 25, 50 или 100 раскрашенных вручную альбуминовых фотоотпечатков. Самые популярные изображения делались больших размеров, примерно 19х26 сантиметров. Многие альбомы продавались в готовом виде со стандартной подборкой фотографий [10].

Переплётные крышки для японских сувенирных фотоальбомов могли быть обтянуты кожей, шёлковой парчой или выполнены в традиционной лаковой технике. Лакированные изделия украшались рисунками и инкрустациями. В основном использовался лак чёрного или красного цвета.

Переплётная крышка фотоальбома «Япония. Гор. Осака и Нагоя. 1896 год».

Сотрудник Государственного Эрмитажа А. В. Савельева отмечает: «Лаковые переплёты никогда не применялись в издательском деле, но в оформлении фотоальбомов были чрезвычайно популярны в 70–90-е гг. XIX в.» [6, с. 52]. Говоря об их привлекательности для туристов, исследователь упоминает о том, что в коллекции библиотеки Эрмитажа есть фотографии индокитайских памятников, собранные в фотоальбом под лаковым переплётом. Альбомы без фотографий можно было свободно купить в Японии и вклеить в них любые снимки. Так, в фонде ДВГНБ хранятся несколько японских альбомов со снимками Китая и «[Этнографический альбом малых народностей Восточной Сибири и Дальнего Востока]⁶» с работами П. П. Шимкевича.

Интерес к восточной культуре у человека западной цивилизации был всегда. Именно поэтому, когда Япония «открыла свои двери» для иностранцев в середине XIX века, в страну устремились сотни туристов. Кроме того, страна стала участвовать во всемирных выставках, представляя достижения своего искусства и ремёсел на всеобщее обозрение. Причём среди иностранцев популярностью пользовалось визуальное искусство. Об этом пишет исследователь японской культуры О. И. Лебедева: «...существовавший языковой барьер с гораздо большей легкостью позволял знакомиться с японской культурой через визуально воспринимаемые артефакты, нежели через тексты» [4, с. 20]. Поэтому японская книжная культура не пользовалась такой популярностью, как, например, гравюра или фотография.

Человеку, посетившему Японию, хотелось привезти что-нибудь на память об этой стране, превосходными сувенирами становились фотоальбомы. Наши русские путешественники, известные люди и знатные особы привозили из Японии фотоальбомы. Известно, что наследник престола цесаревич Николай Александрович из путешествия на Восток в 1890–1891 годах привёз японские фотоальбомы, два таких фотоальбома хранится в научной библиотеке Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

В публичную библиотеку Хабаровска японские сувениры могли попасть таким же образом, то есть могли быть привезены разными людьми из путешествий и переданы в фонд. К сожалению, только в одном фотоальбоме из 13 есть штамп владельца — Василия Фёдоровича Плюснина. Как остальные 12 единиц хранения попали в фонд, остаётся только предполагать. На их форзацах и страницах нет владельческих записей.

Василию Фёдоровичу Плюснину, знаменитому хабаровскому купцу, принадлежал фотоальбом «Япония. Этнографический альбом» (№ 3549715). Название написано карандашом на форзаце. Верхняя сторонка переплёта утрачена. Первая страница альбома пустая, на её обороте масляными красками нарисована девушка, автор рисунка неизвестен. Всего в альбоме 28 фотографий. Пять последних листов пустые.

В фотоальбоме помещаются портреты айнов, буддистских священников, снимки торговых лавок, виды и достопримечательности разных городов Японии. Перечислим некоторые названия фотографий с каталожными номерами: «9. Nagasaki Harbour» («Гавань в Нагасаки»), «А 411. Sarusawa lake at Nara» («Озеро Сарусава в Наре»), «D 81. Yoshiwara, Tokio» («Ёсивара, Токио»), «01 Cherry-flower of Koganei. (Nearly Tokyo)» («Цветение сакуры в Коганеи (близ Токио)»).

Рассмотрим последний снимок подробнее. На нём запечатлена аллея вишнёвых деревьев. Под сакурой распо-

⁵ Название снимка переводится как «Ёсивара, Токио». Квартал Ёсивара, или район развлечений, — место в городе Токио, где до середины XX века располагалось множество публичных домов.

⁶ В квадратные скобки заключены названия, сформулированные библиотекарями.

Неизвестный автор. Цветение сакуры в Коганеи (близ Токио). 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 20,6х26,3. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Этнографический альбом» (№ 3549715).

ложились группы прогуливающихся и отдыхающих людей. Справа — дженерикша⁷ с пассажиркой. Интерес вызывают японцы в национальной одежде и шляпах-котелках. В эпоху Мэйдзи в Стране восходящего солнца распространяется мода на европейское платье и головные уборы. Мужчин часто можно было встретить в кимоно и котелке или фуражке. Фотография искусно раскрашена художником. Преобладают розовые и зелёные оттенки.

Коганеи — это небольшой город в префектуре Токио. Он славился прекрасными вишнёвыми аллеями. Сёгун из династии Токугава Ёсимунэ покровительствовал выращиванию сакуры и старался распространить традицию любования ею по всей стране. Именно он в 1735 году приказал высадить десять тысяч молодых деревьев в городе Коганеи.

Каждый год сотни туристов посещают это место, чтобы насладиться красотой цветущих деревьев. Самое лучшее время для поездки в Коганеи — апрель.

В Японии есть традиция проведения пикников под кронами вишен. Этот обычай называется «ханами», и появился он примерно в VI веке. Ханами был распространён преимущественно среди японской знати, и лишь к периоду Эдо (1603—1868 гг.) этой традиции стали следовать представители всех сословий.

Сакура в Японии символизирует быстротечность бытия. Её пышное цветение и увядание сравнивают с человеческой жизнью. Образ вишни часто появляется в японском искусстве, в том числе и в фотографии.

В альбоме В. Ф. Плюснина встречаются снимки торговых лавок. На них изображены продавцы продуктов

Неизвестный автор. Башмачник. 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 20,5х26,4. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Этнографический альбом» (№ 3549715).

Неизвестный автор. [Торговец хризантемами]. 1890-е годы. Раскрашенная фотография, альбуминовый отпечаток. 19,8х25,7. ДВГНБ. Фотоальбом «Япония. Гор. Осака и Нагоя. 1896 год» (№ 3549714).

питания, кошельков и кожаных изделий, японских деревянных сандалий — гэта. Плюснин выбрал для своего альбома фотографии, на которых торговые места сняты с натуры, на улице. Такие изображения обладают большей степенью достоверности, нежели постановочные. Очень часто фотографы воссоздавали производство каких-либо изделий у себя в студии или запечатлевали представителей разных профессий. Они собирали реквизит, приглашали актёров и создавали кадр. В фонде ДВГНБ есть такие студийные фотографии: «[Торговец хризантемами]», «С 94. The Weaver» («Ткачихи»). Цель подобных снимков — красиво показать занятия японцев и привлечь покупателя европейца.

В целом альбом В. Ф. Плюснина содержит яркие образы культуры Японии. По фотографиям можно составить

представление о том, что привлекало их обладателя, чем он интересовался и что хотел оставить на память.

Ещё одним владельцем японских фотоальбомов из фонда ДВГНБ, вероятно, был Николай Иванович Гродеков, исполнявший обязанности помощника приамурского генерал-губернатора с 1893 по 1898 год. Он мог привезти сувенирные альбомы из путешествия по странам Азии в 1896—1897 годах. В нескольких номерах газеты «Приамурские ведомости» за 1897 год опубликованы рассказы Н. И. Гродекова о его поездке по Японии в изложении М. Сибирцева.

Альбомы не имеют владельческих ярлыков, штампов и других знаков принадлежности Гродекову. Но на форзацах нескольких фотоальбомов от руки чёрными чернилами подписаны однотипные названия: «Япония. Порт Иокогама. 1896 год», «Япония. Гор. Осака и Нагоя. 1896 год», «Япония. Токио, Матсушима, землетряс. Нагоя, хризантемы. 1896 год», «Япония. Киото, озеро Бива. 1896 года», «Япония. Порт Кобе. 1897 года», «Япония. Селение Нара. 1896 года». Эти шесть единиц хранения с большой долей вероятности принадлежали Николаю Ивановичу. 26 октября 1896 года он выехал из Владивостока и к ноябрю того же года прибыл в Нагасаки. В Японии Гродеков пробыл несколько месяцев, за это время он посетил Токио, Осаку, Кобе, Киото, Нару, Никко. Названия альбомов как бы повторяют маршрут Николая Ивановича, подтверждая наше предположение, а фотографии соответствуют его воспоминаниям.

Возьмём для примера фотоальбом «Япония. Селение Нара. 1896 года» (№ 3549713). В нём помещаются снимки с изображениями храмов, пагод, а также местных обитателей — пятнистых оленей. В XIX веке Нара был небольшим провинциальным городком, а сейчас он является административным центром одноимённой префектуры. В Наре расположено множество храмов, кумирен и других архитектурных памятников. Возле храмов и в парках города свободно гуляют пятнистые олени, которые долгое время считались священными животными. Н. И. Гродеков называет оленей «дикими козами» и рассказывает о парке в Наре следующее: «...в Нарском парке, не огороженном, гуляют сотни диких коз; они до того ручны, что выходят на дорогу и хватают вас за платье, требуя этим, чтобы вы купили им гостинца, который тут же продается японками. Козы без всякой боязни заходят в самое селение. Одним словом, повсюду чувствуют себя как дома» [Цит. по: 8, с. 15]. Впечатления

Н. И. Гродекова схожи с отзывами современных туристов, побывавших в Наре. Люди отмечают, что пятнистые олени очень дружелюбны, ходят повсюду и просят корм, который продаётся в парке.

Большинство фотографий в альбоме «Япония. Селение Нара. 1896 года» без названий, но есть две с каталожными номерами: «363 Kasuga temple Nara» («Храм Касуга в Hape») и «366 Kasuga Nara» («Kacyгa Hapa»). На первой запечатлён храм Касуга-тайся, а на второй пятнистые олени, лежащие под деревом. Про древнее синтоистское святилище Касуга-тайся в Наре Н. И. Гродеков рассказывал следующее: «В Наре, в храме Касуга, поставлено 200 000 каменных фонарей; находится священная белая лошадь, танцуют девушки, посвятившие себя на служение божеству. Всё это осталось в Наре с тех времён, когда в ней была столица Японии» [Цит. по: 8, с. 15]. Фотографии, подкреплённые воспоминаниями туриста, побывавшего в стране примерно в то же время, когда они были сделаны (в 90-х гг. XIX в.), создают особый образ Японии эпохи Мэйдзи.

В целом фотоальбомы, предположительно принадлежавшие Н. И. Гродекову, включают видовые, архитектурные, портретные снимки и картины из повседневной жизни японцев. Попадаются фотографии разного формата, как цветные, так и чёрно-белые. Под ними встречаются рукописные подписи. На последних страницах некоторых альбомов приклеены ксилографии, документы на японском языке или газетные вырезки.

Таким образом, на сегодняшний день выяснено, что один японский фотоальбом принадлежал В. Ф. Плюснину. Как минимум шесть альбомов, вероятно, были привезены Н. И. Гродековым из путешествия по Востоку. История поступления в фонд ДВГНБ остальных японских сувенирных фотоальбомов неизвестна и может стать темой для дальнейшего изучения.

Более 40 лет японская раскрашенная фотография и фотоальбомы оставались популярными сувенирами для европейских туристов. К началу XX века они стали меньше востребованы в связи с развитием фототехники. Сейчас фотографии эпохи Мэйдзи являются настоящими артефактами культуры. Они не только репрезентуют визуальный образ Японии конца XIX века, но и отражают историю фотодела в этой стране.

Список использованных источников

- 1. Горегляд, В. Н. Классическая культура Японии: очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. Санкт-Петербург: Петерб. востоковедение, 2006. 352 с. (Orientalia).
- 2. Денике, Б. П. Японская цветная гравюра / Б. П. Денике. [Москва] : ОГИЗ ИЗОГИЗ, 1935. 200 с.
- 3. Крестовский, В. В. В дальних водах и странах / В. В. Крестовский; вступ. ст. С. С. Москаленко. Москва: Центрполиграф, 2002. 685 с.
- 4. Лебедева, О. И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков: взгляды и концепции Окакура Какудзо / О. И. Лебедева. —

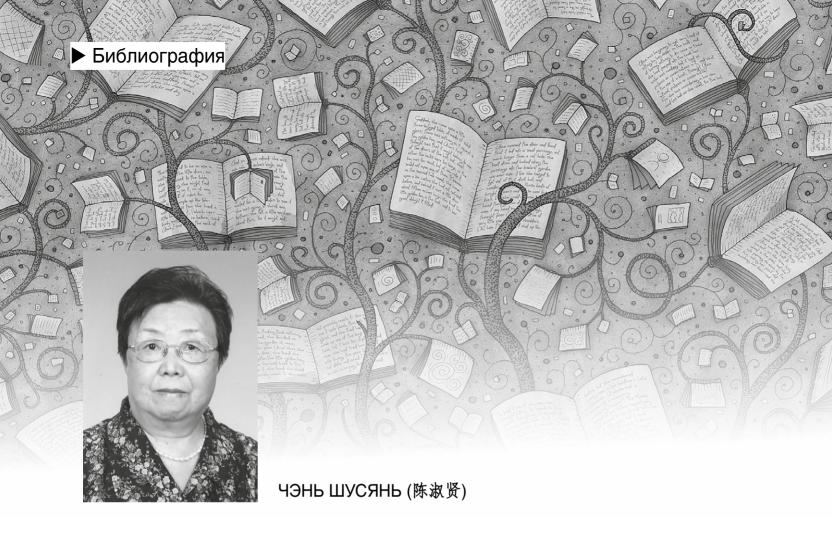
- Москва : РГГУ, 2016. 209 с. (Orientalia et Classical: Труды Института восточных культур и античности ; вып. 58).
- 5. Новая история фотографии/[A. Стюарт и др.]; под ред. М. Фризо; [пер. с фр. В. Е. Лапицкий и др.]. Б. м.: А. Г. Наследников, 2008. 333, [1] с.
- 6. Савельева, А. В. Фотографии Кусакабэ Кимбэй в собрании Государственного Эрмитажа / А. В. Савельева // Сообщения Государственного Эрмитажа LXVII. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. С. 51–64.
- 7. Санчирова, К. В. Истоки становления японской фотографии / К. В. Санчирова. Текст: электронный // Японские исследования: [электронный научный журнал]. 2018. № 2. С. 38–53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-stanovleniya-yaponskoy-fotografii (дата обращения: 03.02.2021).
- Сибирцев, М. По странам Дальнего Востока в зиму 1896/97 гг. / М. Сибирцев // Приамур. ведомости. — 1897. — № 170. — С. 12–16.

- 9. Черкасенко, А. И. Ассоциации: хайку и японская фотография, 1860–1890-х годов из коллекции МАММ / А. И. Черкасенко; [вступ. сл. О. Свибловой; Мультимедиа арт музей]. Москва: Symbols, 2018. 149 с.
- 10. Burton, R. Japanese tourist photography / R. Burton; Harvard library. Текст: электронный // Early photography of Japan: сайт. [Cambridge, 2012]. URL: https://library.harvard.edu/sites/default/files/static/collections/epj/index.html (дата обращения: 25.11.2021).
- 11. Wakita, M. Sites of "disconnectedness": the port city of Yokohama, souvenir photography, and its audience / M. Wakita. Текст: электронный // The journal of transcultural studies. 2013. Т. 4, № 2. С. 77–129. URL: https://heiup.uni-heidelberg.de/journals/index.php/transcultural/article/view/11067/5678 (дата обращения: 16.12.2021).

Фотографии из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Материал поступил в редакцию 07.02.2022.

Сведения об авторе: Струк Кристина Андреевна, главный библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: struk_christina@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «РЕКА ДУШИ МОЕЙ»

В статье представлена краткая характеристика сборника рассказов «Река души моей», составленный и переведённый на китайский язык профессором Чэнь Шусянь. Рассказы принадлежат перу писателей, родившихся и выросших в среднеазиатских и прибалтийских республиках СССР. О том, чем было вызвано появление этого сборника, каким образом отбирались для него произведения, о его художественном своеобразии рассказывает его составитель и переводчик — профессор Чэнь Шусянь.

Ключевые слова: сборник рассказов, СССР, перевод на китайский, среднеазиатские и прибалтийские республики бывшего Союза.

Keywords: storybook, USSR, chinese translation, Central Asian and Baltic republics of the former Soviet Union.

оя судьба была предрешена изначально: будучи школьницей, я начала учить русский язык, который сопутствует мне почти всю жизнь. Русский язык является не только моим орудием общения, но и краеугольным камнем стабильности моей профессии (работы). Русский язык даёт мне шанс читать лекции по русско-советской литературе в вузах (ориентация сделана на советскую литературу (до распада СССР), русскую литературу на современном этапе (после распада)). Русский язык обеспечивает для меня широкую возможность изучать, наслаждаться классикой литературы, при необходимости переводить некоторые произведения известных русских писателей на китайский язык. Иногда удаётся принять участие в международных научных конференциях с докладом на русском языке... Не знаю, откуда взялась смелость даже написать отдельную книжку на русском языке «Голос России в Китае», изданную Издательским домом «Частная коллекция» в г. Хабаровске в 2007 году.

Как удачливому человеку, как баловню судьбы, мне посчастливилось побывать во многих городах до и после распада Советского Союза: в столице Узбекистана Ташкенте,

"一带一路"国家当代文学精品译库
主 编 郑体武
中亚与高加索系列
我心中的河流
Yuragimdagi daryo

[乌兹列克斯坦]乌卢格别克·哈姆达姆等/著
陈淑贺/译

Сборник рассказов «Река души моей». КНР, Шанхай, 2021 год.

живописном Самарканде, в столице Украины Киеве, оригинальном городке Сумы, в столице Латвии Риге... Разумеется, больше всего побывала в городах России (всего в 11); срок пребывания разный, самый большой — в Хабаровске, где я жила и работала 10 лет, а самый короткий — в типичном европейском городе Воронеже — 8 часов. Все места, где я побывала или проживала, произвели на меня неизгладимое впечатление.

Каждое место привлекает к себе своей красотой. Бросаются в глаза приезжих исторические достопримечательности, очаровательный пейзаж, архитектурные ансамбли, обычаи и нравы... А я, как филолог, уделяла большее внимание литературе. Меня интересуют те места, в которых таится несметное сокровище литературы. Оно неиссякаемое! Посмотрите: в Киеве — неповторимая Киево-Печерская лавра, широкая река Днепр, где произошёл ожесточённый бой во время Великой Отечественной войны; в Риге — немолчный говор волн Балтийского моря, звон колоколов Домского собора; в Ташкенте царит торжественная тишина вокруг мечети; неописуемая красота природы в Самарканде... Эти места подсказывают нам, что источники для творчества неисчерпаемы. Невольно мне вспомнилось прошлое: когда читала лекции по советской литературе, мало обращалась к литературе среднеазиатских и прибалтийских республик бывшего Союза. Причина — в недостаточности материалов о них. Как филолог, я чувствовала, что этот пробел, особенно после распада СССР, надо устранить и заострить особое внимание на литературе каждого самостоятельного государства из числа бывших советских республик. Последние десять с лишним лет я разыскивала и читала произведения писателей Азербайджана, Армении, Латвии, Эстонии... Это оказалось непростой задачей. Словно искать иголку в стоге сена. Почти нет готовых отдельных книг или сборников произведений писателей этих государств, приходилось перелистывать ведущие журналы, и мне повезло: из таких журналов, как «Дружба народов», «Октябрь», «Знамя», «День и ночь», удалось подобрать необходимое. Всего 14 рассказов, которые я перевела и составила из них сборник рассказов «Река души моей». Попробую обобщить его художественные особенности.

Писатели

Авторы произведений — прозаики, поэты, драматурги, литературоведы, родились в 1960-х – 1980-х годах (самый молодой — в 1989 г.). Есть общепринятое мнение, что на фоне переворота судьбы государства, перелома истории, потрясения эпохи часто рождается великая литература, так как литература — зеркало действительности; резкое изменение социальной действительности находит своё отражение в литературе. Писатели, родившиеся и выросшие

в такую эпоху, впитавшие её, стараются отобразить дух эпохи в своих произведениях. У этих молодых писателей, чьи произведения были отобраны мною в сборник «Река души моей», яркая литературная индивидуальность, своёобразная точка зрения, разнообразный стиль, сочный язык...

Темы

На фоне слияния азиатской и европейской литературы. сплетения светской и религиозной литературы темы несравнимо разнообразны, но главная — великая эпоха и простые люди, симфония, посвящённая судьбам. После распада СССР бывшие республики переживали очень сложную ситуацию: на смену старому пришло новое. Неопределённость и нестабильность, кое-где вспыхнули конфликты, даже война... Реальность нашла своё отражение в литературе, в фокусе внимания людей творческих оказались сосредоточены судьбы простых людей. Художник, поэт, писатель, даже военный офицер испытывают противоречие, заблуждение, отчаяние... Всемирно известный 53-летний врач тяжело болен, и никаких надежд на исцеление нет; он хотел встретить свою смерть в оккупированной деревне и решил пешком добраться до родного дома и посадить дерево во дворе, а потом умереть. «Пусть это дерево станет проявлением протеста против всех мировых конфликтов, станет символом мира...» Он, преодолевая боль, дошёл до могилы отца, но там только яма. Врач, застонав, сполз в неё... Красавица с голубыми глазами больна СПИДом, и она, как больной ангел, томилась в одиночестве, хотя друзья о ней очень заботятся... Из-за войны дети стали сиротами, 14-летняя девочка вынуждена торговать собой, чтобы заработать деньги на еду для них. Однако она не потеряла надежду на будущее — она крикнула огонькам, смазанным в тонкие светлые полосы: «Пожалейте сироту, люди добрые!»

Некоторые из этих писателей воссоздали фантастику народных сказок, где героями являются простые люди. Парень никак не мог найти выхода из положения. Ему пришлось покинуть родину и искать счастья на чужбине. Случайно он

оказался на острове, на котором живут маленькие человечки — перед ними парень как человек-гора. Вскоре герой стал императором острова-государства маленьких человечков. Император со своими императрицами живёт с большой роскошью. Но фантазия остаётся фантазией — вдруг он неожиданно скончался... Героиня другой сказки — восковая девочка. Мать её — ведьма, у которой не может быть детей, поэтому она сделала из воска чудного круглого ребёнка и вдохнула в него жизнь. Девочка стала избалованной: «Всё, о чём другие мамы рассказывали в сказках, её восковая дочурка получила наяву». Наконец, «от жарких чувств девочка расплавилась, как свеча, оставив в осиротевших руках ведьмы только комочек воска»...

Жанр

Сборник включил в себя прозу малых форм, таких как рассказ, рассказ в рассказе, народное предание, сказка, забавная история, письма, записки одной семьи и проч. Несколько слов о записках. В семье, состоящей из мужа, жены, сына, дочери, служанки, бывшего мужа жены и её подруги, каждый пишет и оставляет дома записки, чтобы выразить свои мысли или передать слова другого. Без всякого повествования и описания от автора поведение героев и взаимоотношения между ними читателю предельно ясны.

Стиль

Стиль разнообразный. Литература, которая коренится на национальной почве, имеет свою тональность. Писатели прибегали к разным средствам в своём повествовании: реализму, романтизму, символизму, сатире, юмору, метафоре, фантазии, приключениям, лирическим отступлениям, философским размышлениям и другим, с целью придать своим произведениям выразительность и привлекательность.

Сборник рассказов «Река души моей» был издан в декабре 2021 года в г. Шанхае (КНР) Шанхайским издательством педагогической литературы по иностранным языкам (тираж — 2 000 экз.).

Приложение.

Произведения, вошедшие в сборник «Река души моей»

Елизарова, Н. Не открывайте папе дверь! (Записки одной семьи) / Н. Елизарова // День и ночь. — 2006. — № 7/8. — С. 75–78. — (Россия).

Барлиг, О. Ненавижу / О. Барлиг // Дружба народов. — 2012. — № 1. — С. 145–146. — (Украина).

Календа, С. Одетые истории. Литературный проект / С. Календа // Дружба народов. — 2010. — № 8. — С. 102–112. — (Белоруссия).

Лорченков, В. Бочка / В. Лорченков // Знамя. — 2008. — № 1. — С. 113–118. — (Молдова).

Марк, О. Зажигалка / О. Марк // Дружба народов. — 2007. — № 6. — С. 192–195. — (Казахстан).

Токомбаев, Ш. Возраст любви / Ш. Токомбаев // День и ночь. — 2010. — № 2. — С. 82–105. — (Киргизия).

Торк, А. Лухтак / А. Торк // Дружба народов. — 2007. — № 4. — С. 80–91. — (Таджикистан).

Хамдам, У. Река души моей / У. Хамдам // Дружба народов. — 2013. — № 8. — С. 125–131. — (Узбекистан).

Иаташвили, Ш. И мы прогнали смерть из дома... / Ш. Иаташвили // Октябрь. — 2009. — № 9. — С. 103–107. — (Грузия).

Гусейнбейли, Э. Солнце бьёт в глаза... / Э. Гусейнбейли // Дружба народов. — 2010. — № 6. — С. 26–34. — (Азербайджан).

Матевосян, Г. Светлая сердечная тоска / Г. Матевосян // Дружба народов. — 2009. — № 9. — С. 92–94. — (Армения).

Кивиряхк, А. Гулливер : (письма) / А. Кивиряхк // Октябрь. — 2013. — № 12. — С. 28–47. — (Эстония).

Икстена, Н. Восковая дочурка / Н. Икстена. — Текст : электронный // Камушек на ладони. Латышская женская проза. — Рига, 2000. — URL: https://www.litmir.me/br/?b=234318&p=40 (дата обращения: 01.04.2022). — (Латвия).

Толейките, И. Горчичный дом / И. Толейките // Дружба народов. — 2010. — № 8. — С. 97–102. — (Литва).

Фотография предоставлена автором. Материал поступил в редакцию 28.01.2022.

Сведения об авторе: Чэнь Шусянь, профессор Нанькайского университета (г. Тяньцзинь). Окончила Институт иностранных языков в г. Харбине в 1954 году. Работала переводчицей и преподавателем в вузах. Читала лекции по русской литературе студентам и аспирантам. С 1993 по 2003 год работала переводчиком высшей категории в Главной редакции радиовещания г. Хабаровска РГРК «Голос России». Самостоятельно и совместно с другими перевела романы: «В водовороте» А. Писемского, «Истоки» Г. Коновалова, «Фантазия женщины средних лет» А. Тосса, «Хороший Сталин» В. Ерофеева; повести: «Похороните меня за плинтусом» П. Санаева, «Анюта» Б. Полевого; избранные миниатюры: «Затеси» и «Ода русскому огороду» В. Астафьева, «Камешки на ладони» В. Солоухина; очерки: «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», «Литературная коллекция» А. Солженицына и другие. Написала книгу на русском языке «Голос России в Китае» (2007 г.). Сейчас на пенсии, проживает в г. Пекине. Контактные данные: e-mail: skyzxq@sohu.com.

забытая война

В материале даётся информация о новой книге востоковеда Алексея Михайловича Пастухова, автора более 50 статей по истории военного дела стран Дальнего Востока, соавтора книг на военно-историческую тематику. В рецензируемой книге «Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть» речь идёт о событиях, которые привели к этой войне, приводятся документы и источники как советской, так и китайской стороны.

Ключевые слова: КВЖД, СССР, Китай, Восток, война.

Keywords: CER (Chinese Eastern Railway), USSR, China, East, war.

езнаменитой и забытой войной чаще всего называют советско-финляндский конфликт 1939–1940 годов. Однако все прошедшие годы он в той или иной форме был на слуху. А вот подлинное забвение ждало самую первую войну,

Пастухов, А. М. Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть / А. М. Пастухов. — Москва : Пятый Рим, 2021. — 576 с.

в которой пришлось участвовать СССР. Речь идёт о конфликте на КВЖД, который произошёл в 1929 году. Некоторые считают его советско-китайской войной, но, скорее всего, такой термин применять к этой истории не стоит. Дело в том, что в конце 20-х годов силы, которая контролировала бы Китайскую Республику, погрузившуюся в дикую и беспощадную гражданскую войну, просто не было. Страна фактически развалилась на отдельные районы, власть в которых

держали милитаристские клики, одна другой гаже. Народ прозвал создавшуюся ситуацию «Генеральской дракой».

Маньчжурию, по которой, собственно, проходила Китайско-Восточная железная дорога, контролировал «Молодой маршал» Чжан Сюэлян. Формально он был членом Гоминьдана, который формально управлял Китаем, но в реальности ненавидел Чан Кайши (тот отвечал взаимностью) и был полностью независимым властелином. С его силами и пришлось воевать частям Красной армии, которые были сведены в Отдельную Дальневосточную армию. Война эта оказалась скоротечной и успешной. Китайцы были наголову разбиты. О конфликте слагали стихи, писали книги, даже сняли фильм. А потом всё кончилось. Отношения с Чан Кайши улучшились, на сцену вылез общий враг — Япония. КВЖД затмили стычка на Хасане и маленькая победоносная война на Халхин-Голе, главный герой КВЖД — маршал Блюхер — был репрессирован, а потом началось такое, что на его фоне дела давно минувших дней полностью померкли.

После Второй мировой войны началась великая дружба СССР и Китая, поэтому о старых стычках просто решили забыть. В результате конфликт на КВЖД был освещён в нескольких книгах, которые, по совести сказать, известны только специалистам по истории Дальнего Востока. А вот простым гражданам любопытство удовлетворить было негде и нечем. Знания автора этих строк, например, долгие годы ограничивались исключительно двухсерийкой из эпопеи «Государственная граница». В общем, публика ждала хорошего научпопа по истории конфликта на КВЖД и дождалась его.

Книга Алексея Пастухова — это полное погружение в тему, причём ведёт он свой рассказ с того момента, когда Россия начала своё движение на Восток. Ибо истоки конфликта лежат в давних временах, и без понимания подлинной истории процессов, которые привели к этой войне, знание будет однобоким. По сути, перед нами не просто изложение в стиле «ди эрсте колоннэ марширт, ди цвайтэ колоннэ марширт», а подлинная энциклопедия истории русской колонизации Дальнего Востока, каждая страница которой может быть развёрнута в отдельную книгу.

Если говорить о самой войне, оказывается, она вовсе не была лёгкой прогулкой, как можно представить себе из пропагандистских брошюрок, которые писали современники Блюхера. Это была полноценная война с применением ВВС, сражениями речных флотилий и даже танков. Понятно, что у китайцев не было шансов противостоять Красной армии, которая всё-таки была вполне современной. Но в ряде эпизодов они оказывали яростное сопротивление. Были случаи, когда китайские солдаты предпочитали смерть в бою плену или отступлению.

Книга уже нашла своих читателей и пользуется большим успехом. Одна из его важных причин — это то, что Алексей Пастухов — уроженец Дальнего Востока, потомок участника конфликта и профессиональный востоковед, знающий китайский язык. Это позволило насытить книгу строками не только из советских документов, многие из которых ранее не публиковались, но и привлечь китайские источники. В результате создана объёмная, живая картина, можно сказать, книга мечты, написанная прекрасным живым и образным языком. Остаётся только позавидовать тем, кто её ещё не прочитал.

Фотография предоставлена автором. Материал поступил в редакцию 29.04.2022.

Сведения об авторе: Пернавский Григорий Юрьевич, военный историк, публицист, член Союза журналистов России, главный редактор издательства «Пятый Рим» (г. Москва).

Информация для авторов

1. Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикации в научно-практическом рецензируемом периодическом издании «Культура и наука Дальнего Востока» (далее — журнал) отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и проч.

Авторские оригиналы рукописей (материалов), представленных для публикации в журнале, оформляются в соответствии с настоящими правилами. Статьи (материалы), оформленные без учёта данных правил, к публикации не принимаются. Взносы за публикации с авторов не взимаются. Авторское вознаграждение не выплачивается.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

С авторами заключается лицензионный договор на передачу издателю журнала — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека» — следующих прав:

- на обработку формы представления рукописи (материалов) для использования компьютерными программами и системами (базами данных):
- на воспроизведение рукописи (материалов), её публикацию и распространение в Интернете;
 - на внедрение в системы поиска (базы данных).

Также авторы предоставляют надлежащим образом оформленную рецензию-рекомендацию.

2. Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии).

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание. К статье должен прилагаться перечень ключевых слов на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением

не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
 - учёная степень;
 - учёное звание;
 - контактный телефон (рабочий, мобильный);
 - e-mail.

3. Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

4. Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке так же в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
 - нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Культура и наука Дальнего Востока Научно-практический журнал № 1 (32) / 2022

Учредители: Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры»

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией, ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Выпускающий редактор О. Н. Волкотрубова Вёрстка Е. Е. Кравцова Корректор Г. И. Казачук Перевод на англ. яз. Н. С. Амплеева

Подготовлено к печати Дальневосточной государственной научной библиотекой. Адрес редакции: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72. Тел. (4212) 32-72-20.

E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

Предпечатная подготовка и печать осуществлены в типографии ООО «Омега-Пресс».
Адрес типографии: 680014, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 86.
Подписано в печать 09.06.2022. Выход в свет 23.06.2022. Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Заказ № 545.
Тираж 500 экз.

Цена свободная.